БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Туве Янссон

ЛЕТНЯЯ КНИГА

«ИНОСТРАНКА»

Иностранная литература. Большие книги

Туве Янссон

Летняя книга

«Азбука-Аттикус»

1972,1974

УДК 821.511.111
ББК 84(4Фин)-44

Янссон Т. М.

Летняя книга / Т. М. Янссон — «Азбука-Аттикус», 1972,1974 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-18913-3

В эту книгу, помимо единственного написанного Туве Янссон романа «Город солнца» о безмятежной старости на побережье и пронзительной повести «Летняя книга» о девочке, потерявшей мать, а также уже известных русскому читателю рассказов и новелл, вошли и впервые переведенные на русский язык произведения. Северная атмосфера дневниковых «Записок с острова», посвященных строительству дома на Кловхаруне и жизни там, создает эффект присутствия на острове, пронизанном ветрами Финского залива и наполненном криками чаек, бесцеремонно вторгающихся в быт поселенцев. А под общим заголовком «„Бульвар“ и другие тексты» кроется ряд ранних новелл и эссе Янссон, опубликованных в периодических изданиях в разные годы ее творческой деятельности. В них Туве рассказывает, каково быть детским писателем, размышляет о живописи и критикует архитектуру, делающую человека несчастным. И через все это разнообразие текстов в полной мере раскрываются глубина и характер прославленной писательницы.

УДК 821.511.111
ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-389-18913-3

© Янссон Т. М., 1972,1974
© Азбука-Аттикус, 1972,1974

Содержание

Летняя книга 6
Утреннее купание 6
Лунный свет 8
Заколдованный лес 9
Гагарка 11
Вероника 13
Луг 17
Игра в Венецию 19
Штиль 22
Кот 25
Грот 28
Дорога 30
Праздник летнего солнцеворота 31
Палатка 34
Сосед 37
Шлафрок 42
Большая резиновая кишка 45
Корабль жуликов 50
Визит 53
Черви и другие 57
Софиин шторм 61
Опасный день 65
В августе 68
Город Солнца 71
1 72
2 81
3 85
4 92
5 98
6 103
7 105
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Туве Янссон
Летняя книга
Сборник

Tove Jansson
Sommarboken

* * *

Tove Jansson
SOMMARBOKEN
Copyright © Tove Jansson, 1972, Moomin Characters ™
SOLSTADEN
Copyright © Tove Jansson, 1974, Moomin Characters ™
RENT SPEL
Copyright © Tove Jansson, 1989, Moomin Characters ™
BREV FRÅN KLARA
Copyright © Tove Jansson, 1991, Moomin Characters ™
MEDDELANDE
Copyright © Tove Jansson, 1998, Moomin Characters ™
ANTECKNINGAR FRÅN EN Ö
Copyright © Tove Jansson, 1993, Moomin Characters ™
BULEVARDEN OCH ANDRA TEXTER
Copyright © Tove Jansson, 2017, Moomin Characters ™
All rights reserved
© И. Ю. Смиренская, перевод, 1987
© Н. К. Белякова, перевод, 2000
© В. Н. Андрианова (наследники), перевод, 2001
© Л. Ю. Брауде (наследники), перевод, 2000, 2001, 2007
© Ася Лавруша, перевод, 2020
© П. А. Лисовская, перевод, 2020
© Издание на русском языке, состав, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство Иностранка®

Летняя книга
Перевод И. Смиренской

Утреннее купание

Всю ночь лил дождь, его сменил жар раннего июльского утра. Голые склоны горы уже высохли, но мох в расселинах еще хранил в себе влагу, и все краски казались ярче обычного. Внизу, под верандой, буйствовал настоящий тропический лес, окутанный утренней дымкой. Трава и цветы, как назло, росли так густо, что того и гляди обломишь какой-нибудь стебелек, поэтому бабушка осторожно шарила между цветами, прикрывая одной рукой рот и каждую секунду рискуя потерять равновесие.

– Что ты делаешь? – спросила София.

– Ничего особенного, – ответила бабушка. – То есть я хотела сказать, что ищу свою вставную челюсть, – добавила она сердито.

Девочка спустилась с веранды и деловито поинтересовалась:

– Где ты ее обронила?

– Здесь. Я стояла на этом самом месте, она и упала сюда, в пионы.

Бабушка и внучка принялись за поиски вместе.

– Давай я поищу, – сказала София. – Ведь тебе трудно стоять на четвереньках. Пусти-ка.

Девочка нырнула под цветочную крышу и поползла между зелеными стеблями по мягкой черной земле. Ух, как тут было здорово, в этом запретном царстве! А вон и зубы – белые, острые, целая челюсть!

– Нашла! – София поднялась. – На, вставь их.

– Только не смотри на меня, – сказала бабушка, – я стесняюсь.

София спрятала руку с челюстью за спину:

– А я хочу посмотреть.

Тогда бабушка быстро вставила зубы, и оказалось, что ничего интересного в этом нет.

– Бабушка, а когда ты умрешь? – спросила София.

– Скоро. Но тебя это не касается.

– Почему?

Бабушка не ответила, она шла все дальше по склону к ущелью.

– Туда нельзя! – закричала София.

Бабушка презрительно взглянула на нее:

– Знаю. Папа не разрешает нам ходить в ущелье. Но мы можем успеть, пока он спит.

Они медленно спускались с горы, мох скользил под ногами, солнце поднялось еще выше и высушило последнюю влагу, теперь, казалось, весь остров купался в солнечном свете. Было очень красиво.

– И тебе выроют яму? – участливо спросила София.

– Конечно, – ответила бабушка. – Большую яму. – И лукаво добавила: – Нам всем места хватит.

– Почему?

Они шли к мысу.

– Так далеко я еще никогда не заходила, – сказала София. – А ты?

– И я тоже.

Вот и мыс. Гора в этом месте спускалась в воду темными террасами, и каждый такой шаг в темноту был окантован светло-зеленой бахромой из водорослей, которые то набегали с волной на каменную площадку, то снова уходили в море.

– Я хочу купаться, – сказала София.

Она ждала, что бабушка возразит, но та будто и не слышала ее слов. София стала раздеваться, медленно и опасливо, не очень-то доверяя молчаливому согласию бабушки.

Ледяная вода обожгла ноги.

– Холодная.

– Конечно холодная, – сказала бабушка, все еще погруженная в свои мысли. – А ты как думала?

София вошла в воду по пояс и остановилась.

– Плыви, – подбодрила ее бабушка. – Ну, что же ты?

«Тут же глубоко, – подумала София. – Она, наверное, забыла, что я еще ни разу не плавала одна на глубине». Девочка вылезла из воды, уселась на камне и сказала как ни в чем не бывало:

– Сегодня будет отличный денек.

Солнце поднялось совсем высоко. Остров и море блестели, залитые солнечными лучами, воздух казался невесомым.

– Я умею нырять, – сказала София. – А ты знаешь, как ныряют?

– Конечно, – ответила бабушка. – Нужно собраться с духом, разбежаться и прыгнуть, вот и все. Чуть заденешь ногами листья фукуса[1], коричневые такие, знаешь, и скользишь вниз, задержав дыхание. Вода вокруг светлая и прозрачная, только пузырьки бегут наверх, а ниже все темнее и темнее. Потом поворачиваешься, поднимаешься на поверхность и делаешь вдох. Ну и плывешь. Просто плывешь к берегу.

– И все время с открытыми глазами.

– Еще бы! Ныряют всегда с открытыми глазами.

– Ты веришь, что я умею нырять, можно не показывать? – спросила София.

– Верю, верю. Одевайся, пойдем скорей домой, пока папа не проснулся.

«Не много мне теперь надо, чтобы устать, – подумала бабушка. – Как только вернемся, прилягу отдохнуть. И не забыть бы сказать ему, что ребенок до сих пор боится глубины».

[1] *Фукус* – род бурых водорослей. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Лунный свет

Это случилось в полнолуние, в апреле, когда море было еще покрыто льдом. София проснулась и вспомнила, что они вернулись на остров и что спит она теперь на маминой кровати, потому что мама умерла. В печке вовсю полыхал огонь, языки пламени, казалось, доставали до самого потолка, к которому были подвешены для просушки сапоги. София спустила на холодный пол босые ноги и подошла к окну.

Лед был черный, и на нем, посреди этой черноты, София увидела за открытой заслонкой полыхающий в печке огонь – и даже два огня, один подле другого. Во втором окне на земле тоже горели два костра, а в третьем дважды отражалась вся комната, с чемоданами, сундуками и ящиками с откинутыми крышками, а в ящиках, чемоданах и сундуках этих было полным-полно мха, снега и пожухлой травы. И все это посреди кромешной тьмы. Софии показалось, что вдали, на горе, она разглядела рябинку, а неподалеку от нее двух детей. И темно-синее небо над ними.

София снова легла на кровать и стала смотреть на огонь, плясавший на потолке, и, пока она лежала, остров постепенно надвигался на их дом, все ближе и ближе. И вот они уже спали на прибрежном лугу, на ее одеяле белели снеговые пятна, а остров все наступал. Кровати заскользили по черному льду, в полу раскрылся узкий фарватер, и все их чемоданы и сундуки выплыли по нему на лунную дорожку. Полные тьмы и мха, они были открыты и покидали их дом навсегда.

София протянула руку и осторожно тронула бабушку за косу. Бабушка сразу же проснулась.

– Послушай, – прошептала София, – я видела два огня в окне. Почему там два огня, а не один?

Бабушка задумалась и ответила:

– Потому что у нас двойные рамы.

Помолчав минуту, София спросила:

– Ты точно знаешь, что наша дверь заперта?

– Она открыта, – сказала бабушка. – Она всегда открыта, спи спокойно.

София завернулась в одеяло. Она подождала, пока весь остров не выплыл на лед и не стал удаляться к горизонту. А когда София уже засыпала, встал с постели папа, чтобы подбросить дров в печь.

Заколдованный лес

На противоположной стороне острова, за горой, стоял мертвый лес. Там всегда дул ветер. Вот уже много сотен лет лес пытался расти вопреки бурям и поэтому стал не похожим ни на один другой лес в мире. Проплывая мимо на лодке, можно было увидеть, как ветер ломал и корежил каждое деревце, заставляя их чуть ли не ползком ползти по земле. Постепенно некоторые деревья, не выдержав натиска, ломались и падали и, догнивая свой век, где подпирали, а где придавливали еще уцелевшие и зеленеющие верхушками – так в один клубок тесно сплетались упрямство и покорность. Земля была устлана бурой хвоей, кроме тех мест, где ели, повинуясь судьбе, стелились по земле, они росли с неуемной жадностью, влажные и блестящие, как деревья в джунглях. Этот лес называли заколдованным. За долгие годы борьбы он сам нашел себе форму, и равновесие между жизнью и смертью было столь ненадежно, что малейшее изменение таило в себе беду. Нельзя было ни вырубить просеку, ни убрать упавшие деревья – и то и другое могло бы привести к гибели всего заколдованного леса. Невозможно было осушить почву и вырастить что-нибудь за этой плотной, непроходимой стеной. Где-то в глубине за зарослями кустарника, в вечном полумраке, жили птицы и мелкие звери, в тихую погоду оттуда доносились шуршание крыльев и торопливый топоток лап. Но редко когда можно было увидеть этих зверей и птиц. Вначале, когда семья только поселилась на острове, папа с Софией решили сделать заколдованный лес еще таинственней, чем он был. Для этого они свезли на берег старые пни и сухие ветви можжевельника с соседних островков. Эти причудливые коряги, белесые от ветра и воды, были по-своему красивы. Когда их затаскивали наверх, они трещали и обламывались, оставляя за собой широкую колею. Бабушке это занятие не нравилось, но она только молча мыла лодку, терпеливо ожидая, когда папе и Софии надоест заколдованный лес. И тогда она стала наслаждаться им в одиночестве. Она не спеша пробиралась сквозь заросли папоротника, обходя болотную воду, потом, утомившись, ложилась на землю и разглядывала небо сквозь завесу из серого мха и веток. Когда она возвращалась и ее спрашивали, где она пропадала, бабушка отвечала, что, кажется, немного вздремнула.

За лесом, в глубине острова, наоборот, царили чистота и порядок, как в парке. На земле, пропитанной весенними дождями, не валялось ни веточки, к морю вели узкие аккуратные тропинки. Только дачник или совсем уж неотесанная деревенщина пойдет прямо по мху. Им невдомек, сколько ни повторяй, что мох самое нежное растение, какое только бывает. Наступишь на него один раз – он поднимется после дождя, наступишь второй раз – уже не поднимется. А наступишь в третий раз – умрет вовсе. Это все равно что гага: стоит спугнуть ее с гнезда три раза – и она уже никогда не вернется туда.

Где-то в середине июля надо мхом вырастает красивая высокая трава. Зацветают, развеваясь на ветру, легкие метелки, и тогда весь остров, истомленный июльской жарой, на неделю одевается в невесомое полупрозрачное покрывало. Невозможно вообразить себе ничего более первозданного и нетронутого, чем этот летний пейзаж.

В заколдованном лесу бабушка любила вырезать из дерева диковинных зверей. Ветки и сучья превращались в ее руках в звериные лапы и морды со смутным, едва понятным выражением. Фигурки таили в себе древесную душу, изгибы их спин и лап сохраняли присущие растениям необычные формы, они все еще были частицей гниющего леса. Иногда бабушка вырезала их прямо из пня или ствола. Этих деревянных существ становилось все больше и больше. Они сидели, прочно насаженные верхом на ствол, и повисали на ветвях или безмятежно дремали у корней, спустив простертые руки в болотную воду. Иногда из сумерек выглядывал только один силуэт, иногда же сразу два или три, слитые воедино в схватке или любви. Бабушка резала по старому дереву, уже нашедшему свою форму, она выбирала такие стволы и ветки, которые выражали то, что она хотела.

Однажды она нашла в песке большой позвонок какого-то животного. Позвонок был слишком тверд, чтобы его обрабатывать, но и без того красив, так что она просто принесла и оставила его в заколдованном лесу. Она нашла еще несколько костей, выброшенных морем на берег, белых или посеревших от старости.

– Чем это ты занимаешься? – спросила как-то раз София.

– Играю, – ответила бабушка.

София забралась в заколдованный лес и увидела там бабушкиных чудищ.

– Это что, выставка скульптур? – спросила она.

– Ничего похожего, – ответила бабушка, – скульптуры – это совсем другое.

Они стали собирать кости вдвоем. Собирать что-нибудь – дело особое, в это время голова только тем и занята. Если, например, ищешь бруснику, взгляд твой ловит только красное, а если кости – то белое, и, где бы ты ни находился в это время, не замечаешь ничего, кроме костей. Иногда попадаются тонкие, как иглы, очень красивые и острые, такие кости несешь с большой осторожностью. А иногда наткнешься на огромную бедренную кость или каркас из ребер, похороненный в песке, похожий на шпангоут с затонувшего корабля. Этих костей существуют тысячи, и все разные.

Все свои находки бабушка с Софией относили в заколдованный лес, обычно они ходили туда вечерами. Под деревьями они складывали белые узоры, словно знаки тайнописи, а закончив, садились отдохнуть, поговорить и прислушаться к птицам, снующим в кустарнике. Один раз они увидели, как оттуда вылетел тетерев, а в другой – заметили небольшую сову, сидящую на ветке. Ее очертания были хорошо различимы на фоне вечернего неба. Раньше совы никогда не прилетали на остров.

Однажды утром София нашла потрясающий череп какого-то большого животного, нашла совершенно самостоятельно. Бабушка сказала, что это, наверное, череп тюленя. Они спрятали его до вечера в корзину. Закат в этот день был особенно ярким, зарево разлилось по всему острову, так что даже земля казалась багровой. Они затащили череп в заколдованный лес. Он стоял там, сверкая оскаленными зубами. Вдруг София заплакала.

– Убери! – кричала она. – Убери его!

Бабушка молча прижала девочку к себе. Скоро София заснула. Сидя рядом, бабушка думала, как хорошо было бы построить на берегу дом из спичечных коробков, с черничной лужайкой позади. А крыльцо и окна сделать из серебряной бумаги.

С тех пор деревянные чудища были забыты в своем лесу. Узоры из костей постепенно утонули в земле и поросли зеленым мхом, деревья еще теснее сплелись в объятиях ветвями. На закате бабушка частенько одна навещала заколдованный лес. А днем она сидела на ступеньках веранды и мастерила из коры кораблики.

Гагарка

Однажды перед рассветом в комнате стало очень холодно. Бабушка натянула на себя лоскутное одеяло, сняла со стены несколько плащей и укрылась ими, но и это мало помогло. Она считала, что холодом тянет с болота. Болото своенравно. Вроде засыпали его камнями и песком, заложили старыми бревнами и построили сверху сарай для дров, а все равно оно не дает о себе забыть. Ранней весной болото начинает дышать, а над коркой льда появляется туман, напоминая о том времени, когда на этом месте чернела вода и росла пучками осока. Бабушка взглянула на погасшую керосиновую печку, потом на часы. Они показывали три. Встав и одевшись, она взяла палку и спустилась по каменным ступеням. Ночь была тихая, и ей вдруг захотелось послушать, как кричат гагарки.

Постепенно туман растекался над всем островом, а вокруг стояла такая тишина, какая бывает у моря только в начале мая. В этой тишине отчетливо раздавался звук падающих с веток капель, земля была еще голой, а на северной стороне острова пятнами лежал снег. Природа замерла в ожидании перемен.

Бабушка услышала крик гагарок; наверное, их так назвали, потому что они кричат: «Гагр, гагр, гагр!» – всегда издалека, эти птицы не показываются людям. Они так же пугливы, как коростель, только коростель живет одиноко, скрываясь в луговой траве, а гагарки по весне устраивают где-то за островами шумные свадебные танцы и поют ночи напролет.

Размышляя о птицах, бабушка медленно шла вдоль горы. Пожалуй, никакой другой живности не дано с такой силой выявлять суть событий и придавать им завершенность, переживая вместе с природой все ее превращения, будь то чередование времен года, или погодные изменения, или перемены, которые происходят в тебе самом.

Она думала о дроздах, поющих летними вечерами, о кукушках, да, и о кукушках, о больших безмятежных птицах, парящих над морем в поисках добычи, о крошечных пичужках, залетающих сюда по пути с кратким летним визитом, об этих глупых, беспечных комочках, о ласточках, вьющих свои гнезда только на тех домах, где царят мир и счастье. Странно, что именно с птицами, безликими птицами, связано так много примет. А может, и не странно. У нее самой гагарки всегда рождали предчувствие обновления. Осторожно ступая негнущимися ногами, бабушка обошла гору и, вернувшись к дому, постучала в окно. София тут же проснулась и вышла.

– Я иду послушать гагарок, – сказала бабушка.

София оделась, и они пошли вместе.

На восточной стороне острова возле скал оставалась узкая полоска льда. Еще не начали запасаться топливом, и весь берег был завален грудами досок, фукусом и тростником, валялись деревянные обломки и разломанные ящики, кое-где перехваченные стальной проволокой, а поверх всего этого наискось лежало огромное тяжелое бревно, перепачканное черной смолой. Мелкие обломки лодок, следы давних штормов и бурь, плавали в воде за кромкой льда, то медленно приближаясь, то снова отдаляясь от берега на волнах слабого прибоя. Солнце почти поднялось, и лучи его пронизывали туманную завесу над морем.

Все время были слышны отдаленные мелодичные крики гагарок.

– Их становится все больше и больше, – сказала София.

Солнце взошло, на какое-то время туман заблестел, а вскоре совсем растаял. На берегу на скалистом выступе лежала мертвая гагарка; вся мокрая, она была похожа на скомканный пластиковый пакет. София сказала, что это старая ворона, но бабушка с ней не согласилась.

– Но ведь сейчас весна! – настаивала София. – Ты же сама сказала, что гагарки сейчас женятся, значит они молодые и умрут еще не скоро.

– Тем не менее эта умерла.

– Тогда почему она умерла? – гневным голосом спросила София, она очень рассердилась.

– Из-за несчастной любви. Всю ночь она пела и звала своего возлюбленного, но вместо него прилетел чужак, и тогда она бросилась с горя в воду и утонула.

– Неправда! – закричала София и заплакала. – Гагарка не может утонуть, расскажи как следует.

И бабушка рассказала, что, конечно же, эта гагарка разбилась, когда летела, распевая свои песни, и в упоении не заметила, как наскочила на скалу. Вот и случилось то, что случилось, потому что гагарка потеряла голову от счастья.

– Вот теперь лучше, – сказала София. – Давай ее похороним.

– Не стоит. Когда начнется прилив, это произойдет само собой. Морские птицы должны быть погребены так же, как моряки.

Бабушка и София пошли дальше, разговаривая о том, как хоронят моряков. Издалека доносилась перекличка гагарок. За зиму мыс изменился до неузнаваемости. Раньше здесь были только скалы и камни, а теперь штормы нанесли песка, так что мыс превратился в песчаный пляж.

– Жаль, что это ненадолго, – сказала бабушка и показала палкой на песок. – Когда вода поднимется и подует северный ветер, все это снова уйдет в море. – Она вытянулась во весь рост на ворохе побелевшего тростника и стала смотреть в небо. София пристроилась рядышком. Солнце пригревало.

Они долго лежали и слушали, как воздух постепенно наполнялся дробным криком перелетных птиц, нескончаемой стаей тянувшихся к северо-востоку.

– Что теперь будем делать? – спросила София.

Бабушка предложила ей пройтись по мысу и посмотреть, не выбросило ли на берег что-нибудь интересное.

– А ты не будешь скучать? – спросила София.

– Не буду.

Бабушка повернулась на бок и подложила руку под голову. В маленький треугольник, образовавшийся между рукавом, шляпой и ветками тростника, был виден кусочек неба, моря и песка. Неподалеку торчал сухой пучок травы, а в ее острых стеблях застряло птичье перо. Некоторое время бабушка разглядывала эту хрупкую конструкцию: прямые белые прутики пронизывали невесомое глянцевое перышко бледно-коричневого цвета, чуть потемнее у основания и с маленьким игривым завитком на конце. Перо колебалось от потоков воздуха, которых бабушка даже не ощущала. Оно находилось как раз на таком расстоянии, что она могла хорошенько его рассмотреть. Странно, что перо оказалось здесь в эту пору; может быть, какая-то птица потеряла его ночью или оно застряло тут с прошлого лета. Она рассматривала круглые ямки в песке вокруг пучка травы и прядки водорослей, опутавшие толстые стебли. Тут же валялся обломок лодки. Если долго на него смотреть, он покажется большой старой горой, изрытой кратерами и воронками. Исполненная мрачной красоты, эта гора нависла над серым песком, придавив собственную тень. Ранним утром небо и море были абсолютно чистыми.

Вприпрыжку подбежала София.

– А я нашла настил, – сообщила она еще издали. – Большой, с настоящего корабля! Длиною с лодку!

– Не может быть, – сказала бабушка.

Стараясь не делать резких движений, она стала медленно подниматься и заметила, как перо выпуталось из прутьев и легкий ветерок относит его в сторону. Бабушка осторожно поднялась, теперь все казалось меньше, и перо потерялось из виду. Она сказала:

– А я видела перышко гагарки.

– Какой гагарки? – удивилась София. Она уже успела позабыть о птице, погибшей от любви.

Вероника

Однажды летом к Софии в первый раз в жизни приехала гостья, ее новая подружка. Они совсем недавно познакомились, у девочки были красивые волосы, Софии они очень нравились. Звали девочку Хердис Эвелине, но чаще – просто Недотрогой.

София предупредила бабушку, что Недотрога не любит, когда спрашивают, как ее зовут по-настоящему, и что вообще она всего боится, поэтому на первых порах с ней нужно держаться очень осторожно, чтобы не напугать чем-нибудь незнакомым. И вот Недотрога приехала. Одета она была чудно, в ботинках на кожаной подметке, вела себя чересчур воспитанно, слова из нее не вытянешь, зато волосы были так прекрасны, что дух захватывало.

– Правда, красивые? Сами вьются, – шепотом сказала София бабушке.

– Очень красивые, – согласилась бабушка.

София и бабушка заговорщически переглянулись. Переведя дыхание, София сказала:

– Я решила защищать ее. Давай создадим тайный союз защитников Недотроги. Жаль только, что «Недотрога» звучит неаристократично.

Бабушка предложила называть девочку Вероникой, разумеется в кругу членов тайного союза, это имя царицы, прославившейся своими прекрасными волосами, в ее честь даже назвали созвездие.

Пока шли эти чрезвычайно важные переговоры, Недотрога, маленькая и беззащитная, бродила по острову одна-одинешенька. София поспешила вернуться к своей гостье, не рискуя оставлять ее надолго. Бабушка тем временем прилегла в своей комнате и спустя некоторое время услышала, как София, сопя, спешно поднимается по ступенькам. Дверь с грохотом распахнулась, София влетела в комнату, плюхнулась к бабушке на кровать и зашептала:

– С ума сойти! Она не хочет учиться грести, потому что боится залезть в лодку. Говорит – вода холодная. Что будем делать?

Они наспех обсудили эту новость и не пришли ни к какому решению, потом София снова выбежала из комнаты.

Эту комнату пристроили к дому позже, поэтому она была необычной формы. Она лепилась прямо к просмоленной задней стене дома, ставшей теперь одной из стен этой комнаты, на ней по-прежнему висели сеть, болты, веревки и прочие необходимые вещи. Потолок – продолжение крыши – был сильно скошен, а сама пристройка стояла на сваях, потому что как раз на этом месте, между домом и дровяным сараем, где когда-то было болото, гора круто спускалась вниз. Кроме того, рядом росла сосна, поэтому в длину комната была не больше кровати, – иными словами, это был маленький коридорчик, выкрашенный в голубой цвет, с дверью и прибитыми над нею ящиками с одной стороны и непропорционально большим окном с другой. Окно доставало почти до самого потолка, а левый угол его был срезан крышей. На белых спинках кровати красовался голубой с золотом орнамент. В подполе хранились канистры с бензином и смолой, ящики, лопаты, лом, старые садки для рыбы и другое барахло, которое жалко было выбросить. Словом, что и говорить, комната эта была уютным уединенным уголком. Бабушка отвлеклась от мыслей о Веронике и снова погрузилась в свою книгу. Лежа на кровати, она прислушивалась к легкому зюйд-весту, гулявшему вокруг дома и по всему острову, к радио в большой комнате, передававшему прогноз погоды, и следила за солнечным лучом, скользящим по подоконнику.

Вдруг дверь с шумом распахнулась, и в комнату вошла София:

– Она плачет, потому что боится муравьев, они ей всюду мерещатся. Стоит на одном месте и вот так смешно задирает ноги – и все время плачет. Что нам с нею делать?

Было решено выбрать наименьшее из двух зол: посадить Веронику в лодку – там по крайней мере нет муравьев. Бабушка снова углубилась в чтение.

В ногах ее кровати висела картина с изображением отшельника, которую она очень любила. На цветной репродукции, вырезанной из книги, была изображена пустыня в сумерках: высохшая земля и небо. А посередине, в открытой палатке, лежал отшельник и читал книгу. Рядом с кроватью стоял ночной столик с керосиновой лампой. Все это: палатка, кровать, столик и круг света от лампы – занимало почти так же мало места, как и сам отшельник. А вдали, едва различимый в сумерках, сидел лев. Софии казалось, что этот лев таит в себе опасность, а бабушка считала, что он, скорее, охраняет отшельника.

Когда дует зюйд-вест, кажется, что дни сменяют друг друга незаметно, круглые сутки только и слышен равномерный, спокойный гул. В такое время папа не разгибаясь сидит за письменным столом. Рыбаки ставят и снимают сети. Каждый на острове занят своим обычным делом, настолько само собой разумеющимся, что о нем не говорят ни для того, чтобы похвалиться, ни в поисках сочувствия, и кажется, что лето тянется бесконечно, все живое только и делает, что растет с отмеренной ему скоростью. Поэтому появление Вероники (назовем ее этим тайным именем) внесло в жизнь острова неожиданные осложнения. Здешним жителям было невдомек, что девочке непривычен сам их размеренный быт, в такт медленному летнему ритму. Больше, чем моря, шума деревьев в ветреную ночь и муравьев, она боялась их самих с их особым укладом жизни.

На третий день София вошла к бабушке в комнату и заявила:

– С меня хватит, надоело. Еле-еле уговорила ее нырнуть.

– Неужели она нырнула? – удивилась бабушка.

– Ну да. Правда, для этого пришлось столкнуть ее в воду.

– А-а. Ну и что дальше?

– Ее волосы плохо переносят соленую воду, – с грустью заметила София. – Они стали такие противные. А она мне нравилась как раз из-за волос.

Бабушка сбросила одеяло и поднялась с кровати. Она взяла свою палку и спросила:

– Где она сейчас?

– На картофельном поле.

Бабушка отправилась через весь остров на картофельное поле. Оно находилось с подветренной стороны, среди скал, чуть выше моря, там с утра до ночи палило солнце. На этом поле, расположенном прямо на песчаном берегу и удобренном фукусом, выращивали скороспелый сорт. Соленая вода то и дело заливала грядки, омывая корни и обнажая мелкие розовые клубни овальной формы. Девочка сидела, прислонившись к камню, наполовину скрытая ветками сосны. Бабушка присела неподалеку и стала лопаткой выкапывать клубни. Так она выкопала с десяток малюсеньких картофелин.

– Видишь, – сказала она Веронике, – посадили одну большую, а выросло много маленьких. А если немного подождать, они бы стали побольше.

Вероника бросила на бабушку быстрый взгляд из-под спутанных волос и снова отвернулась – какое ей дело до картошки и вообще до всего остального?

«Будь она постарше, хоть чуть-чуть, – подумала бабушка, – я сказала бы ей, что понимаю, как ей плохо. Вот так попадешь нежданно-негаданно в спаянный круг, где на правах хозяев все ведут себя так, как они привыкли, как им удобно, как у них заведено, и не дай бог им почувствовать хоть малейшую угрозу сложившемуся порядку. Круг этот станет тогда еще теснее и неколебимее. Жизнь на острове, в которой всем определены свои роли, все имеет свое, и только свое, место, может показаться ужасной человеку со стороны. Она проходит согласно раз и навсегда заведенному ритуалу, на самом деле столь прихотливому и случайному, что можно подумать, будто мир кончается за горизонтом».

Бабушка так глубоко погрузилась в свои мысли, что забыла и о картофеле, и о Веронике. Она смотрела, как на полоску суши накатывали с двух сторон волны, подгоняемые ветром, и, слившись воедино, наступали на берег и снова отходили назад, оставляя после себя только

маленькую спокойную лужицу. Вдруг во фьорде появилась рыбацкая лодка, по обе стороны от ее носа пенились большие белые усы.

– Эй! – окликнула бабушка Веронику. – Лодка плывет.

Она оглянулась в поисках девочки, но та совсем скрылась за сосной.

– Эй! – снова окликнула бабушка. – Сюда плывут пираты! Прячемся!

Не без труда бабушка тоже залезла под сосну и прошептала:

– Смотри, вот они. Идут сюда. Давай за мной, нужно перебраться в более безопасное место.

Она стала карабкаться вверх по горе, а за ней, на четвереньках, и Вероника, да так быстро, что только пятки сверкали. Они обогнули небольшую болотистую впадину, заросшую голубикой, и очутились в зарослях ивового кустарника – там было сыро, но куда деваться?

– Ну вот, – сказала бабушка, – теперь мы в относительной безопасности.

Она взглянула на Веронику и поправилась:

– То есть я хотела сказать, что теперь мы в полной безопасности. Здесь им никогда нас не найти.

– Почему ты решила, что это пираты? – шепотом спросила Вероника.

– Потому что они приплыли сюда и нарушают наш покой, – ответила бабушка. – Мы хозяева острова, а все остальные пусть убираются восвояси.

Вскоре рыбачья лодка уплыла. Вот уже полчаса София бродила по острову в поисках бабушки и Вероники, а когда наконец обнаружила их, как ни в чем не бывало собирающих колокольчики, то пришла в ярость.

– Где вы были? – закричала она. – Я вас всюду ищу!

– Мы прятались, – объяснила бабушка.

– Мы прятались, – повторила Вероника, – потому что мы не позволим никому нарушать наш покой. – И она, не сводя глаз с Софии, перебралась поближе к бабушке.

София ничего не сказала, только молча повернулась и убежала.

Остров вдруг показался Софии маленьким и тесным. Куда ни пойдешь, обязательно наткнешься на эту парочку, а когда они наконец скроются из виду, все равно приходится за ними следить, чтобы ненароком опять не встретиться.

Поднимаясь по ступенькам в свою комнату, бабушка почувствовала, как она устала.

– А теперь я хочу почитать, – сказала она Веронике. – Иди поиграй немножко с Софией.

– Нет, – ответила Вероника.

– Тогда поиграй одна.

– Нет, – снова сказала Вероника, и голос ее испуганно задрожал.

Бабушка принесла блокнот и угольный карандаш и положила их на крыльцо:

– Вот, нарисуй картину.

– Я не знаю, что нарисовать.

– Нарисуй что-нибудь страшное, – сказала бабушка, она ужасно устала. – Нарисуй что-нибудь самое страшное и постарайся не беспокоить меня сколько можешь.

С этими словами бабушка заперла дверь на крючок и легла на кровать, закрыв голову одеялом. Зюйд-вест с ровным гулом долетал с берега до середины острова, где как раз стояли дом и сарай.

София приставила к стене садок, забралась к окну и постучала в стекло: три раза быстро, без пауз, а затем еще трижды, но уже спокойно. Когда бабушка вылезла из-под одеяла и приоткрыла окно, София заявила, что выходит из тайного союза.

– Ну ее, эту Недотрогу! – сказала София. – Она меня больше не интересует! Что она сейчас делает?

– Рисует. Самое страшное, что только можно придумать.

– Но она же не умеет рисовать, – возмущенно зашептала София. – Ты что, дала ей мой блокнот? Зачем ей рисовать, если она все равно не умеет?!

Бабушка захлопнула окно и легла на спину. Трижды появлялась София, каждый раз с новой ужасной картиной, которые она прикрепляла к оконному стеклу рисунком внутрь так, чтобы его можно было увидеть, находясь в комнате. На первой картине была изображена девочка с жидкими волосенками, по которой ползали огромные муравьи. Слезы лились у нее в три ручья. На второй прямо на голову той же девочке падал камень. На третьей было нарисовано кораблекрушение, но довольно небрежно. Бабушка поняла, что София уже выпустила пары. Когда бабушка снова открыла книгу и наконец нашла в ней место, на котором остановилась, в щель под дверь просунули еще один лист бумаги.

Рисунок Вероники был великолепен. Выполненный с маниакальной тщательностью, он изображал некое существо с черной дырой вместо лица. Существо это надвигалось, выставив вперед плечи, вместо рук у него были длинные, неровно обрезанные крылья, как у летучей мыши. Они начинались от шеи и волочились по земле с обеих сторон – то ли опора, то ли, наоборот, помеха этому не похожему ни на что бескостному телу. Чудище было настолько ужасно и выразительно, что бабушка некоторое время стояла в оцепенении, а потом отворила дверь и закричала:

– Здорово! Вот это действительно страшный рисунок!

Она не могла от него оторваться, и в голосе ее не было ни снисходительности, ни поощрительных ноток.

Вероника сидела на ступеньке и даже не обернулась. Она подобрала с земли камешек и подбросила его в воздух, потом поднялась и медленными неловкими шагами стала спускаться к берегу. София наблюдала с крыши сарая.

– Что она там делает? – спросила бабушка.

– Бросает камешки в море, – сказала София. – А теперь пошла на мыс.

– Это хорошо. Иди сюда, посмотри, что она нарисовала. Ну как?

– Ничего, – ответила София.

Бабушка приколола рисунок к стене двумя кнопками и сказала:

– Какое необычное воображение. Оставим теперь ее в покое.

– Ты считаешь, она умеет рисовать? – хмуро спросила София.

– Нет, – ответила бабушка, – может быть, и нет. Но она, несомненно, принадлежит к той породе людей, которые хоть раз в жизни достигают совершенства.

Луг

София спросила, на что похож рай, и бабушка ответила, что, возможно, рай похож на этот луг. Они шли по лугу вдоль проселочной дороги и остановились, чтобы осмотреться. Было очень жарко, дорога потрескалась и побелела от палящего солнца, листья деревьев и трава вдоль обочины запылились. София и бабушка вышли на середину луга, где не было пыли, и сели в высокую траву, вокруг цвели колокольчики, кошачья лапка и лютики.

– И муравьи в раю есть? – спросила София.

– Нет, муравьев нет, – ответила бабушка и осторожно легла на спину, она надвинула шляпу на нос и попробовала украдкой вздремнуть.

Где-то вдали мирно и неутомимо тарахтела какая-то сельская техника. Если отвлечься от ее шума, что не так уж трудно, и прислушаться к трескотне насекомых, то кажется, что их миллиарды и что они заполнили весь мир, нахлынув на него восторженной летней волной. София держала в руке цветы, их стебельки нагрелись и стали неприятными на ощупь, тогда она положила букет на бабушку и поинтересовалась, как же Бог успевает услышать всех сразу, кто обращается к Нему с молитвой.

– Он очень умный, – сонно пробормотала бабушка из-под шляпы.

– Отвечай как следует, – сказала София. – Как он все успевает?

– Наверное, у Него есть секретарь…

– Но как же Он успевает сделать то, о чем Его просят, если Ему некогда переговорить с секретарем, когда что-нибудь случается?

Бабушка притворилась было, что спит, но провести Софию не удалось, пришлось сочинять, что за время, пока молитва доходит до Божьего слуха, ничего страшного произойти не может. Тогда внучка спросила, как же Бог поступит, если, например, она обратится к Нему с просьбой о помощи на лету, падая с сосны.

– Тогда Он сделает так, что ты зацепишься за ветку, – нашлась бабушка.

– Неглупо, – согласилась София. – Теперь твоя очередь задавать вопросы. Только чур – про рай.

– Как ты думаешь, все ангелочки летают в платьицах и никак не узнаешь, мальчик это или девочка?

– Глупо задавать такой вопрос, если ты и сама знаешь, что все ангелочки летают в платьицах. Теперь слушай, что я тебе скажу: если хочешь знать точно, мальчик это или девочка, надо подлететь снизу и посмотреть, не торчат ли из-под платьица брюки.

– Вот оно что. Теперь буду знать. Твоя очередь спрашивать.

– Ангелы могут залетать в ад?

– Еще бы! У них же там полно друзей и знакомых.

– А вот я тебя и поймала! – закричала София. – Вчера ты сказала, что ада вообще не существует!

Бабушка была раздосадована, она села и сказала:

– Я и сегодня так думаю. Но мы же сейчас говорим в шутку.

– Когда говорят о Боге, не шутят!

– И вообще, не мог Он создать такую никчемную вещь, как ад, – сказала бабушка.

– А Он создал.

– Нет, не создал.

– Нет, создал. Такой огромный-преогромный ад!

Бабушка резко встала, она была раздражена. От быстрой смены положения луг поплыл перед глазами, и некоторое время она молча стояла, ожидая, когда к ней вернется равновесие. Потом она сказала:

– Незачем ссориться, София. Пойми, жизнь и без того тяжелое испытание, зачем же наказывать людей, прошедших его. Человек должен уповать на что-то, в этом весь смысл.

– Неправда, жизнь не испытание! – закричала София. – И что тогда делать с дьяволом? Он же живет в аду!

Бабушка хотела было сказать, что дьявола вообще не существует, но сдержалась. Шум сельской техники действовал ей на нервы. Она вернулась на дорогу, наступив по пути на большую коровью лепешку. Внучка осталась стоять на прежнем месте.

– София! – окликнула ее бабушка. – Не забудь, что ты еще должна сбегать в магазин за апельсинами.

– За апельсинами! – презрительно фыркнула София. – Как можно думать об апельсинах, когда разговор идет о Боге и дьяволе.

Бабушка палкой, как могла, очистила туфлю и сказала:

– Дорогая девочка, в моем возрасте я при всем желании не могу поверить в дьявола. Ты можешь верить во что угодно, но нужно учиться быть терпимым.

– Что это значит? – спросила внучка недовольным тоном.

– Это значит уважать чужое мнение.

– А что значит «уважать чужое мнение»? – София топнула ногой.

– Это значит позволять другим людям думать так, как они думают. Например, я разрешаю тебе верить в черта, а ты разрешаешь мне не верить в него.

– Ты выругалась, – шепотом сказала София.

– Вовсе нет.

– Но ты же сказала «черт»?

Больше они даже не смотрели друг на друга. Три рогатые коровы вышли перед ними на дорогу. Они медленно шагали к деревне, раскачивая боками и отгоняя хвостами надоедливых мух, при каждом неторопливом шаге их кожа то морщинилась, то натягивалась снова. Потом коровы свернули в сторону, и наступила полнейшая тишина.

Наконец бабушка прервала молчание:

– А я знаю одну песенку. – Она немного выждала и запела скрипучим голосом, сильно фальшивя:

Тру-ля-лей, тру-ля-лей,
Эй, беги сюда скорей.
Вот дерьмо коровье,
Кушай на здоровье.
Ешь его со смаком,
Кака.

– Что ты сказала? – прошептала потрясенная София, не поверив своим ушам.

Бабушка пропела эту и в самом деле непристойную песенку еще раз.

София вышла на обочину и зашагала к деревне.

– Папа никогда не говорит «кака», – бросила она через плечо. – Где ты только набралась таких слов?

– А вот этого я тебе не скажу, – ответила бабушка.

Тем временем они подошли к сеновалу, перелезли через ограду, миновали скотный двор, а когда вышли к магазину, София уже разучила песенку и вовсю распевала ее, точно так же фальшивя, как и бабушка.

Игра в Венецию

Однажды в субботу София получила почту. Это была открытка с видом Венеции, а в адресе стояло ее имя – полностью, с «фрёкен» впереди. Никто в семье не видел раньше такой красивой открытки. На глянцевой картинке были изображены розовые и золотые дворцы, поднимающиеся прямо из темной воды, по которой скользили гондолы, свет их фонарей отражался на водной глади, полная луна сияла в темно-синем небе, и красивая дама одиноко стояла на мостике, высматривая кого-то из-под руки. Открытка была со вкусом украшена золотым тиснением. Ее поместили на стену, воткнув за барометр.

София спросила, почему все дома стоят в воде, и бабушка стала рассказывать о Венеции, о том, как город постепенно погружается в море. Бабушке довелось там побывать. Она оживилась, вспоминая о своей поездке в Италию, ей захотелось рассказать и о других местах, которые она повидала, но София желала слушать только про Венецию и особенно про темные каналы с затхлой, пахнущей гнилью водой, в которую с каждым годом все глубже и глубже погружается город, уходя вниз, в мягкую черную тину, где погребены золотые тарелки.

В такой жизни, когда твой дом медленно, но неотвратимо погружается в воду, а после обеда тарелки выбрасывают из окон, даже есть своя изысканность. «Мама, смотри, – говорит прелестная венецианская девочка, – сегодня и кухня затонула». – «Ничего, деточка, – отвечает ей мама, – у нас осталась еще гостиная». Потом они спускаются на лифте вниз, залезают в свою гондолу и плывут по улицам. Во всем городе нет ни одной машины, они уже давным-давно на илистом дне, все ночи напролет раздаются только торопливые шаги на мостах. Время от времени можно услышать музыку да еще скрип погружающегося в воду дворца. И по всему городу пахнет тиной. София отправилась на болото. У кустов ольхи вода побурела. Во мху и зарослях голубики девочка прорыла канал и обронила в него золотое кольцо с ярко-красным рубином. «Мама, мое кольцо упало в канал». – «Ничего, деточка, в нашей гостиной полным-полно золота и драгоценных камней».

София пришла к бабушке и сказала:

– Зови меня «деточкой», а я буду звать тебя «мамой».

– Но я же твоя бабушка.

– Дорогая мамочка, это же игра, – пояснила София. – Мама, будем играть, что ты моя бабушка? Я твоя деточка из Венеции; посмотри, какой я сделала канал.

Бабушка встала:

– Я придумала игру еще интересней. Будто мы, два старых венецианца, строим новую Венецию.

И на болоте закипела работа. Они построили площадь Святого Марка на деревянных колышках-сваях, выложили ее плоскими камнями, провели несколько каналов и перебросили через них мосты. По этим мостам туда-сюда шныряли черные муравьи, а внизу в лунном свете скользили гондолы. София что-то складывала на берегу из кусочков белого мрамора.

– Посмотри, мама, – закричала она, – я нашла новый дворец!

– Деточка, я мама только твоему папе, – встревоженно сказала бабушка.

– Ах так! – закричала София. – Значит, только он один может называть тебя «мамой»?

Она столкнула дворец в канал и ушла. Бабушка села на веранде и стала мастерить из бальзового дерева Дворец дожей. Когда дворец был готов, бабушка раскрасила его акварельными красками и позолотила. София пришла посмотреть.

– Здесь, – сказала бабушка, – живут мама и папа со своей дочкой. Вот за этим окошком. Девочка только что выбросила в окно фарфоровую тарелку, и она вдребезги разбилась на площади. Как ты думаешь, что сказала на это ее мама?

– Я знаю, что сказала мама, – ответила София. – Мама сказала: «Деточка, ты думаешь, у меня очень много фарфоровой посуды?»

– И что ответила девочка?

– Она сказала: «Дорогая мамочка, я обещаю тебе впредь выбрасывать в окно только золотые тарелки».

Они установили дворец на площади Святого Марка, и в нем зажили папа и мама с дочкой. Бабушка смастерила еще несколько дворцов. И тогда Венеция наполнилась жителями, они перекликались друг с другом через каналы. «Ваш дом на сколько сел в воду?» – «Моя мама говорит, что не больше чем на тридцать сантиметров». – «А, это неопасно. А что твоя мама готовит сегодня на обед?» – «Моя мама жарит окуней…»

На ночь все укладывались спать друг подле друга, и было слышно только, как муравьи ползают по мостам.

Бабушку все больше захватывала игра. Она построила гостиницу, тратторию [2]и башню с часами и маленьким львом наверху. Бабушка не без труда вспоминала названия улиц, ведь много лет прошло с тех пор, как она была в Венеции. Однажды в их Большой канал забрался зеленый тритончик, так что транспорту приходилось делать большой крюк.

Вечером полил дождь и ветер сменился на юго-восточный. По радио объявили понижение давления и шесть баллов по шкале Бофорта[3], но никто не обратил на это особого внимания. Однако, проснувшись ночью, как обычно, бабушка прислушалась к дождю, барабанившему по крыше, и, вспомнив о городе на воде, забеспокоилась. Ветер усиливался, а между болотом и морем была лишь узкая полоска суши. Бабушка заснула и снова проснулась. Под шум дождя и волн она думала о Венеции и о Софии. Когда начало светать, бабушка встала, набросила поверх ночной рубашки непромокаемую накидку, надела широкополую клеенчатую шляпу и вышла из дома.

Дождь был мелкий, но земля успела пропитаться влагой и потемнела.

Вот теперь все пойдет в рост, рассеянно подумала бабушка. Крепко держась за свою палку, она двинулась навстречу ветру. Рассвет чуть брезжил, по небу плыли длинные ряды облаков, на темно-зеленой поверхности моря вскипали белые барашки. Бабушка окинула взглядом залитое водой побережье и вдруг на пригорке увидела бегущую Софию.

– Он утонул! – кричала София. – Она погибла!

Открытая настежь дверь детской хлопала на ветру.

– Иди ложись, – сказала бабушка. – Сними с себя мокрую рубашку, затвори дверь и ложись. Я найду дворец. Обещаю тебе, что я найду его.

София ревела во весь голос и ничего не слышала. Бабушка взяла ее за руку, отвела в детскую и сама уложила в постель.

– Я найду дворец, – повторила она. – Перестань реветь и спи.

Бабушка закрыла дверь. Спустившись к берегу, она увидела, что болото превратилось в залив. Волны доставали до вереска на горе и откатывались назад в море, кустики ольхи торчали далеко в воде. Венеция затонула.

Бабушка долго стояла и смотрела, потом повернулась и пошла домой. Она зажгла лампу и, надев очки, взяла инструменты и подходящий кусок бальзового дерева.

Дворец дожей был готов к семи часам, как раз когда София проснулась и постучала в дверь.

– Подожди немного, – ответила бабушка, – сейчас сниму крючок.

– Ты нашла ее? – кричала София. – Она спасена?

– Разумеется, – ответила бабушка, – все в порядке.

---

[2] *Траттория* – ресторан, трактир.

[3] *Шкала Бофорта* – условная шкала для оценки силы ветра в баллах.

Дворец был новехонький, сразу бросалось в глаза, что он не знает, что такое наводнение. Бабушка схватила с ночного столика стакан и вылила воду на Дворец дожей, потом, высыпав в руку содержимое пепельницы, потерла купола и фасад; все это время София колотила в дверь, требуя, чтобы ее впустили. Бабушка открыла со словами:

– Нам повезло!

София тщательно осмотрела дворец. Потом молча поставила его на ночной столик.

– Все как было, правда? – осторожно спросила бабушка.

– Тише, – прошептала София. – Я хочу услышать, что она там делает.

Некоторое время они стояли и слушали. Потом София сказала:

– Все в порядке. Мама сказала, что ночью был сильный шторм. Сейчас она наводит порядок, она ужасно устала.

– Понимаю, – сказала бабушка.

Штиль

Нечасто бывает такая тишь, чтобы даже маленькая моторная лодка доплыла до Кумлета, самой отдаленной шхеры Финского залива. Отправляясь в такое многочасовое путешествие, брали с собой еду на целый день. Кумлет – длинная шхера, издали похожая на два острова, два ровных хребта, с навигационной вышкой на одном и маленьким маяком – на другом. Берегового знака там нет. Когда подплываешь к этой шхере ближе, каменные хребты напоминают гладкие спины двух тюленей, соединенные длинным узким перешейком из гальки, обточенной морем до почти совершенной круглой формы.

Светло-голубое море отливало масленым блеском. Бабушка сидела в середине лодки под лиловым зонтом. Вообще-то, она терпеть не могла лиловый цвет, но другого зонта не было, да к тому же этот хорошо сочетался с цветом моря. Из-за зонта они выглядели точно какие-нибудь дачники. В этот день им не надо было выбирать подветренную сторону, чтобы пристать к берегу, такая стояла тишь. Они выгрузили из лодки вещи и первым делом положили масло в тень. Камни под ногами были горячие. Папа воткнул зонт в трещину, чтобы бабушка могла отдохнуть под ним на надувном матрасе. Некоторое время бабушка следила за сыном и внучкой, которые удалялись каждый в свою сторону и вскоре стали казаться маленькими точками, движущимися по побережью. Тогда она вылезла из-под зонта, взяла свою палку и пошла в третьем направлении, предусмотрительно положив на матрас кофту и купальный халат, чтобы издали казалось, что она спит.

Бабушка спустилась к морю в том самом месте, где в прибрежных скалах зияло живописное ущелье. Даже в самый полдень ущелье покрывала тень, тянувшаяся до самого моря, – словно желоб, по которому сочилась темнота. Бабушка села и съехала с песчаного обрыва вниз – здесь можно было побыть наедине с собой. Она зажгла сигарету и окинула взглядом море, подернутое чуть заметной рябью. Лодка постепенно скрывалась из виду, уплывая за мыс: это папа огибал рифы, чтобы натянуть сеть.

– Вот ты где, – услышала она вдруг голос Софии. – А я искупалась.

– Холодная вода? – спросила бабушка. Снизу девочка казалась крошечным темным пятнышком на фоне яркого солнца.

– Жуть какая холодная, – ответила София и спрыгнула в ущелье.

Дно его было покрыто галькой – от большой, величиной с голову, до мельчайшей, с крупную бусину. София с бабушкой нашли на скале место с вкраплениями финского граната – он довольно часто встречается в этих местах – и попробовали отковырять кусочки минерала складным ножом, но, как обычно, ничего из этого не вышло. Бабушка и внучка ели хрустящие хлебцы и наблюдали за лодкой, снова скрывающейся за мысом, папа уже расставил сеть и теперь возвращался назад.

– Знаешь, иногда, когда все слишком хорошо, мне становится жуть как скучно, – сказала София.

– Вот как! – откликнулась бабушка и взяла новую сигарету. Это была всего лишь вторая за полдня, обычно она старалась курить тайком.

– Такая скука! – продолжала София. – Я хотела залезть на вышку, да и то папа не разрешил.

– Жаль, – сказала бабушка.

– Не жаль, а жуть как глупо.

– Где ты подцепила это словечко, говоришь «жуть» каждую секунду.

– Сама не знаю. Но мне нравится так говорить.

– Лиловый просто жуть какой противный цвет, – сказала бабушка. – А я однажды нашла мертвого поросенка. Мы с твоим папой варили его целую неделю, потому что папа хотел при-

нести его скелет в школу на урок зоологии. Вонь стояла ужасная. Вот это действительно была жуть.

– Что? – недоверчиво спросила София. – Какая школа?

– Твой папа был тогда еще маленьким.

– Папа? Маленьким? Что еще за поросенок? Что ты сказала?

– Уф, – вздохнула бабушка, – ничего. Я сказала, что твой папа тогда был таким же маленьким, как ты сейчас.

– Папа большой, – сказала София, просеивая песок между пальцами.

Они помолчали, каждый о своем. Потом бабушка сказала:

– Он думает, что я сейчас лежу под зонтом и сплю.

– А ты вместо этого сидишь тут и потихоньку куришь.

Они выбирали камешки, еще недостаточно отшлифованные водой, и бросали их в море, чтобы они стали покруглее. Солнце продолжало свой маршрут, папа опять огибал мыс, вытаскивая и проверяя сеть и снова опуская ее в море.

– Жуть какой плохой улов, – сказала бабушка.

София встала:

– Послушай, я, пожалуй, пойду искупаюсь, а то сегодня я купалась всего два раза. Ты не будешь без меня скучать?

– Я тоже пойду купаться.

Подумав, София сказала:

– Хорошо, я разрешаю тебе искупаться. Но только в том месте, где я тебе покажу.

Они помогли друг другу вылезти из ущелья и обошли гору, чтобы их никто не заметил. Недалеко от навигационной вышки была большая глубокая яма с водой.

– Ну как, подходит? – спросила София.

– Подходит, – согласилась бабушка, разулась и опустила ноги в воду. Со дна поднялся столбик коричневой мути, побежали пузырьки, и снова поверхность стала гладкой. Вода была теплой и приятной.

Бабушка опустила ноги поглубже и пошевелила пальцами. Там, где яма суживалась, росли кусты вербейника, а заячья капуста раскрашивала склон горы желтыми полосами. Было видно, как папа зажег костер, от него тянулся вверх прямой дымок.

– Мне кажется, – сказала бабушка, – мне кажется, что я еще никогда не видела здесь такой тихой погоды. Тут всегда было ветрено. Он каждый день уходил в море, если только не было шторма. У нас был парус со шпринтовом. Он управлял, а я следила за вехами в темноте и едва успевала говорить: «Право руля, лево руля, полный вперед», а однажды, когда штурвал соскочил…

– Ты прикрепила его шпилькой, – перебила София.

Бабушка поболтала ногами в воде и ничего не сказала.

– Или, кажется, это была английская булавка, – поправилась София. – Иногда я все путаю. А кто управлял лодкой?

– Твой дед, разумеется, за которым я была замужем.

– Ты была замужем? – София страшно удивилась.

– Жуть какая глупость, – пробурчала себе под нос бабушка, а вслух сказала: – Попроси своего папу рассказать о предках, пусть нарисует тебе наше генеалогическое древо, если тебе это интересно.

– Я в этом не уверена, – вежливо сказала София. – К тому же сейчас я немного занята.

Навигационная вышка, белая, с красным треугольником посередине, была очень высокой. К тому же планки лестницы так далеко отстояли друг от друга, что нога едва дотягивалась до следующей, и после каждого шага появлялась дрожь в коленях, несильная, но все же приходилось ждать, покуда она пройдет. Только после этого можно было лезть дальше. София

успела забраться почти до самого верха, когда ее заметила бабушка. Бабушка сразу поняла, что кричать нельзя. Нужно ждать, пока девочка спустится. Это не очень опасно, дети ловкие и цепкие, как обезьяны, и, если не испугать их внезапным окриком, ничего не случится.

Теперь София поднималась совсем медленно, с длинными остановками перед каждой новой ступенькой. Было видно, что ей страшно. Бабушка вскочила на ноги, ее палка покатилась и упала в яму, почва угрожающе закачалась под ногами. София сделала еще один шаг.

– Отлично! – крикнула бабушка. – Теперь осталось совсем немножко до верха!

София шагнула еще раз. Вот она обхватила руками последнюю планку и застыла.

– А теперь спускайся, – приказала бабушка.

Но девочка не трогалась с места. Нещадно пекло, вышка блестела на солнце и слепила глаза, контуры ее расплывались.

– София, – позвала бабушка, – моя палка скатилась в яму, мне трудно стоять.

Она подождала немного и закричала снова:

– Ты слышишь меня? Мне жуть как плохо! Просто жуть как кружится голова, мне нужна моя палка!

София стала спускаться вниз – осторожно, шаг за шагом.

Паршивая девчонка, подумала бабушка, гадкий ребенок. Но вот что получается, когда человеку запрещают делать то, что ему интересно и с чем он в свои годы может справиться.

София спустилась на землю. Она вытащила из ямы палку и, не поднимая глаз, протянула ее бабушке.

– Ты здорово лазаешь, – строго сказала ей бабушка. – И ты смелая девочка, я же видела, что тебе было страшно. Рассказать папе или не надо?

София пожала плечами и взглянула на бабушку.

– Лучше не надо, – ответила она. – Но не забудь поведать об этом на смертном одре, чтобы это не кануло в вечность.

– Жуть что за блестящая идея, – сказала бабушка.

Она доковыляла до матраса и села рядом на землю подальше от лилового зонта.

Кот

Котенок был совсем маленьким, когда появился в доме, и умел только пить молоко из бутылочки с соской, благо что на чердаке нашлась старая соска Софии. Сначала он спал в грелке для чайника, поближе к печке, а когда подрос и научился ходить, переселился в детскую, на кровать Софии. У него была своя подушка рядом с подушкой хозяйки.

Котенок был из породы серых рыбацких котов и очень быстро рос. В один прекрасный день он покинул детскую и стал разгуливать по всему дому, а на ночь забирался под кровать в коробку из-под посуды. Уже тогда было видно, что в голове у него полно своих собственных независимых идей. София ловила котенка и уносила назад, в детскую, и чего только не делала, чтобы приручить его, но чем больше она любила этого разбойника, тем чаще он пропадал в своей коробке под кроватью и только громко мяукал, требуя, чтобы в коробке сменили песок. Имя его было *Ma petite*[4], но все звали попросту Маппе.

– Странная штука любовь, – сказала как-то раз София. – Чем больше любишь кого-нибудь, тем меньше он думает о тебе.

– Так и есть, – согласилась бабушка. – И что же тогда?

– Любишь дальше, – горячо ответила София. – И все ужаснее и ужаснее.

Бабушка вздохнула и промолчала. Обследовав все уютные местечки, которые только могут заинтересовать кота, Маппе совсем освоился. Иногда он вытягивался на полу, снисходительно принимая ласки и полное доверие со стороны хозяйки, сам же воровато отводил в сторону желтые глаза и норовил поскорее спрятаться в своей коробке. Казалось, ничто в мире больше не интересовало его, только поесть и поспать.

– Знаешь, – сказала София бабушке, – иногда мне кажется, что я ненавижу Маппе. У меня больше нет сил его любить, а не думать о нем я не могу.

Шли недели, София ходила за Маппе по пятам. Она ласково разговаривала с ним, щедро дарила его сочувствием и заботой, только однажды терпение ее лопнуло, и в гневе она схватила его за хвост. В ответ Маппе зашипел и шмыгнул под дом. Впрочем, этот конфликт не помешал Маппе пообедать с еще большим аппетитом и хорошо выспаться, свернувшись до невероятности мягким клубком и положив кончик хвоста себе на нос.

София ходила сама не своя, она перестала играть, по ночам ее мучили кошмары. Она думала только о Маппе, переживая, что он не хочет быть ей преданным другом. Между тем Маппе рос и вскоре превратился в маленького подтянутого хищника, а в один прекрасный июньский вечер не пришел ночевать в свою коробку. Утром он как ни в чем не бывало вошел в дом, выгнул спину, задрав хвост, и, вытянув сначала передние лапы, а потом задние, зевнул и стал точить когти о кресло-качалку. Потом он прыгнул на кровать и уснул с видом невозмутимого превосходства.

Пожалуй, он начал охотиться, подумала бабушка.

И не ошиблась. Уже на следующее утро кот принес на крыльцо маленькую серо-желтую птичку. Горло ее было умело перекушено, и несколько пурпурных капелек крови красиво лежали на блестящем перьевом наряде. Потрясенная София, побледнев, некоторое время рассматривала убитую птицу. Потом она попятилась от убийцы, повернулась и бросилась прочь.

Бабушка осторожно объяснила Софии, что хищные животные, например кошки, не видят разницы между птицей и крысой.

– Значит, они глупые, – коротко сказала на это София. – Крыса противная, а птица красивая. Я решила, что не буду разговаривать с Маппе три дня.

И она перестала с ним разговаривать.

---

[4] Малышка *(фр.)*.

На ночь кот отправлялся в лес, а утром приносил добычу в дом, чтобы похвалиться, и каждый раз птицу выбрасывали в море. В конце концов, прежде чем открыть дверь в дом, София стала громко спрашивать, стоя под окном:

– Можно войти? Труп убран?

Она наказывала Маппе и только растравляла свою боль, выбирая слова пострашнее:

– Кровавые пятна уже смыли?

Или:

– Сколько у нас убитых сегодня?

Утренний кофе утратил спокойную радость. И все вздохнули с облегчением, когда Маппе догадался наконец прятать свою добычу. Все-таки одно дело видеть кровавую лужу своими глазами, и совсем другое – только знать о ней. Может быть, Маппе надоели крик и шум, поднимающиеся каждое утро, а может быть, он считал, что люди отбирают и съедают его добычу сами. Однажды утром бабушка, закуривая свою первую в этот день сигарету, выронила мундштук, тот закатился в щель. Бабушка приподняла половицу и увидела аккуратный ряд обглоданных Маппе пичужек. Конечно, для нее не было новостью, что кот продолжает охотиться, по-другому и быть не могло, и все же, когда в следующий раз он прошмыгнул в дом мимо ее ног, она выскочила во двор и прошептала:

– Ах ты, лукавый черт!

На крыльце, привлекая мух, стояла нетронутая миска с плотвой.

– Знаешь, – сказала София, – лучше бы Маппе вообще не родился. Или я бы не родилась. Так было бы намного лучше.

– Вы так и не разговариваете? – спросила бабушка.

– Я ему не сказала ни слова, – ответила София. – Что делать, не знаю. Даже если я прощу его, какая разница, ему все равно.

Бабушка не нашлась что ответить.

Маппе совсем одичал и почти не бывал в доме. Шерсть его приобрела привычный на острове серо-желтый оттенок – цвет гор или солнечных пятен на песке. Когда кот крался по прибрежному лугу, казалось, что это ветер колышет траву. Он мог часами караулить свою добычу в зарослях кустарника, на фоне заката иногда появлялся его неподвижный силуэт с навостренными ушами, который вдруг исчезал… и через секунду раздавался чей-то последний писк. Маппе продирался между ветвями низкорастущих елей, вымокший под дождем, с прилипшей к худому телу шерстью, и сладострастно вылизывал себя, когда выглядывало солнце. Он принадлежал только себе и был абсолютно счастлив. В жаркие дни Маппе катался по пологой горе, грыз время от времени какую-нибудь траву, а иногда его рвало собственной шерстью, о чем он, впрочем, быстро забывал, как это бывает у кошек. Что он еще делал – никто не знал.

Однажды в субботу к ним на чашечку кофе приехали Эвергорды. София спустилась на берег, чтобы посмотреть на их лодку. Лодка была большая, загруженная сумками, корзинами и всякой посудой, а в одной из корзин мяукал кот. София приподняла крышку, кот лизнул ей руку. Он был толстый, с белой шерстью и круглой мордой. София вынула его из корзины, и всю дорогу кот не переставая мурлыкал.

– А-а, ты нашла кота, – сказала Анна Эвергорд, увидев Софию. – Он очень милый, только вот мышей не ловит, поэтому мы решили отвезти его нашему инженеру.

София села на кровать, держа на руках тяжелого кота, тот умиротворенно мурлыкал. Он был мягкий, теплый и послушный.

Все уладилось очень легко, бутылка рома закрепила обмен. Маппе поймали, и он понял, что произошло, только когда лодка Эвергордов подплывала к деревне.

Нового кота звали Сванте. Он ел плотву и любил, когда его гладили. Сванте сразу же облюбовал себе детскую и каждую ночь спал в объятиях Софии, а по утрам выходил к утреннему кофе и досыпал на постели у печи. В солнечные дни Сванте катался по нагретой горе.

– Только не здесь! – кричала София. – Это место Маппе. – И она перетаскивала кота, который лизал ее в нос и послушно катался по траве на новом месте.

Лето было в самом разгаре, один за другим проходила вереница длинных лазурных дней. Каждую ночь Сванте спал, уткнувшись носом Софии в щеку.

– Странно, – сказала однажды София, – мне надоела хорошая погода.

– Вот как? – откликнулась бабушка. – Значит, ты похожа на своего деда, он тоже больше любил шторм.

София ушла прежде, чем бабушка ударилась в воспоминания.

И вот как-то ночью, сначала осторожно, а потом все набирая и набирая силу, подул ветер, а к утру по всему острову бушевал со зловещим свистом зюйд-вест.

– Просыпайся, – шепнула София. – Просыпайся, дорогой, шторм начался.

Сванте заурчал и вытянул во всю длину нагретые теплой постелью лапы. Простыня была в кошачьей шерсти.

– Вставай, – закричала София, – ведь на дворе шторм!

Но кот только перевернулся на свой толстый живот. И тогда София, неожиданно для себя, пришла в ярость, она распахнула дверь, выбросила кота на ветер и, увидев, как он прижал уши, закричала:

– Охоться! Делай что-нибудь! Ты же кот! – и, заплакав, забарабанила в дверь бабушкиной комнаты.

– Что случилось? – спросила бабушка.

– Я хочу, чтобы Маппе вернулся! – плакала София.

– Ты что, забыла, сколько с ним было мучений?

– Было ужасно, но все равно я люблю только Маппе, – сказала София твердо.

На следующий день Маппе был возвращен.

Грот

В глубине залива, на самом большом песчаном острове, растет невысокая ярко-зеленая трава. Ее корни плотно сплетаются друг с другом в крепкую сеть, которой не страшен никакой шторм, – прочнее ее нет ничего на свете. Огромные волны несутся к берегу, выскребая песчаное дно, а очутившись в бухте, пасуют перед травой, растекаясь на мелкие лужицы. Они могут размыть песок, но одолеть траву им не под силу, даже затопленная водой, она разрастается на новых пригорках и ложбинах. Выходя из моря, долго чувствуешь травяной ковер под ногами, в местах повыше растет фукус, а еще выше настоящие джунгли из зарослей спиреи, крапивы, вики и других растений, любящих соленую воду. Высокий и густой, этот лес быстро растет на почве, удобренной перегноем из водорослей и рыбы. Он изо всех сил тянется вверх по склону, пока ему не преграждают путь верба, ольха и рябина, их верхушки склоняются так низко, что, пробираясь по лесу, приходится отводить ветви в стороны, вытягивая руки, будто плывешь. А когда зацветают рябина и черемуха, в лесу резко пахнет кошками.

София прокладывала себе дорогу, орудуя большими ножницами с таким терпением, на какое была способна, когда дело ее интересовало и особенно если оно было секретом для других.

Вот она вышла к большому розовому кусту, его звали Роза Ругоза. Когда на Розе Ругозе распускались крупные одиночные цветы, которые стояли как ни в чем не бывало даже после шторма и опадали только по собственной прихоти, люди из деревни приходили посмотреть на это чудо природы. Корни ее выступали из почвы, отшлифованные волнами, в ветках застряли листья фукуса. Через каждые семь лет Роза Ругоза умирала, сломленная суровыми испытаниями, но возрождалась в детях, пробивающих свои ростки рядом, на той же соленой почве, и все повторялось сызнова. Почти на том же месте. За Розой Ругозой путь пролегал через колючие заросли крапивы, потом шли спирея, волчья ягода и вербейник, за ольхой, на пороге леса, росла большая черемуха. Если, выбрав правильный день и направление ветра, лечь под черемуху, можно увидеть, как она осыпается вся разом, на твоих глазах. Только нужно быть очень осторожным. Кусты усеяны насекомыми, их даже не видно, но чуть заденешь за ветку – и они посыплются на тебя.

За черемухой на мшистом покрове росла сосна, в этом месте гора круто поднималась, и каждый раз неожиданно открывался вход в грот. Совершенно неожиданно. Грот был узкий, с влажными черными стенами, в нем пахло гнилью, а в глубине расположился алтарь, поросший зеленым мхом, густым и мягким, как плюш.

– А ты не знаешь, что я знаю, – сказала София.

Бабушка отложила детектив и выжидательно посмотрела на внучку.

– Знаешь, что я знаю? – снова спросила София.

– Нет, – ответила бабушка.

Они пришвартовались у скалы и стали карабкаться к розовому кусту по потайному пути Софии. День был подходящим для такого путешествия: у бабушки кружилась голова, и ползти ей было даже удобнее, чем идти.

– Да тут крапива, – сказала она.

– Я же тебя предупреждала, – ответила София. – Ползи быстрее, осталось немножко.

Когда они добрались до спиреи и вербейника, потом до черемухи, София обернулась и сказала:

– Теперь можешь отдохнуть и выкурить сигарету.

Но оказалось, что бабушка забыла дома спички. Некоторое время София и бабушка молча лежали под черемухой, размышляя каждый о своем, потом София спросила, что́ обычно держат на алтаре.

– Что-нибудь красивое и необыкновенное, – ответила бабушка.

– Что, например?

– Ну мало ли…

– Отвечай как следует!

– Сейчас мне ничего не приходит в голову, – ответила бабушка, она плохо себя чувствовала.

– Может быть, золото? – предложила София. – Хотя это не слишком-то необычно.

Они поползли дальше между елями, а когда добрались до грота, бабушку вырвало на мох.

– Вот тебе раз, – сказала София. – Ты принимала сегодня свое лекарство?

Бабушка вытянулась на траве и не ответила. София прошептала:

– Я буду заботиться о тебе весь день.

Под елями было довольно прохладно и тихо, и они вздремнули немного. Проснувшись, они доползли до грота, но вход в него оказался слишком узким для бабушки.

– Расскажешь мне, что там внутри, – попросила она Софию.

– Тут зеленый мох, – начала София, – и пахнет гнилью, и ужасно красиво, а в глубине – святое место, потому что там живет бог в… в маленькой коробочке.

– Вот как? – сказала бабушка и просунула голову в щель, насколько могла. – А там что такое?

– Поганки, – ответила София.

Бабушка протянула ей свою шляпу, она узнала шампиньоны и отправила Софию их собирать. Вскоре шляпа была полна.

– Так ты говоришь, он живет в маленькой коробочке? – переспросила бабушка и дала Софии опорожненную коробку из-под лекарства, ставшую теперь священной. София снова залезла в грот и положила ее на алтарь.

После этого они отправились назад и по дороге выкопали одного из отпрысков Розы Ругозы, чтобы посадить у крыльца бабушкиной комнаты. Осторожно, стараясь не повредить корни, бабушка и София вырыли кустик прямо с землей и поместили его в коробку из-под джина, которую вытащили из тины. Кроме того, они нашли старую ушанку и переложили в нее грибы, так что бабушка снова смогла надеть свою шляпу.

– Что бы еще такое устроить? – сказала София. – Подумай, чего бы тебе хотелось?

Бабушка ответила, что ей хочется пить.

– Хорошо, – сказала София. – Подожди меня здесь.

Она спустилась на то место, где видела валявшуюся на берегу бутылку, этикетки на ней не было. Они откупорили ее, бутылка зашипела, в ней оказался лимонад, который бабушка любила гораздо больше, чем минеральную воду.

– Вот видишь! – воскликнула София. – И это уладилось. А теперь я найду для тебя новую лейку.

Но бабушку вполне устраивала старая. К тому же она считала, что лучше не искушать судьбу. Они побрели домой. Очень приятно брести не спеша и не чувствовать боли в животе.

Когда они вернулись, был уже пятый час. Жареных грибов хватило на всю семью.

Дорога

Бульдозер, огромная адская машина ядовито-желтого цвета, с грохотом и скрежетом врубался в лес, бряцая своей огромной пастью, а рядом, облепив его со всех сторон, точно обезумевшие муравьи, бежали, указывая путь, деревенские жители.

– Вот дьявол! – крикнула София и не услышала своего голоса.

Она стояла, спрятавшись за камнем, с молочным бидоном в руке и смотрела, как машина вспарывала землю, вырывала огромные, поросшие мхом бревна, пролежавшие тут тысячу лет, и расшвыривала их в обе стороны. Сосны, задетые бульдозером, с громким треском ломались, обнажая выдранные из почвы корни.

– Господи Исусе, так он весь лес переломает!

Дрожа и переминаясь с ноги на ногу, София стояла на мхе, завороженная ужасом происходящего. Вот безропотно, с тихим вздохом повалилась черемуха, и на месте, где она росла, образовалась горка жирной черной земли, а бульдозер уже с ревом двинулся дальше, захватывая новый участок. Крестьяне нервничали и кричали друг на друга. Еще бы, ведь машина была нанята за сотню марок в час, даже больше, считая путь туда и обратно. Она прокладывала дорогу вниз, к первой бухте, двигаясь напролом, неудержимо, словно поток обезумевших леммингов.

«Да, – подумала София, – не хотела бы я сейчас быть муравьем. От этой машины можно ждать чего угодно!»

Она сходила за молоком и почтой, а когда вернулась назад, было уже неожиданно тихо и на месте тропинки пролегла широченная дорога. Вокруг царил чудовищный беспорядок, словно чьи-то огромные руки придавили лес, сломав и пригнув деревья к земле, точно траву, с той только разницей, что они уже больше не поднимутся. Расколотые стволы блестели белой поверхностью и истекали соком. По обе стороны дороги лежали груды зеленых веток, но ни один лист не шевелился от ветерка. Казалось, будто идешь между двумя стенами. Развороченная земля, прилипшая к камням, подсыхала и приобретала серый оттенок, на новой дороге тоже стали появляться серые пятна. Отовсюду торчали обрубленные корни, а на самых тонких, как на ниточках, дрожали крошечные комья земли. Стояла гробовая тишина, какая бывает после взрыва или пронзительного крика. София стала спускаться по новой дороге, которая показалась ей намного длиннее старой. В лесу не было слышно ни звука. Спустившись к бухте, она увидела бульдозер, его безобразные контуры четко виднелись на фоне воды. Проезжая по прибрежному лугу, он застрял в ложбине и теперь стоял, скособочившись, среди песчаных куч, выброшенных его гусеницами. Покрытый травой склон мягко, с коварной уступчивостью подался, завалив набок это лесопожирающее чудовище, являвшее собой теперь безмолвную картину поверженной мощи. У машины сидел Эмиль Эрстрём и курил.

– А где остальные? – спросила София.

– Пошли принести то, что нужно.

– А что нужно?

Эмиль ответил, что все равно она ничего в машинах не понимает. София побрела дальше по лужайке, поросшей зеленой травой, способной вынести любой шторм, цепляясь за почву своими маленькими корешками.

Вдалеке, у мыса, она увидела бабушку, сидящую в лодке.

«Вот это машина! – подумала вдруг София, удивившись ее могуществу. – Будто Господь наложил свою карающую десницу на Гоморру. А здорово будет проехать по новой дороге, вместо того чтобы плестись пешком».

Праздник летнего солнцеворота

У семьи был друг, который, впрочем, редко ее навещал, звали его Эрикссон. Забывал ли он заглянуть на остров или собирался приехать, да все не получалось, но только бывало, что за все лето он так и не появлялся.

Эрикссон был невысокого роста, крепкий, с загаром цвета прибрежного песка и голубыми глазами. Когда о нем говорили или думали, то смотрели куда-то вдаль, поверх моря. Ему часто не везло, и он привычно ругал плохую погоду и неполадки в моторе. Сеть его неминуемо рвалась или цеплялась за мотор, рыба уплывала, когда он выходил в море, а птицы разлетались, когда он собирался поохотиться. А если Эрикссону и везло с уловом, то падали цены на рынке, вот и выходило все равно так на так. И все же, при всей своей незадачливости, Эрикссон обладал какой-то таинственной притягательной силой.

В семье скучали по Эрикссону, когда его долго не было, и каждый понимал, хоть и не говорил этого вслух, что рыбалка, охота, лодочный мотор – все это не слишком занимало его. Пожалуй, они даже догадывались, что было действительно интересно Эрикссону, но не смогли бы дать этому точное определение. Идеи и неожиданные желания возникали в его голове так же внезапно, как легкий бриз на море, он жил, храня в себе какое-то напряженное ожидание. В море всегда что-нибудь происходит: или кто-нибудь дрейфует, или, наоборот, несется на всех парусах, или ночью переменится ветер и зажгут маяк. Живя у моря, необходимо обладать знаниями, воображением и быть всегда начеку. И еще, разумеется, нужен нюх. Большие события происходят где-то далеко, а здесь, в шхерах, будничные дела, но их тоже кто-то должен выполнять. Взять, например, хоть просьбы дачников. Один хочет, чтобы у него была настоящая корабельная мачта на крыше, другой просит разыскать камень особого цвета. И все это можно найти, если есть старание и время, а главное – умение искать. Когда занимаешься такими поисками, чувствуешь себя удивительно свободным и находишь вещи, о существовании которых даже не подозревал. Бывает, правда, и так, что в июне тебя просят найти котенка, а в конце августа – утопить: больше он не нужен. И приходится это делать. А некоторые только и мечтают заботиться о ком-нибудь всю жизнь.

И Эрикссон помогал этим мечтам осуществиться. Что он искал для самого себя – никто не знал, да и находил он, возможно, гораздо меньше, чем думали люди. Но он всегда был в поисках – скорее всего, ради самих поисков.

Самым таинственным и притягательным в Эрикссоне было то, что он никогда не говорил о себе; похоже, у него не было такого желания. Не обсуждал он и других, другие его вообще мало интересовали. Редкие визиты Эрикссона в любое время суток были непродолжительными. Случалось, он забегал на чашечку кофе, присоединялся к обеду или ужину, а то и выпивал рюмочку, чтобы не обидеть хозяев, но потом становился молчалив, его обуревало непонятное беспокойство, он словно прислушивался к чему-то и вскоре откланивался. Когда он появлялся, хозяева бросали все свои дела, в эти минуты существовал только Эрикссон. Все смотрели на него не отрываясь, ловили каждое слово, а когда он уходил, так и не сказав ничего существенного, оставалось только гадать о том несказанном, что Эрикссон уносил с собой.

Проходя мимо их дома на рассвете, он мог забросить по дороге подарок: маленького лосося или несколько тушек трески, кустик дикой розы с корнями в земле, обернутыми бумажным пакетом, или дверную табличку с каюты капитана, красивую коробку или пару поплавков, надписанных чьей-то рукой. Многие из этих подарков оборачивались потом тривиальными деньгами, – пожалуй, это была единственная возможность оценить идеи Эрикссона. Таким образом, на них можно было, например, купить бензин и прокатиться на лодке.

София любила Эрикссона. Он никогда не спрашивал, чем она увлекается или сколько ей лет. Эрикссон здоровался с ней так же серьезно, как с другими, и прощался с легким поклоном

и без снисходительной улыбки. Они всегда провожали гостя до берега. Его большую старую лодку было нелегко стронуть с места, но уж если она плыла, так плыла. Эрикссон не слишком заботился о ней, в трюме всегда стояла вода с разводами бензина, а обшивка потрескалась. Но инструмент был в порядке. Рыбу он жарил прямо на горячем моторе, а спал в мешке из тюленьей кожи, сшитом еще его дедом. На дне лодки валялись комья земли, листья фукуса, песок и рыбьи кости, на корме аккуратно лежали рыболовные снасти и ружье, но только Господу Богу было известно, что хранилось в коробках и мешках внизу, в трюме. Эрикссон сворачивал трос и резким движением заводил мотор. Тот радостно тарахтел, привыкший к такому обращению, и Эрикссон отплывал от берега, даже не махнув рукой на прощанье. Названия у его лодки не было.

В это лето, незадолго до солнцеворота, Эрикссон приплыл на остров и затащил на гору ящик. Он сказал:

– Тут всякие штуки для фейерверка, которые я получил в придачу. Если вы не против, я бы приехал в канун Иванова дня, чтобы посмотреть, загорятся они или нет.

Он сказал это, не выключив мотора, потом дал задний ход и скрылся из виду. Промокший ящик пододвинули ближе к печке.

Праздник летнего солнцеворота, таким образом, обещал быть еще торжественней, чем обычно. Бабушка натерла печь ваксой и выкрасила дверцы серебряной краской. Были вымыты все окна и постираны занавески. Разумеется, никто не рассчитывал, что Эрикссон обратит на это внимание: он никогда ничего не замечал вокруг себя, когда входил в дом. И все же они навели порядок перед его приходом. Накануне съездили на соседние острова, чтобы наломать березовых и рябиновых веток и собрать ландыши. Над островами летали тучи комаров и мошек. Они стряхнули на берегу насекомых с веток и поехали домой. Весь дом, внутри и снаружи, был в зелени и белых цветах, ветки березы стояли в банках с водой. В июне почти все цветет белым цветом.

Бабушка спросила, не пригласить ли на праздник родственников, но все сомневались, что это будет уместно. Эрикссон всегда приходил один и сидел ровно столько, сколько считал нужным.

Утром накануне праздника с севера подул сильный ветер, потом пошел дождь. На берегу, над местом для костра, папа натянул брезент. Но его тут же сдуло в море. На всякий случай папа налил в бутылку бензина и поставил ее в угол – позор, если костер не загорится. День тянулся, а ветер все не стихал. Папа работал за своим столом. Пусковое устройство для фейерверка Эрикссона стояло на веранде, нацелив в небо свои ракетницы.

Стол накрыли на четверых. На обед были сельдь, свиные котлеты с картофелем и зеленью. На десерт груши.

– Он не ест десерт, – нервничала София. – И зелень не ест, он говорит, что это все равно что трава. Ты же знаешь.

– Да-да, – согласилась бабушка. – Но с зеленью красивее.

В подполе стояла водка. Запаслись молоком. Эрикссон выпивал не больше одной рюмки спиртного, в крайнем случае две, но зато любил молоко.

– Убери салфетки, – сказала София. – Это глупо.

Бабушка убрала со стола салфетки.

Ветер не стихал, дул так же пронзительно, но и не усиливался. Временами лил дождь. Ласточки кричали, снуя над мысом, день клонился к вечеру.

«Во времена моего детства, – подумала бабушка, – погода на праздник летнего солнцеворота была другой. Ни малейшего ветерка. Сад стоял весь в цвету, и ставился специальный шест, украшенный венками, с флажком на верху. Даже хотелось, чтобы подул ветерок. А костров не было. Почему-то у нас не было костров…»

Бабушка легла на кровать и стала смотреть вверх, на листву берез, и незаметно для себя заснула.

Проснулась она от чьего-то крика, дверь хлопнула, но в темной комнате ничего не было видно – обычно в ночь на праздник солнцеворота лампу не зажигали. Бабушка вскочила, – наверное, Эрикссон приехал.

– Скорее! – крикнула София. – Он не хочет есть! Мы едем вылавливать бутылки. Нужно тепло одеться, мы ужасно торопимся!

Спотыкаясь в темноте, бабушка разыскала свою кофту, натянула теплые брюки, взяла палку и в последний момент сунула лекарство в карман. Остальные уже нетерпеливо ждали ее, и было слышно тарахтенье лодки Эрикссона внизу, в гавани. Во дворе было светлее, ветер сменился на западный и принес с собой моросящий дождь, от которого бабушка окончательно проснулась. Она спустилась на берег и залезла в лодку. Эрикссон не поздоровался, он пристально всматривался в море и не проронил ни слова. Бабушка села на дощатое дно. Внизу, под лодкой, море то поднималось, то опускалось, а вдоль побережья, к северу, уже зажглись первые праздничные костры. Их было немного, они едва поблескивали сквозь туман.

Эрикссон взял курс точно на юг, к шхере Уттер, по пути к нему присоединялись другие лодки, все новые и новые, они появлялись из сумерек, как призраки. На серой поверхности моря покачивались ящики с красивыми круглыми бутылками; почти целиком погрузившись в воду, ящики были едва заметны в темноте. Лодки то стремительно набирали ход, то резко тормозили, приблизившись к ящикам, и кружили вокруг них. Каждое движение было рассчитано, как в танце. Морской патруль тоже был здесь на своем катере с мощным мотором и вместе со всеми вылавливал бутылки. Все лодки побережья вышли в море, чтобы участвовать в этом состязании. Эрикссон стоял у штурвала, а папа Софии, перегнувшись через борт, подхватывал бутылки все быстрее и быстрее, папа с Эрикссоном не делали ни одного лишнего движения, не теряли ни секунды, работая так слаженно, что любо посмотреть. Бабушка глядела на них, вспоминая и сравнивая. Иванова ночь опустилась на Финский залив, по которому вовсю шло праздничное ликование. Далеко над материком на фоне серого неба вспыхнуло несколько одиночных ракет, словно огненные стрелы мечты. София к этому времени уже спала на нижней дне лодки.

Наконец все было выловлено, и пусть неизвестно, в добрых или злых руках оказалась добыча, но ничто не пропало даром. Под утро флот стал расщепляться на отдельные лодки, что медленно удалялись каждая к своей цели. К рассвету море опустело. Ветер стих. Дождь перестал. Ясное чудесное утро Иванова дня озарило своими красками небо. Было холодно. Когда Эрикссон причалил к острову, ласточки с криком поднялись, он не стал глушить мотор и сразу же отплыл, как только лодка освободилась.

Дома папа подумал, что надо было пригласить его к завтраку, но мысль эта лишь на мгновение мелькнула в его сознании. Он сделал всем бутерброды и вытащил ящик Эрикссона с фейерверком на веранду. Потом зарядил ракетницы. Первая ракета не вспыхнула, вторая тоже. Они промокли и не горели. Только самая последняя зажглась и рассыпалась на множество голубых звезд на фоне восходящего солнца. Ласточки снова встревоженно закричали, и праздник Ивановой ночи закончился.

Эрикссон на всякий случай снова держал курс на юг.

Палатка

В юности бабушка Софии была вожатой скаутов, и, конечно, только благодаря ей многие маленькие девочки вступали тогда в скаутские отряды. До сих пор они не могли забыть те веселые времена и часто писали бабушке, вспоминая какой-нибудь случай или куплет из песни, которую они пели, сидя у лагерного костра. Бабушка говорила, что нечего ворошить прошлое, и называла этих пожилых девочек сентиментальными дурочками, хотя и относилась к ним хорошо. К тому же она считала, что движение скаутов было чересчур массовым и не учитывало индивидуальности, а потом и вовсе забыла об этом думать. Времена переменились: ее дети скаутами уже не становились – это вышло из моды.

Однажды летом папа Софии принес палатку и поставил ее на поляне, в ущелье, чтобы укрываться в ней, если приедет много гостей. Палатка была такая маленькая, что приходилось заползать в нее на четвереньках. Если лечь рядом, там можно поместиться вдвоем. Но света в ней не было.

– Это что, палатка скаутов? – спросила София.

Бабушка фыркнула.

– Мы шили себе палатки сами, – ответила она и стала вспоминать, как выглядели их палатки – большие, устойчивые, серо-коричневого цвета. А это так, игрушка, ярко-желтая игрушка на случай, если нагрянут гости.

– Так, значит, это не скаутская палатка? – разочарованно спросила София.

Тогда бабушка сказала, что, может быть, и скаутская, но на современный лад. Они заползли в палатку и легли рядом.

– Не спи, – сказала София. – Я хочу, чтобы ты рассказала, как ты была скаутом и что вы делали.

Когда-то давно эта просьба обрадовала бы бабушку, но в ту пору это никого не интересовало, а теперь у нее не было ни малейшей охоты вспоминать.

– У нас были костры, – коротко сказала она и вдруг ощутила прилив меланхолии.

– А дальше?

– Костер складывали «колодцем», такой долго горит. А мы сидели вокруг и мерзли. И ели суп.

«Странно, – подумала бабушка, – не могу дальше рассказывать, слов подходящих как-то нет, или, может быть, дело в том, что я недостаточно стараюсь. Это было так давно. Быльем поросло. Но если не я, то кто же расскажет об этом; так все и канет в Лету».

Она села и сказала:

– Ночевки мне плохо запомнились. Тебе надо как-нибудь самой попробовать заночевать в палатке.

София взяла с собой в палатку пижаму. На закате она закрыла дверь детской и пожелала всем спокойной ночи. Девочка совершенно одна отправилась в ущелье, показавшееся в этот вечер далеким, забытым Богом, людьми и скаутами местом, просто пустыня, а впереди была ночь. София расстегнула молнию палатки, залезла внутрь и легла, натянув одеяло до подбородка. Закатные лучи проникали сквозь желтую ткань, от этого в палатке стало уютней. Никого не было ни внутри, ни снаружи. София лежала одна-одинешенька, словно в коконе, посреди света и тишины. А когда солнце опустилось еще ниже и палатка окрасилась в пурпурный цвет, София заснула.

Ночи уже стали длиннее, и, когда София проснулась, кругом стояла кромешная тьма. Какая-то птица пролетела над поляной, прокричав сначала где-то рядом, а потом вдалеке. В ночной тишине был слышен плеск волн. Вдруг на пустой поляне, точно от чьих-то шагов, заскрипел гравий. Палатка будто растворилась в ночи, и Софии казалось, что она спит прямо

на земле. Закричали какие-то другие птицы, чернота кишела незнакомыми шорохами и звуками, которые невозможно было определить. Никто даже не смог бы их описать.

– Боженька, – прошептала София, – сделай так, чтобы я не боялась. – И она представила себе, что будет, если она струсит. – Миленький Боженька, сделай так, чтобы они меня не презирали, если я все-таки струшу.

Первый раз в жизни она так прислушивалась к тому, что происходило вокруг. Первый раз в жизни она, выбравшись из палатки, так чувствовала босыми ногами прохладную, крупитчатую и сложную по структуре почву. София ощущала подошвами мелкий гравий, влажную траву и большие гладкие камни, иногда по икрам скользили ветки кустарника. Земля была совсем черной, а небо и море чуть отсвечивали серым цветом. Остров, словно маленький листок, плавал на поверхности моря. В бабушкиной комнате светилось окно. София осторожно постучалась – ночью все звуки казались громче.

– Ну как? – поинтересовалась бабушка.

– Хорошо, – ответила София.

Она села у изножья кровати, глядя на зажженную лампу, на сеть и плащи, висящие на стене. Зубы ее наконец перестали стучать, и она сказала:

– Совсем нет ветра.

– Да, очень тихо, – согласилась бабушка.

У бабушки два одеяла. Если одно положить на матрас и взять подушку, то получится постель. И это совсем не то, что возвращаться в детскую, остаться здесь – почти то же самое, что заночевать на открытом воздухе. Нет, все-таки не то же самое. Но ведь если ночуешь в палатке вдвоем, то все равно считается, что на открытом воздухе.

– Сегодня ночью много птиц, – сказала бабушка.

Можно и по-другому: взять одеяло и лечь на веранде, рядом с комнатой. И на открытом воздухе, и одна. Господи боже мой!

Бабушка сказала:

– Я не могла заснуть, и в голову полезли всякие грустные мысли.

Она села на кровати и потянулась за сигаретами. София машинально подала ей спички, но голова ее была занята другим.

– У тебя ведь два одеяла? – спросила она.

– Так вот, я говорю, – продолжала бабушка, – что разные мысли лезут в голову. То, что раньше казалось таким интересным, теперь не волнует. Чувствуешь себя обделенным. Заброшенным, что ли. А это все же несправедливо. И даже не с кем об этом поговорить.

София снова озябла. Как же они могли разрешить ей, маленькой девочке, ночевать в палатке? Сами небось не знают, что это такое, а ее выпроводили спать в ущелье.

– Что? – спросила она сердито. – Что ты сказала, не волнует?

– Я только сказала, что в мои годы уже невозможно во всем участвовать.

– Вовсе нет. Ты во всем участвуешь. Мы же все делаем вместе.

– Подожди! – сказала бабушка, она была возбуждена. – Я не договорила! Я знаю, что мы все делаем вместе. У меня всегда была насыщенная жизнь, необыкновенно насыщенная, слышишь? Необыкновенно! Но минуло время, я уже ничего не помню, мне все стало безразлично, а ведь как раз теперь мне необходимо это вспомнить.

– Чего ты не помнишь? – обеспокоенно спросила София.

– Не помню, например, что чувствуешь, когда ночуешь в палатке, – сказала бабушка.

Она затушила недокуренную сигарету, легла снова и стала смотреть в потолок.

– В мое время, – сказала она задумчиво, – девочкам не разрешали спать в палатках. Я с большим трудом уговаривала родителей отпустить меня. Помню, что это было чудесно, а как именно – не помню, и даже не могу никому рассказать.

За окном снова пролетела с криком стая птиц. Из-за зажженной лампы окно казалось чернее ночи.

– Я расскажу тебе, что чувствуешь, когда ночуешь в палатке, – сказала София. – Палатка такая маленькая, а все звуки вокруг кажутся такими громкими. – Она подумала и добавила: – И совсем не страшно. Очень хорошо, что все звуки кажутся громкими.

– Да-да, – подтвердила бабушка, – все звуки кажутся громкими.

Софии захотелось есть, она вытащила из-под кровати ящик с припасами. Они закусили хрустящими хлебцами с сыром и сахаром.

– Что-то мне спать захотелось, – сказала София, – я пошла назад.

– Иди.

Бабушка потушила лампу, в комнате наступила кромешная тьма, но постепенно глаза привыкли. София вышла из комнаты и затворила за собой дверь. Бабушка завернулась в одеяло и попробовала предаться воспоминаниям. Теперь вспоминалось лучше, без особого напряжения. В памяти всплывали одна картина за другой. Забрезжил холодный рассвет, и, нагрев постель своим теплом, бабушка заснула.

Сосед

Какой-то директор выстроил себе виллу на Острове чаек. Поначалу это старались не обсуждать, в семье давно было заведено правило – не растравлять себя пустыми разговорами. А случай с виллой был особенно болезненным.

Каждый местный житель любил время от времени окинуть взглядом горизонт. Вновь увидев знакомую дугу островов, навигационную вышку, всегда стоявшую на том же самом месте, он убеждался, что все вокруг идет своим чередом, и это придавало ему уверенности и покоя. Но теперь пейзаж переменился. Линию горизонта прерывал четырехугольник новой виллы, этот грозный береговой знак, который, точно глубокая царапина, цеплял взгляд наблюдателя. Безымянный архипелаг, защищавший остров от моря, получил теперь незнакомое название, и лагуны его стали недоступны для постоянных обитателей островов. А хуже всего было то, что все это происходило по соседству.

Всего лишь одна морская миля отделяла их дом от директорской виллы. Очень может быть, что он окажется общительным человеком, любящим ходить в гости; вполне возможно, что у него большая семья, которая вытопчет весь мох в округе, они привезут с собой транзистор и будут приставать с разговорами. Ничего необычного в этом нет, рано или поздно так случается всюду, и никуда не скроешься.

И вот однажды утром огромная крыша виллы была покрыта листовым железом, она враждебно поблескивала на солнце под крик чаек и морских ласточек. Строительство было завершено, рабочие уехали, так что оставалось ждать только приезда хозяина. Но дни шли, а директор не появлялся.

В конце недели бабушка с Софией отправились на лодке в небольшое путешествие по морю. Выплыв на мелководье, они решили навестить шхеру Кнект, чтобы посмотреть на водоросли, а там от лагуны у шхеры Кнект рукой подать до Острова чаек. Пристани на острове не было, а на берегу возвышалась горка гравия. В нее по приказанию директора был воткнут большой плакат с надписью черным по белому: «Частное владение. Высаживаться на берег запрещено».

– Пришвартовывайся, – сказала Софии бабушка, она очень рассердилась.

София в нерешительности взглянула на нее.

– Есть большая разница, – объяснила бабушка. – Ни один воспитанный человек не станет высаживаться на чужой берег, если хозяев нет дома. Но раз они выставили такой плакат, мы высадимся; это называется «бросить вызов».

– Само собой, – согласилась София, значительно расширившая свои представления о жизни.

Они пришвартовались как раз у плаката.

– То, что мы сейчас делаем, – сказала бабушка, – называется демонстрацией. Мы демонстрируем свое неодобрение. Понимаешь?

– Демонстрируем свое неодобрение, – повторила София и в тон добавила: – И тут никогда не будет хорошей пристани.

– Не будет, – подхватила бабушка. – И дверь у них не с той стороны. Когда подует зюйд-вест, ее не откроешь. А вот их бочки для дождевой воды. Ха-ха! Разумеется, пластмассовые.

– Ха-ха! Разумеется, пластмассовые, – повторила София.

Они подошли к вилле ближе, отсюда было видно, как изменился остров. От прошлой первозданности не осталось и следа. Остров стал казаться плоским и выглядел заурядно и пошло. Правда, растительный покров не пострадал ни в коей мере: поверх вереска и голубики директор перебросил широкие мостки, чтобы сберечь растения. Кусты серого можжевельника тоже не были потревожены. И все равно остров был плоским, а дом стоял сам по себе, не вписав-

шись в ландшафт. С близкого расстояния вилла казалась невысокой, в чертежах она, наверное, выглядела неплохо. Она смотрелась бы даже красиво в любом другом месте, но только не здесь.

Бабушка и София поднялись на террасу. Чуть ниже крыши красовалась надпись: «Вилла на Острове чаек», изящно вырезанные буквы напоминали шрифт на старинных географических картах. Над дверью висели два новеньких корабельных фонаря и якорь, к одной стене был прикреплен выкрашенный в красный цвет спасательный круг, а на другой – выложен целый орнамент из стеклянных поплавков.

– Так всегда бывает вначале, – сказала бабушка. – Может быть, он еще научится.

– Что? – не поняла София.

Бабушка подумала и повторила:

– Еще научится.

Она подошла к ставням, чуть ли не во всю стену, и попробовала заглянуть внутрь. На ставнях висел большой замок, дверь тоже была заперта. Тогда бабушка достала свой складной нож и вынула из него отвертку. Замок крепился медными шурупами, они легко поддались.

– Ты взламываешь? – прошептала София.

– А ты не видишь? – ответила бабушка. – Но вообще говоря, в обычных случаях так не делают.

Она отворила одну ставню и заглянула внутрь. За окном оказалась большая комната с открытым камином. Перед ним стояли низкие кресла из тростника со множеством подушек и стол из толстого стекла с яркими наклейками. Софии комната очень понравилась, но она не осмелилась об этом сказать.

– Парусник в бушующем море в золотой раме, карты, бинокль, секстант[5], – перечисляла бабушка. – Модели кораблей, анемометр[6]. Целый морской музей.

– Какая у него большая картина! – нерешительно произнесла София.

– Да уж, у него все большое.

Они уселись на террасе спиной к дому и стали смотреть вниз, на длинную шхеру, которая вновь показалась пустынной и первозданной.

– Он наверняка не знает, – нарушила молчание София, – что, прежде чем выбросить бутылки и банки, их нужно наполнить водой, чтобы они утонули. А теперь весь его грязный мусор окажется у нашего берега и попадет к нам в сеть. И вообще, у него все чересчур большое!

Тут они обратили внимание на звук мотора, который раздавался уже некоторое время. Звук приближался, постепенно превратился в рев, потом в тарахтение, и мотор заглох. Наступила тишина, напряженная, пугающая тишина. Бабушка торопливо поднялась.

– Сбегай посмотри, – сказала она Софии, – только не показывайся.

София крадучись подползла к осинам. Вернулась она бледная как полотно.

– Это он, это он, – взволнованно зашептала она, – директор!

Бабушка заметалась в испуге.

– Только не высовывайся, – повторяла она. – Посмотри, что он там делает, но так, чтоб тебя не видели!

София снова плюхнулась на живот и подползла к осинам. Директор высаживался на берег. Яхта была из красного дерева, с антенной на крыше рубки, на носу сидели собака и тощий подросток в белом. Они одновременно спрыгнули на землю.

– Наша лодка обнаружена, – прошептала София. – Они идут сюда!

Бабушка торопливо засеменила вглубь острова. Палка ее ударялась о землю, выбивая мелкие камешки и мох, от страха бабушка не могла выдавить из себя ни слова. Это было самое настоящее бегство, но ничего лучше придумать она не смогла. София маячила перед ней, то

---

[5] *Секстант* – инструмент, применяемый в мореходной и авиационной астрономии.

[6] *Анемометр* – прибор для измерения скорости ветра.

забегая вперед, то снова возвращаясь и путаясь у нее под ногами. Какой позор, их застукали на чужом острове, так низко пасть!

Они добежали до прибрежных зарослей, София нырнула между невысокими елками и исчезла.

– Скорей! – в отчаянии крикнула она. – Скорей ползи сюда!

Бабушка поползла за ней, вслепую, не задумываясь, голова у нее кружилась и, кажется, уже начала болеть, бабушка всегда плохо переносила спешку. Она сказала:

– Боже, как это нелепо!

– Давай сюда, – прошептала София. – Когда стемнеет, мы проберемся к лодке и уплывем домой.

Бабушка молча протиснулась глубже под эту гадкую ель, которая вцепилась ей в волосы. Через минуту они услышали собачий лай.

– Это их ищейка, – выдохнула София бабушке в ухо. – Я тебе говорила, что они привезли с собой ищейку?

– Нет, не говорила, – сердито ответила бабушка. – И не сопи мне в ухо, и так несладко.

Лай приближался. Когда собака их увидела, он перешел в визг. Маленькую черную собачонку всю трясло от злобы и страха.

– Славная собачка, – льстиво увещевала бабушка. – Перестань лаять, ты, маленькая негодяйка!

Она нашла в кармане кусочек сахара и бросила его собаке. У собаки началась настоящая истерика.

– Эй, вы, там! – окликнул их директор. Он стоял на четвереньках и смотрел вниз, под елки. – Собака не кусается! Моя фамилия Маландер, а это мой сын, Кристоффер, или просто Тоффе.

Бабушка вылезла и сказала:

– Это моя внучка София.

Стараясь держаться с достоинством, бабушка по возможности незаметно вытряхивала хвойные иглы из волос. Собака хватала зубами ее палку. Директор Маландер объяснил, что собака просто хочет поиграть и что ее зовут Далила.

– Далила хочет, чтобы вы бросили палку, а она бы принесла, понимаете?

– В самом деле? – спросила бабушка.

Тонкошеий мальчик с длинными волосами стоял рядом с надменным видом. София холодно рассматривала его. Директор очень любезно предложил бабушке руку, и они медленно пошли назад к дому по заросшей вереском горе. По дороге директор рассказал бабушке, что ему давно хотелось построить такой дом в стиле окружающей природы, что человек только на лоне природы становится самим собой, что теперь они соседи, не так ли, ведь это их домик там, неподалеку? София настороженно взглянула на бабушку, но та с невозмутимым видом ответила, что да, они живут на этих островах вот уже сорок семь лет. Это произвело большое впечатление на Маландера, и он уже совсем другим тоном стал говорить о том, как привязан к морю и что море всегда остается морем, потом смутился и замолчал, сын что-то насвистывал, подфутболивая шишку. Так они дошли до террасы. На скамейке у террасы лежал замок с вывернутыми шурупами.

– Ха-ха! – увидев замок, сказал сын Маландера. – Типичные грабители…

Лицо Маландера омрачилось, он стал возиться с замком и сказал:

– Подумать только, здешние люди… а я всегда так обожал жителей шхер…

– Они немножко любопытны, – поспешно сказала бабушка. – Понимаете, людей разбирает любопытство, когда все заперто, здесь к этому не привыкли… Было бы намного лучше держать дверь открытой, с ключом на гвозде, например…

Она сбилась, а София покраснела как рак. Они вошли внутрь, чтобы выпить по рюмочке за добрососедские отношения.

– Милости прошу в отчий дом, – пригласил Тоффе Маландер. – *After you*[7].

По мере того как открывали ставни, большая комната заполнялась солнечным светом.

– Окно специально сделано таким большим, чтобы был виден пейзаж, – объяснил директор и попросил их располагаться, пока он сходит за напитками.

Бабушка села в тростниковое кресло, а София повисла на спинке, сверкая глазами из-под челки.

– Не смотри так сердито, – прошептала бабушка. – Нужно уметь вести себя в светском обществе.

Маландер вошел в комнату с бутылками и рюмками и поставил их на стол.

– Коньяк, виски. Но вы наверняка предпочитаете лимонный сок? – предложил он.

– Я больше люблю коньяк, – сказала бабушка. – Немного, и без воды, спасибо. София, что ты хочешь?

– Вон то! – прошептала София ей в ухо.

– София предпочитает лимонный сок, – пояснила бабушка, а про себя подумала: «Необходимо заняться ее воспитанием. Наша ошибка, что мы не приучили ее общаться не только с теми людьми, которые ей нравятся. Это надо исправить, если только еще не поздно».

Они выпили за знакомство, и Маландер спросил:

– Клюет здесь в это время года?

Бабушка объяснила, что в эту пору рыбу ловят только сетью, обычно треску и окуней, иногда попадается сиг, он водится неподалеку от берега. Директор сказал, что, вообще-то, он не увлекается рыбной ловлей, а что он действительно любит – так это первозданность и близость к природе, ему нужно всего лишь побыть самим собой в покое и уединении. Сын его смутился и стал запихивать руки в карманы узких брюк.

– Уединение? – сказала бабушка. – Конечно, это лучше всего.

– Оно так плодотворно, не правда ли? – спросил Маландер.

– Можно побыть самим собой и не уединяясь, – продолжала бабушка, – хотя это сложнее.

– Конечно, конечно, – с готовностью согласился Маландер, не очень-то вникая в смысл бабушкиных слов, и надолго замолчал.

– Дай мне сахар! – прошептала София. – Очень кисло!

– Моя внучка просит немного сахара для сока, – сказала бабушка. И добавила, обращаясь к Софии: – Не тряси волосами у меня над головой, сядь. И не дыши мне в ухо.

Тоффе Маландер заявил, что идет на мыс, он снял со стены ружье для подводной охоты и вышел.

– Я тоже люблю уединенные острова, – громко сообщила бабушка.

– Ему всего шестнадцать, – сказал Маландер.

Бабушка спросила, сколько человек в их семье. Пятеро, ответил директор, да еще друзья и прислуга. Он вдруг погрустнел и предложил выпить еще по рюмочке.

– Нет, спасибо, – сказала бабушка. – Нам пора домой. Коньяк очень хороший.

Уходя, она остановилась у окна, рассматривая коллекцию улиток. Он объяснил:

– Я собрал их для детей.

– Я тоже собираю улиток, – сказала бабушка.

Собака ждала снаружи, она опять попыталась укусить бабушкину палку.

– София, – позвала бабушка, – брось что-нибудь собаке.

Девочка бросила щепку, собака тотчас же ее принесла.

– Молодец, Далила! – сказала София.

---

[7] После вас *(англ.)*.

По крайней мере, она научилась запоминать имена, это тоже входит в искусство светской жизни.

Когда они спустились к лодкам, Маландер показал место, где он собирается построить причал, но бабушка сказала, что лед все равно снесет причал в море, и посоветовала сделать лучше решетчатый настил с лебедкой или прицепить яхту к буйку.

«Опять я суечусь, – подумала она. – Когда я устаю, я всегда становлюсь настырной. Конечно же, он попытается построить причал, как в свое время пробовали все мы». Весла в лодке перевернулись и запутались в носовом фалине, она тронулась с места неловкими рывками. Маландер провожал их по берегу до самого мыса и помахал на прощанье носовым платком.

Когда они немного отплыли, София сказала:

– Фу-ты ну-ты!

– Что ты хочешь сказать своим «фу-ты ну-ты»? – спросила бабушка. – Ему нужны покой и уединение, но он не знает, как их обрести.

– Ну и что?

– А свой причал он построит все равно.

– Откуда ты знаешь?

– Дорогая девочка, – чуть раздраженно ответила бабушка, – каждый человек должен совершить свои ошибки.

Она очень устала и хотела домой, встреча повергла ее в непонятную печаль. Маландер одержим своей идеей, но, чтобы постичь ее, требуется время. Люди порой узнают истину слишком поздно, когда уже нет ни сил, ни желания начинать все сначала, или забывают о своей мечте по пути и тогда вообще остаются в неведении. Поднимаясь к дому, бабушка оглянулась на виллу, пересекающую горизонт, и подумала, что она похожа на навигационный знак. Особенно если задуматься и прищурить глаза, то можно принять ее за навигационный знак, предупреждающий, что здесь нужно сменить курс.

Всякий раз во время шторма бабушка и София вспоминали Маландера и придумывали тысячи способов спасти его яхту. Директор так и не приехал с ответным визитом, а его дом остался для них загадочным, наводящим на размышления береговым знаком.

Шлафрок

У папы был любимый шлафрок. Длинный, чуть ли не до пят, сшитый из очень плотного и тугого сукна, со временем ставшего почти негнущимся от соленой воды, земли и всего остального, что впиталось в него за долгие годы. Шлафрок, скорее всего привезенный из Германии, некогда был зеленого цвета. Спереди еще сохранились остатки сложной шнуровки и пара пуговиц из темного янтаря. Если шлафрок распахнуть, он делался широким, как палатка.

Раньше, в молодые годы, папа любил в шторм сидеть на мысе в своем шлафроке и смотреть на волны. Прошло время, и он стал надевать его, когда работал, или когда было холодно, или когда просто хотелось уединиться.

Несколько раз шлафроку грозило уничтожение. Достаточно вспомнить хотя бы тот случай, когда на остров приехали милые родственнички и навели порядок в доме, чтобы приятно удивить хозяев. Во время уборки они выбросили много вещей, дорогих семье, но хуже всего было то, что они вынесли на берег шлафрок и пустили его на волю волн. Позже они утверждали, что от него шел неприятный запах. Еще бы, но этот запах придавал ему особую привлекательность. Запах – очень важная вещь, он напоминает о том, что пережито, он похож на тонкое, но надежное покрывало, сплетенное из воспоминаний. От шлафрока пахло берегом моря и дымом, но, может быть, родственникам не дано было это понять. Так или иначе, шлафрок вернулся в дом. Ветры кружили и метались над островом, волны бились о скалы и в один прекрасный день выбросили шлафрок на берег. Теперь от него исходил запах водорослей и моря, и в то лето папа больше не расставался с ним. Однажды весною в шлафроке завелись мыши. Они обгрызли мягкий, отороченный ворсистой тканью воротник, сделав из него для себя постельное белье и ажурные носовые платки. А однажды папа подпалил шлафрок, заснув у огня.

Спустя годы шлафрок переселился на чердак. Время от времени папа поднимался туда, чтобы поразмышлять. И все знали, что папа пошел подумать «на шлафрок». Он был расстелен под маленьким чердачным окошком, выходящим на южную сторону, большой, темный и таинственный.

В то холодное, дождливое лето Софию обуял дух противоречия, но на открытом воздухе было неуютно проводить часы обиженного одиночества. И София частенько находила приют на чердаке. Она сидела на картонной коробке рядом с шлафроком, произнося ужасные, убийственные слова. Шлафроку было трудно ей возразить.

В часы непродолжительных перемирий София и бабушка играли в карты, но обе так немилосердно жульничали, что игра всегда кончалась ссорой. Раньше такого никогда не бывало. Чтобы лучше понять внучку, бабушка пыталась вспомнить, какой была она сама в «переходном возрасте», но в ее памяти возникал только образ милой, послушной девочки. Мудрая бабушка пришла к выводу, что переходного возраста у нее еще не было и он может нагрянуть лет этак в восемьдесят пять, так что надо последить за собой. Все лето напролет лил дождь, папа работал с утра до ночи, не разгибая спины. София и бабушка даже не знали, замечает ли он их присутствие.

– Боже мой, – сказала как-то раз София, – так у тебя король, а ты молчишь!

– Не поминай имя Господа всуе, – сказала на это бабушка.

– Я не сказала «Господи», я сказала «боже мой».

– Это одно и то же.

– А вот и нет!

– А вот и да!

София бросила карты на пол и закричала:

– А мне плевать на Него! И на всех плевать!

Она побежала наверх по чердачной лестнице и захлопнула за собой крышку люка.

Потолок на чердаке был такой низкий, что невозможно было выпрямиться во весь рост. А если забудешь ненароком и выпрямишься, то тут же больно ударишься о балку на потолке. Кроме того, на чердаке было очень тесно, сохранился лишь узенький проход между наваленными вещами, которые хранились здесь или попросту были забыты и которые не смог бы отыскать ни один родственник. Этот проход вел от южного окошка к северному. Потолок между балками был выкрашен в голубой цвет. София не взяла с собой фонарика, и этот коридорчик на темном чердаке казался пустынной, беспредельно длинной улицей, с причудливыми домами, освещенными лунным светом. Улица эта упиралась в окно, открывавшее кусочек неба, а под ним, в темном углу, лежал шлафрок с застывшими складками, словно привидение, черное как уголь. София захлопнула крышку люка с такой силой, что теперь не могла ее поднять. Поэтому она поползла дальше и уселась на свою коробку. Шлафрок лежал, прикрыв одним рукавом распахнутый ворот. София сидела и смотрела на этот рукав и вдруг увидела, как тот едва заметно приподнялся! Легкое движение пробежало от ворота к полам шлафрока. Складки чуть изменились и снова застыли. Но София успела это заметить. Там, внутри шлафрока, кто-то жил. Или, может быть, сам шлафрок был живой? В ужасе София прибегла к простейшему способу бегства от беды и страха – она закрыла глаза и заснула. Она даже не слышала, как ее перенесли в кровать, но, проснувшись утром, помнила, что в шлафроке живет кто-то страшный. Она не сказала об этом никому, оставив внезапно открывшуюся тайну при себе, и много дней пребывала в почти веселом расположении духа. Дождь прекратился. Все это время София рисовала причудливые тени, маленькую луну на самом краю огромного темного неба и никому не показывала своих рисунков. Это неведомое и странное нечто сидело где-то в самой глубокой складке шлафрока. Время от времени оно вылезало наружу и снова пряталось. Угрожая, оно скалило зубы и было страшнее смерти.

В сумерки София поднималась к люку чердака и заглядывала внутрь. Даже вытянув шею, она могла увидеть только маленький кусок шлафрока.

– Что ты делаешь? – спросила бабушка.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! Бе-э… – самым противным голосом, каким только могла, ответила София.

– Закрой люк, дует, – говорила бабушка. – Иди займись чем-нибудь.

Бабушка отворачивалась к стене и снова принималась за книгу. Обе были несносны и ссорились друг с другом почем зря. Один за другим проходили пасмурные дни, менялся ветер, а папа все работал и работал, сидя за столом.

Шлафрок не давал Софии покоя. Маленькое юркое существо, которое в нем обитало, надолго затаилось. Оно умело утончаться и проскальзывать в дверную щель, а потом снова сворачиваться и заползать под кровать, словно тень. Оно не нуждалось в пище и сне и всех ненавидело, особенно их семью. София тоже потеряла аппетит и перебивалась одними бутербродами. Трудно сказать с уверенностью, только ли по этой причине хлеб и масло быстро кончились в доме, и папе пришлось отправиться в магазин за продуктами.

Он поставил в лодку лейку и канистры для керосина и бензина, снял со стены список покупок и уехал. Через два часа поднялся сильный зюйд-вест, волны захлестывали мыс. Бабушка попробовала поймать по радио сводку погоды, но слышно было плохо. Тогда она села к окну на северной стороне, постаралась занять себя чтением, но не понимала ни слова.

София спустилась на берег, потом вернулась и села за стол.

– А ты все только читаешь и читаешь, – сказала она бабушке. И, повысив голос, повторила: – Все только читаешь, читаешь да читаешь!

Она положила голову на стол и заплакала.

Бабушка приподнялась и сказала:

– Ну, будет плакать.

Она неважно себя чувствовала и нащупала за шторой лекарство на подоконнике. София продолжала рыдать, из-под руки следя одним глазом за бабушкой.

– Я тоже плохо себя чувствую! – крикнула она, встала и плюхнулась на постель. Скоро она перестала всхлипывать и, бледная, села на кровати.

– Приляг, – сказала бабушка, и София легла.

Они улеглись вдвоем и слушали резкие порывы ветра.

– В деревне, – сказала бабушка, – чтобы купить что-нибудь в магазине, нужно много времени. Там всегда очередь – и никто не торопится. Потом дожидаешься, пока мальчик принесет на причал бензин и керосин. Кроме того, надо просмотреть почту, ее привозят на веранду магазина. А если прислали деньги, то заходишь внутрь, там тебе ставят штемпель. А еще хочется выпить кофе. И нужно внести плату за аренду. На все это уходит время.

– А дальше? – спросила София.

– А дальше возвращаешься к своей лодке, – продолжала бабушка, – укладываешь покупки и укрываешь их, чтобы не промокли. По дороге может прийти в голову нарвать цветов или покормить лошадь хлебом. А хлеб лежит на самом дне сумки…

– Бабушка, это я съела весь хлеб с маслом, – выпалила София и снова заплакала. – Мне холодно!

Бабушка хотела укрыть ее одеялом, но София оттолкнула ее и стала кричать, что она всех ненавидит.

– Тише! – приказала бабушка. – Тише, или меня сейчас стошнит.

София замолчала. Потом сказала:

– Я хочу шлафрок.

– Но он на чердаке.

– Я хочу шлафрок.

Бабушка поднялась по чердачной лестнице, все обошлось благополучно. Тогда она добралась до окна и потащила шлафрок к люку. Потом сбросила его вниз в комнату и села передохнуть, спустив ноги. Давно она не была здесь, наверху. Бабушка сидела, читая надписи на коробках:

– Веревки. Рыба. Блики. Всякие мелочи. Тряпки и старые брюки.

Она сама когда-то надписывала эти коробки. А потолок облупился, – видно, мало добавили клея в краску.

– Что ты там делаешь? – закричала София. – Тебе плохо?

– Нет, – ответила бабушка из люка. – Мне лучше.

Очень осторожно она спустила сначала одну ногу и нащупала ступеньку. Потом медленно перевернулась на живот и спустила вторую ногу.

– Не торопись! – кричала снизу София. Она следила за тем, как бабушкины негнущиеся ноги спускались ступенька за ступенькой и наконец достигли пола. Бабушка подняла шлафрок и подошла к кровати.

– Его нужно сначала вытрясти, чтобы оно выскочило, – сказала София.

Бабушка не поняла, о чем говорит София, но на всякий случай встряхнула шлафрок. Оно выпрыгнуло из рукава и скользнуло под дверь. Шлафрок пах по-прежнему. Он был очень тяжелый, в мгновение ока из него получилась теплая темная пещера. София тут же заснула, а бабушка снова села к северному окну: ветер не стихал, и солнце собиралось на покой. Дальнозоркие глаза бабушки разглядели лодку еще в получасе пути от берега, по обе стороны от носа лодки раздувались белые усы из морской пены. Усы были неровные, а иногда исчезали совсем.

Когда лодка зашла на подветренную сторону, бабушка легла на постель и прикрыла глаза. Вскоре в комнате появился папа, промокший до нитки. Он поставил корзины с продуктами и закурил трубку. Потом взял лампу и вышел, чтобы заправить ее керосином.

Большая резиновая кишка

София знала, что на маленьких островках под дерном нет земли. Дерн лежит прямо на песке, щедро удобренный перегнившими водорослями и драгоценным птичьим пометом, – поэтому-то здесь, среди камней, все растет так хорошо. Каждый год на несколько недель расщелины покрываются буйной растительностью, и краски тут ярче и насыщенней, чем где-нибудь в другом месте. Несчастные жители больших зеленых островов в шхерах полностью порабощены своими садами, – согнувшись в три погибели, они носят тяжелые ведра с водой для поливки, а дети их не знают других радостей жизни, кроме как полоть сорняки. Маленький остров, наоборот, заботится о себе сам. Он не нуждается в поливке – ему хватает талой воды и дождя или, на худой конец, росы, а если и наступит засуха – островок год переждет и только пышнее зацветет следующим летом. Маленькие островки привыкли к такой жизни, невзгоды их не тревожат. И, по словам бабушки, никого из-за них не терзает совесть.

Весною первой появлялась на свет маленькая целебная травка, помогающая от цинги, всего-то два сантиметра ростом, а моряки, живущие на сухарях, не могут без нее обойтись. Вторыми, примерно через десять дней, пробивались анютины глазки, они росли с подветренной стороны у навигационной вышки и распускались в конце мая или начале июня. Бабушка с Софией приходили туда и подолгу любовались ими. София спросила, почему бабушка с таким вниманием рассматривает их, и та ответила:

– Потому что они самые первые.

– А целебная травка? Нет, они вторые, – сказала София.

– Зато они растут всегда на одном и том же месте, – сказала бабушка.

Девочка подумала, что и другие растения появляются примерно на тех же местах, что и в прошлые годы, но промолчала.

Каждый день бабушка гуляла по побережью, внимательно следя за тем, что еще выросло за ночь. Если ей на пути попадался оторванный кусок мха, она водворяла его на место. Бабушке было трудно нагибаться и приседать, и она научилась очень ловко орудовать своей палкой. Она напоминала большого зуйка[8], который медленно, на прямых ногах, расхаживает по берегу, останавливаясь время от времени, вертит головой в разные стороны, высматривая, не произошло ли каких-нибудь перемен, и важно шествует дальше.

Нельзя сказать, что бабушка была последовательна в своих поступках. Часто повторяя, что маленькие островки заботятся о себе сами и ни у кого из-за них не должна болеть душа, она все же очень беспокоилась, если наступала засуха. По вечерам бабушка отправлялась на болото, где под ольхой у нее был спрятан кувшин, черпала им со дна болотную воду и понемножку поливала из кофейной чашки те цветы, которые особенно любила, а потом убирала кувшин на прежнее место. Осенью она собирала в спичечный коробок семена диких растений, а в последний день перед отъездом украдкой ото всех сеяла их.

Жизнь изменилась, когда папа получил по почте большой каталог цветов. Ничего другого он теперь не читал. А потом он даже написал в Голландию, и ему прислали ящик, в котором было полным-полно кулечков, а в каждом кулечке лежала коричневая или белая луковица, обернутая в мягкую ткань. Получив эту посылку, папа написал снова и в ответ получил щедрый подарок из Амстердама: маленькую фарфоровую вазу в виде деревянного башмака и луковицы фирменных сортов, которые назывались что-то вроде *Houet van Moujk*. Поздней осенью папа съездил на остров и посадил свои луковицы. Всю зиму он читал о цветах, кустах и деревьях, пытаясь насколько возможно проникнуть в их душу; эти прихотливые и изнеженные растения требовали заботы и научного подхода. Мало посадить их в хорошую почву и поливать строго

[8] *Зуёк* – птица семейства ржанковых, живет близ водоема.

по часам. Осенью их нужно укрывать, чтобы они не вымерзли за зиму, а весной – открывать, чтобы не сгнили под пленкой, кроме того, защищать от полевых мышей, а также ветра, жары, ночного холода и моря.

Все это папа вычитал в книгах, и, возможно, именно поэтому эти цветы так его заинтересовали.

Весной, снова приехав на остров, они притащили с собой на прицепе две лодки, нагруженные мешками настоящего чернозема с большой земли. Мешки вытащили на берег, и они лежали, точно туши отдыхающих слонов. На веранду заносились ящики, сумки, корзины с растениями, завернутыми в черные пластиковые пакеты, кусты и целые деревья с корнями в мешках, сотни маленьких торфяных горшочков с проклюнувшимися нежными побегами, которые сначала нужно выращивать дома.

Весна была поздней, каждый день штормило и шел мокрый снег. Они завесили одеялами все окна и топили так, что печь гудела. Все комнаты были завалены мешками, остались только узкие проходы, растения стояли на полу, плотно сдвинутые, согревая друг друга. Пробираясь по такому узкому коридорчику, бабушка иногда теряла равновесие и садилась на какой-нибудь цветок, но, как правило, через некоторое время он поднимался снова. Вокруг печи были сложены для просушки поленья, а под потолком висела одежда. На веранде среди пакетов с цементом и прикрытых пленкой кустов стоял тополь. Шторм все не прекращался, а мокрый снег то и дело переходил в дождь.

Каждое утро папа вставал в шесть часов, разводил огонь, готовил чай с бутербродами для всей семьи и уходил. Он срезал дерн, расчищая место для растений, выкапывал в лесу и по всему берегу глубокие ямы и насыпал вместо скудной земли настоящий чернозем. Чтобы защитить сад от ветра, папа прикатил с берега большие камни и сложил из них стену, для вьющихся растений он поставил решетку, поднимающуюся выше дома и сосен, и вырыл в болоте канаву, чтобы сделать там цементную запруду.

Бабушка наблюдала за всем этим из окна.

– Болотная вода поднимется сантиметров на двадцать, – сказала она. – А можжевельник этого не любит.

– Здесь будут расти крапчатые лилии и красные кувшинки, – сказала София. – Кому интересно, что любит можжевельник?

Бабушка не ответила. Но про себя решила, что подберет срезанные куски дерна и аккуратно разложит их, потому что на них должны вырасти маргаритки.

По вечерам папа, попыхивая трубкой, колдовал над химическим составом почвы. На столе и кровати были разложены каталоги растений, пестреющие при свете лампы яркими иллюстрациями. София и бабушка выучили названия всех растений, которые у них были. К каждому цветку они написали таблички и экзаменовали друг друга.

– Фритиллария империалис, – называла София. – Форсития спектабилис! Звучит намного красивее, чем анютины глазки.

– Это еще вопрос, – сказала бабушка. – Анютины глазки по-латыни называются Виола триколор. К тому же хорошему человеку вывеска не нужна.

– Но у нас ведь есть табличка на двери в городе, – сказала София, продолжая работать.

И вот однажды ночью ветер стих и дождь прекратился.

Бабушка проснулась от тишины и подумала: «Теперь папа начнет высаживать растения».

На восходе дом залился солнечным светом, небо было чистое, над морем и островом парила легкая утренняя дымка. Папа оделся и вышел из дома, стараясь не шуметь. Он взял мешок с тополем и понес его к приготовленной яме чуть повыше прибрежного луга. Тополь был высотою в три с половиной метра. Папа засыпал корни землей и крепко обвязал ствол веревкой, натянув ее в разные стороны. Потом он отнес в лес розовые кусты и посадил их среди вереска. И закурил трубку.

Когда все было посажено, наступила долгая пора ожидания. Проходили спокойные, теплые дни. Коричневая кожица на голландских луковицах лопнула, и оттуда показались ростки. В запруде, за мелкой металлической сеткой, укрепленной камнями, цепляясь за мягкий ил, стали прокладывать себе дорогу белые корни. По всему острову корни новых растений осваивали пространство, ища себе опору, а стволы и стебли наполнялись животворящим соком.

Однажды утром дверь распахнулась и в комнату влетела София со словами:

– Тюльпан пророс!

Бабушка быстро, как только могла, вышла, на ходу надевая очки. Тонкая зеленая стрелка торчала из земли, было ясно, что это тюльпан. Они долго рассматривали его.

– Наверное, это Доктор Плесман, – сказала бабушка.

(Как потом оказалось, это была Миссис Джон Т. Шиперс.)

Весна щедро вознаграждала папин труд: все, кроме тополя, принялось. Почки набухали и лопались, из них появлялись блестящие, еще не расправившиеся листочки, которые быстро распускались и росли. Только тополь стоял голый, обвязанный веревками, точно такой же, как и в первый день. Прекрасная погода без единого дождичка продержалась весь июнь.

По всему острову расползлись резиновые шланги, наполовину утопленные во мху. Скрепленные между собой медными кольцами, они были подсоединены к небольшому насосу, который стоял в ящике возле бочки с дождевой водой. Бочка была накрыта пластиковой пленкой, которая не давала воде испаряться: все было тщательно продумано.

Два раза в неделю папа включал насос, теплая коричневая вода бежала по шлангам и поила землю через распылитель или простой струей, в зависимости от потребностей растения. Некоторые поливались только одну минуту, другие – три или пять, пока не прозвенит папин будильник. Тогда папа выключал насос, и струйка драгоценной воды истощалась. Само собой разумеется, папа не мог поливать весь остров, поэтому растительность в других местах желтела и чахла. Влага испарялась даже в расселинах, и земля по краям поднималась и коробилась, как засохший кусок колбасы. Несколько сосен погибли. И каждый новый день, несмотря на мольбы о дожде, начинался с безоблачного жаркого утра. Где-то вдали на побережье то и дело громыхал гром и шел ливень, но перебраться через залив они не могли. Уровень воды в бочке все время опускался. София молилась Богу, но ничего не помогало. И вот однажды вечером, когда папа поливал сад, насос издал жалкий булькающий звук, шланг обмяк, бочка была абсолютно пустой, скомканная пластиковая пленка прилипла ко дну.

Целый день папа, задумавшись, бродил вокруг, он делал какие-то расчеты и чертежи, а потом уехал в деревню звонить. Зной изнурял остров, переносить его с каждым днем становилось все труднее. Папа снова поехал в деревню и снова позвонил куда-то по телефону. Наконец он уехал на автобусе в город. Бабушка и София поняли, что положение становится угрожающим.

Из города папа привез с собой огромную резиновую кишку. Она была цвета зрелого апельсина и лежала, свернутая в тяжелые кольца, занимая половину лодки, изготовлена она была по специальному заказу. Они, не теряя времени, погрузили в лодку насос со шлангами и отчалили.

Море лениво поблескивало под палящим солнцем, вдали над побережьем по-прежнему неправдоподобно сверкали молнии. Чайки нехотя поднимались при виде лодки. Это была очень ответственная экспедиция. Когда они подплыли к Болотной шхере, лодка так раскалилась, что потекла смола, а кишка отвратительно запахла горелой резиной. Папа подтащил насос к болоту. Оно было большое и глубокое, поросшее осокой и заячьей лапкой. Папа насадил шланг, сбросил кишку в воду у берега и включил насос. Шланг наполнился водой и выпрямился, медленно-медленно резиновая кишка начала расти: пока все шло по плану. Но, боясь сглазить, они не произносили ни слова. Кишка надулась и превратилась в колоссальный бле-

стящий баллон, готовый лопнуть в любую минуту, – огромная дождевая туча апельсинового цвета, с тысячами литров воды в своем чреве.

– Боженька, сделай так, чтобы она не лопнула, – молила София.

Кишка не лопнула. Папа выключил насос и отнес его в лодку. Потом он погрузил шланги. Он привязал надутую резиновую кишку крепкими кормовыми канатами, подождал, пока бабушка с Софией усядутся на среднюю скамейку в лодке, и наконец включил мотор. Мотор взревел, канаты напряглись, но кишка не сдвинулась с места. Тогда папа спрыгнул на берег и попробовал столкнуть ее в воду, но ничего из этого не вышло.

– Господи, возлюбивший детей, – прошептала София, – сделай так, чтобы она сдвинулась с места.

Папа налег еще раз, и опять ничего не получилось. Тогда он разбежался и врезался в надутый баллон, оба заскользили по береговой траве и медленно сползли в воду. София издала ликующий вопль.

– Ну вот, обошлось без Божьей помощи, – сказала бабушка, она тоже была взволнована.

Папа залез в лодку, рывком завел мотор, лодка дернулась, и София с бабушкой попадали на палубу. Огромная резиновая кишка, натянув канаты, тяжело опустилась под воду, папа свесился с кормы, чтобы посмотреть на нее. Кишка медленно уходила на дно между ветвями фукуса и постепенно исчезла из виду, лодка накренилась, мотор хлебнул воду и зафыркал. Все переместились на нос. Лодка сильно осела. От поверхности воды до края бортов оставалось не больше десяти сантиметров.

– Больше ни о чем Его просить не буду, – сердито сказала София.

– Во всяком случае, Он в курсе дела, – сказала бабушка, лежа на спине. Она думала о том, что, если хочешь, чтобы Бог тебе помог, нужно сначала приложить собственные усилия.

Кишка, этот огромный пузырь с живительной влагой, уже достигла зеленой глубины, в которой на дне шевелились тени. Известно, что дождевая вода легче морской, но тут насос вместе с водой накачал в баллон ил и песок. В лодке было жарко, пахло бензином, мотор тарахтел как безумный. Бабушка заснула. Море по-прежнему блестело, а вдали над побережьем сверкали молнии. Кишка тяжело ударилась о дно и перевалилась на другой бок, мотор на мгновение захлебнулся, лодка дернулась и зачерпнула кормой воду, потом очень медленно поплыла дальше. Бабушка захрапела. Гулкий сухой раскат грома раздался над островами, мимолетный вихрь пронесся над водой и скрылся. Когда они обогнули длинный мыс, ударил второй раскат грома, в это время кишка наскочила на подводный камень, и бабушка проснулась. Она увидела, как короткая, сверкающая на солнце волна накатила на корму, и обнаружила, что промокла. Жара чуть спала, молнии зигзагами рассекали небо, вода в лодке нагрелась, но была приятной. Сверкающее золотистое небо начало темнеть, и в воздухе запахло дождем. Они как раз подплыли к своему острову, когда гроза накрыла море большой густой тенью. Все трое молча сидели в нерешительности или, лучше сказать, в напряженном ожидании. Здесь было мелко, и каждый раз, когда кишка ударялась о дно, в лодку заливалась вода. В конце концов вода стала обрушиваться на лодку со всех сторон, и тут ударил новый раскат грома.

Папа отцепил шипящий мотор, спрыгнул в воду и пошел вброд, за ним – София со шлангом. Бабушка с большой осторожностью перебралась через поручни и тоже двинулась к берегу, время от времени она проплывала несколько метров, просто чтобы вспомнить, как это делается. Выбравшись на сушу, она села и вылила воду из туфель. В заливе пенились маленькие сердитые волны, а на них качалась и поблескивала оранжевыми боками, цвета райского апельсина, вытащенная на мель резиновая кишка. Папа мало-помалу вытягивал ее, и вот она уже показала свое раздувшееся пузо с повернутым к небу медным пупком, к которому был привинчен шланг. Насос заработал, и шланг выплюнул в воздух огромный ком ила и песка. А за ним забила струя воды, да так сильно, что мох прильнул к земле.

– Вода! Вода! – безумным голосом завопила промокшая до нитки София.

Прижав к себе пульсирующий шланг, она чувствовала, как по нему толчками продвигалась вода и, вырвавшись на волю, поила Клематис, Нелли Мозер и Фрезию, Фритилларию, Отелло и Мадам Друцки, Рододендрон и Форситию Спектабилис. София смотрела, как сильная струя, разделившись надвое, одновременно и поила растения, растекаясь по острову, и наполняла пустую бочку.

– Вода! – кричала София.

Она подбежала к тополю и увидела долгожданные зеленые побеги. И тут обрушился ливень; обильный, теплый поток падал с неба. Остров был дважды благословен.

Бабушка, вынужденная всю жизнь экономить, питала слабость к расточительству. Она смотрела, как вода наполняет бочки, болото и каждую расселину на горе и переливается через край. Она смотрела, как дождь льет на матрасы, вынесенные из дома на просушку, и сам моет посуду, оставленную под открытым небом. Бабушка вздохнула от счастья, в задумчивости наполнила питьевой водой кофейную чашку и полила маргаритки.

Корабль жуликов

В теплую и безветренную августовскую ночь над морем раздался густой и зычный глас, будто трубили трубы в Судный день. Лучи прожекторов, плавно изгибаясь, тянулись двойными дорожками к острову, доносился рокот мощного мотора, какие бывают только на очень дорогих и быстроходных яхтах, горели лампочки всех цветов, от густо-синего и кроваво-красного до белого. Море затаило дыхание. София с бабушкой стояли на горе в ночных сорочках и смотрели на незнакомый корабль. Он подплывал все ближе и ближе, приглушив мотор, блики фонарей танцевали на волнах, словно языки костра. Вскоре корабль зашел под гору и скрылся из виду. Надев брюки, папа побежал вниз, чтобы встретить корабль. Долгое время ничего не было слышно, потом из бухты зазвучала тихая музыка.

– У них пирушка, – прошептала София. – Пойдем оденемся и посмотрим!

Но бабушка сказала:

– Не торопись. Подождем, пока папа не вернется за нами.

Они легли, ожидая возвращения папы, и быстро заснули. А на следующее утро корабля уже не было, он уплыл дальше.

Увидев это, София бросилась на землю и заревела.

– Почему он не пришел за нами! – плакала она. – Оставил нас спать, а сам пировал. Я никогда ему этого не прощу!

– Он повел себя некрасиво, – строго подтвердила бабушка. – И я обязательно скажу ему об этом, когда он проснется.

София опять представила себе чарующую картину таинственного корабля и с новой силой зарыдала от огорчения.

– Перестань реветь и высморкайся, – сказала ей бабушка. – Конечно, это досадно, но слезами все равно не поможешь. Ты ужасно выглядишь, когда плачешь.

Она помолчала немного и добавила:

– Мне кажется, этот корабль принадлежит плохим людям. Они получили его в наследство и даже обращаться с ним толком не умеют. Мне кажется, – продолжала бабушка мстительно, – они и обставили его жутко безвкусно.

– Ты думаешь? – жалобным голосом спросила София и села.

– Жутко безвкусно, – подтвердила бабушка. – У них блестящие шелковые гардины, коричневые с желтым и бежевые с лиловым, потом торшеры и фарфоровые фигурки на телевизоре, и картинки, выжженные на дереве, юмористические…

– Так-так, – нетерпеливо поддакивала София, – а дальше?

– А может быть, они даже не унаследовали этот корабль, а украли.

– У кого?

– У одного бедняги-контрабандиста. И в придачу все спиртное, которое он провез через границу. А сами пьют только сок. Они обокрали его ради наживы.

Увлеченная собственным рассказом, бабушка продолжала:

– Они даже не взяли с собой морскую карту и весла!

– А зачем они приплыли к нам?

– Чтобы спрятать украденное в ущелье, а потом приехать за ним.

– А ты сама веришь в это?

– Не совсем, – осторожно ответила бабушка.

София встала и высморкалась.

– Теперь я тебе расскажу, как все было, – сказала она. – Садись и слушай. Когда папа пришел туда, они хотели, чтобы он скупил у них все за девяносто шесть процентов стоимости. Ужасно дорого. А ты отвечай за папу. Что он на это сказал?

– Он сказал очень гордо: «Покупать за девяносто шесть процентов ниже моего достоинства. Я достану это сам, если захочу, хоть со дна моря, рискуя жизнью. Ха, господа! К тому же моя семья этого не пьет». Теперь твоя очередь.

– «Вот как? Так у тебя есть семья? Где же она?»

– «Ее здесь нет».

София закричала:

– Но мы же все время были здесь! Почему он сказал, что нас здесь нет?

– Чтобы нас спасти.

– Но почему? Почему как только случается что-нибудь интересное, так меня сразу спасают? Ты обманываешь меня. Зачем спасать, когда играет танцевальная музыка!

– Это радио, – сказала бабушка. – Просто у них играло радио. Они включили его, чтобы послушать сообщение о погоде и новости. Чтобы узнать, не гонится ли за ними полиция.

– Ты обманываешь меня! – закричала София. – В час ночи не передают новости. Они пировали и веселились, и всё без нас!

– Как хочешь, – раздраженно сказала бабушка. – Они пировали и веселились. А мы не веселимся с кем ни попадя.

– Нет, я веселюсь, – горячо возразила София. – Я веселюсь с кем ни попадя, когда можно потанцевать! И папа тоже!

– Ну и пожалуйста, – ответила бабушка и побрела вдоль берега. – Танцуйте с жуликами, если хотите. Лишь бы ноги держали, а все остальное не важно.

Мусор с корабля выбрасывали прямо за борт, это был роскошный мусор, по нему можно было определить, чем там угощались. Обертки и очистки валялись на берегу, вынесенные прибоем.

– Они ели апельсины и карамель. И раков! – сказала София с нажимом.

– Всем известно, что жулики обожают раков, – заметила бабушка. – А ты не знала?

Она устала от этого разговора, который, честно говоря, был не вполне безупречен с воспитательной точки зрения.

– Да и почему бы жуликам не есть раков?

– Ты не понимаешь, о чем идет речь, – стала объяснять София. – Подумай сама. Я говорю, что папа ел раков с жуликами и совсем позабыл о нас. В этом-то все и дело.

– Хорошо-хорошо, – согласилась бабушка. – Придумывай сама, раз тебе не нравится моя история. Пустая бутылка из-под виски болталась у берега. Очень может быть, что он вовсе не забыл о нас, а просто ему захотелось пойти одному. Вполне понятное желание.

– Я догадалась! – воскликнула София. – Они подсыпали папе снотворного! Как раз когда он собирался пойти за нами, ему подмешали огромное количество снотворного в стакан, поэтому-то он и спит так долго!

– Нембутала, например, – предположила бабушка, ее клонило в сон.

София испуганно вытаращила глаза.

– Не говори так! – закричала она. – Вдруг он теперь вообще не проснется!

София отвернулась, упала на землю, громко плача от страха, заколотила руками и ногами. И в эту самую минуту, на этом самом месте она кое-что заметила – у болотной кочки, прижатая камнем, лежала большая коробка шоколадных конфет. Яркая розово-зеленая коробка была красиво перевязана серебряной лентой. Цвета окружающего пейзажа поблекли рядом с этими красками, и не было никаких сомнений, что чудесная коробка предназначалась кому-то в подарок. В банте виднелась записка. Бабушка надела очки и прочла: «Сердечный привет тем, кто слишком стар или слишком молод, чтобы присоединиться к нам».

– Какая бестактность! – пробормотала бабушка сквозь зубы.

– Что там такое? Что там написано? – теребила ее София.

– Тут написано вот что, – сказала бабушка. – «Мы вели себя очень плохо, простите нас, если можете».

– Мы можем их простить? – спросила София.

– Нет, – ответила бабушка.

– Можем. Мы должны их простить. Ведь согрешивших надо прощать. Вот здорово, значит, это все-таки были жулики! Как ты думаешь, конфеты отравлены?

– Нет, я так не думаю. Да и снотворное наверняка было слабым.

– Бедный папа! – вздохнула София. – Ему едва удалось спастись.

Так оно и было. До самого вечера папа не мог ничего есть и не работал, потому что у него раскалывалась от боли голова.

Визит

Папа вытряхнул кофейную гущу из кофейника и вынес цветочные горшки на веранду.

– Зачем он это делает? – спросила бабушка.

София сказала, что цветы лучше чувствуют себя на веранде, когда папа уезжает.

– Уезжает? – переспросила бабушка.

– На целую неделю, – подтвердила София. – А мы поедем жить к кому-то в шхеры, пока он не вернется.

– Я не знала, – сказала бабушка. – Мне никто об этом не сказал.

Она ушла в свою комнату и открыла книгу. Конечно, комнатные растения нужно перенести туда, где им будет лучше, неделю они переживут на веранде. А когда уезжаешь надолго, приходится искать, кому их пристроить, это хлопотное дело. Даже к цветам нужно относиться ответственно, как и ко всему, о чем взялся заботиться и что не может само позаботиться о себе.

– Иди есть! – позвала ее София из-за двери.

– Я не голодна.

– Ты заболела?

– Нет.

Ветер дул и дул. Вечно на этом острове ветер, то с одной стороны, то с другой. Убежище для того, кто работает; заповедник для того, кто подрастает; все дни сливаются в один бесконечно долгий день, а время уходит.

– Ты сердишься? – спросила София, но бабушка не ответила.

Проплывая мимо, Эвергорды завезли папе почту. Выяснилось, что поездка в город отменяется.

– Вот и хорошо, – сказала София.

Бабушка промолчала. Она вообще стала молчаливой, не мастерила больше кораблики из древесной коры, а когда мыла посуду или чистила рыбу, выглядела печальной. В ясные теплые утра бабушка уже не сидела подолгу на поленнице, подставив лицо солнечным лучам и расчесывая волосы. Она только все время читала, да и то без особого интереса.

– Ты умеешь делать бумажного змея? – спросила София.

Бабушка ответила, что нет, не умеет. Шло время, и с каждым днем София чувствовала, что они с бабушкой отчуждаются все больше и больше, их отношения становятся почти враждебными.

– Скажи, это правда, что ты родилась в девятнадцатом веке? – спросила как-то раз София, заглянув к бабушке в окно, ее снедало любопытство.

– Да, в одна тысяча восемьсот восемьдесят втором году, если только тебе это о чем-нибудь говорит, – чеканя каждое слово, ответила бабушка.

– Ни о чем, – весело ответила София и спрыгнула с окна.

Каждую ночь над островом проливался благотворный теплый дождь. Множество деревянных обломков проносило мимо и выбрасывало на берег. В эти дни не было ни гостей, ни почты, только вот зацвела орхидея. Вроде бы все шло хорошо, как обычно, а все-таки непонятная глубокая тоска точила сердце. Стояла прекрасная августовская погода, чуть штормило, но бабушке казалось, что дни проносятся друг за другом суетно и пусто, как сор, подгоняемый ветром. Папа, не вставая, работал за письменным столом.

Однажды вечером София просунула под дверь бабушкиной комнаты письмо. В нем значилось:

Я тебя ненавижу.
С самыми теплыми пожеланиями,

София

Письмо было написано без единой ошибки.

София сама склеила воздушного змея. Описание она взяла из газеты, которую нашла на чердаке. И хотя она в точности выполнила все указания, змей получился плохой. Цветные планки не хотели скрепляться как следует, тонкая бумага рвалась, и все было перепачкано клеем. Змей не желал летать и снова и снова падал на землю, будто хотел разбиться, пока в конце концов не угодил в болото. Тогда София положила его перед дверью бабушкиной комнаты и ушла.

«Маленькая, а хитрая, – подумала бабушка. – Змей… Узнаю ее штучки. Она уверена, что рано или поздно я сдамся и сделаю ей змея, который будет летать, но только дудки… Оба они одинаковые».

В один ясный день вдали показалась белая лодка с подвесным мотором.

– Это Вернер, – сказала бабушка. – Опять он здесь со своим хересом.

С минуту она раздумывала, пойти ли ему навстречу, – она плохо себя чувствовала, но потом пересилила себя и стала спускаться с горы.

На Вернере был спортивный костюм, а на голове, как всегда, полотняная шляпа. Маленькая лодка, на таких обычно плавают в шхерах, выглядела очень нарядной. Она была отделана свиной кожей. Отказавшись от помощи, Вернер вылез на берег с раскрытыми для объятий руками и воскликнул:

– А, дорогой друг, ты жива еще!

– Как видишь, – сухо ответила бабушка и дала себя обнять.

Она поблагодарила за бутылку хереса, а Вернер сказал:

– Видишь, я все помню. Вино той же марки, какой было тогда, в десятых годах.

«Как это глупо, – подумала бабушка. – Почему я так и не решилась сказать ему, что терпеть не могу херес. А теперь уже слишком поздно».

Становилось грустно при мысли, что она уже достигла того возраста, когда можно позволить себе говорить правду, хотя бы по мелочам.

Они наловили в болоте несколько окуней и сели ужинать раньше обычного. Вернер поднял рюмку и торжественно произнес, обратившись к бабушке:

– Как прекрасен этот пейзаж на склоне жизни и лета! Вокруг такая тишь, все идет своим чередом, а мы сидим посреди моря, любуясь тихим закатом.

Они чуть пригубили херес.

Бабушка сказала:

– Да, очень тихо. Хотя к вечеру обещали ветер. Сколько у тебя в моторе лошадиных сил?

– Три, – предположила София.

– Четыре с половиной, – коротко ответил Вернер.

Он взял кусочек сыра и стал смотреть в окно. Бабушка поняла, что он обиделся. И дальше уже старалась вести себя как можно любезней. После кофе она предложила ему прогуляться вдвоем. Они пошли к картофельному полю, и бабушка не забывала опереться на руку Вернера всякий раз, когда им на пути попадалась выбоина или кочка. Было очень тепло и тихо.

– Как твои ноги? – спросил Вернер.

– Болят, – честно призналась бабушка. – Но иногда я хожу легко.

Потом она спросила, чем он сейчас занимается.

– О, всем понемногу.

Он все еще обижался.

Вдруг Вернер выпалил:

– А Бакмассон нас покинул!

– Где же он?

– Его уже нет среди нас, – раздраженным тоном пояснил Вернер.

– Вот как? Значит, он умер, – сказала бабушка.

Она задумалась о том, что слово «умер» предпочитают не произносить вслух, трусливо заменяя его другими выражениями. Она никогда этого не понимала.

Очень обидно, что на эту тему нельзя нормально поговорить. Один слишком молод, другой слишком стар, а третьему некогда.

Вернер уже рассказывал о ком-то еще, кто тоже «покинул нас», о продавце, который невежливо с ним обошелся, о том, что всюду понастроили уродливых домов и люди высаживаются на берег, не спросив разрешения, но что поделаешь, прогресс берет свое.

– Все это полная ерунда, – сказала бабушка, она остановилась и повернулась к Вернеру. – Стоит ли так шуметь из-за того, что какие-то люди глупо себя ведут? Прогресс, как ты понимаешь, тут ни при чем. Он означает перемены. Большие перемены.

– Дорогой друг, – прервал ее Вернер. – Извини, что перебиваю тебя, но я знаю, что ты хочешь сказать. Сейчас ты спросишь меня, читаю ли я газеты.

– Вовсе нет! – резко ответила бабушка. – Я хочу только спросить, почему ты такой нелюбопытный. Всё вокруг тебя возмущает или даже приводит в ужас.

– Да, действительно, – откровенно признался Вернер. – Я возмущаюсь, а как же иначе? – Он заметно расстроился. – Тебе трудно угодить. Что ты на меня так нападаешь? Я просто рассказываю о своей жизни.

Они прошли картофельное поле и спустились на прибрежный луг.

– Смотри, какой тополь, – сказала бабушка, чтобы переменить тему. – Он пустил побеги, видишь. Один наш друг привез настоящий лебединый помет из Лапландии, поэтому тополь так хорошо прижился.

– Да, побеги, – повторил Вернер. Он помолчал минуту и сказал: – Должно быть, для тебя большое утешение жить с внучкой.

– Перестань, – перебила его бабушка, – перестань всюду искать второй смысл, это устарело. Я говорю только о побегах, при чем тут внучка? Почему ты никогда не скажешь прямо, не назовешь вещи своими именами, ты что, боишься?

– Ах, мой дорогой старый друг, – только и сказал в ответ Вернер с грустью в голосе.

– Извини, – сказала бабушка, – считай, что это комплимент, я хочу показать, что воспринимаю твои слова серьезно.

– А это, конечно, требует усилий? – мягко заметил Вернер. – Будь все же немного поосторожней со своими комплиментами.

– Ты прав, – согласилась бабушка.

Они брели по мысу, храня мирное молчание. Наконец он сказал:

– Раньше ты никогда не говорила о лошадиных силах или удобрениях.

– Раньше я не знала, что такие вещи тоже могут быть интересными, а оказывается, могут.

– А вот о своем, личном, обычно не говорят, – заметил Вернер.

– То есть о самом важном, – сказала бабушка и остановилась, чтобы немного подумать. – Во всяком случае, теперь об этом говорят меньше, чем раньше. Может быть, потому что главное уже сказано. А может быть, в таких разговорах просто не видят смысла или не чувствуют себя вправе их заводить.

Вернер промолчал.

– У тебя есть спички? – спросила она.

Он зажег ей сигарету, и они повернули к дому.

Ветер так и не поднялся.

– Эта лодка не моя, – сказал он.

– Понимаю. Со свиной-то кожей. Ты одолжил ее?

– Просто взял, – ответил Вернер. – Взял лодку и удрал потихоньку. Очень неприятно, когда тебе шагу не дают ступить.

– Но тебе ведь всего семьдесят пять! Неужели ты не можешь делать то, что тебе хочется? – удивленно воскликнула она.

Вернер сказал:

– Это не так-то легко, нужно считаться с другими. Все-таки они за меня отвечают. А я, в конце концов, только путаюсь под ногами.

Бабушка остановилась. Подцепив палкой кусок мха, она воткнула его на место и пошла дальше.

– Иногда мне бывает очень горько, – продолжил Вернер. – Вот ты сказала, что человек не должен говорить о самом важном, а я сейчас именно это и делаю. Я сегодня все время говорю что-то не то.

Вечернее солнце окрасило море в желтый цвет, было по-прежнему тихо.

– Можно я покурю? – спросил он.

Она ответила:

– Сделай одолжение, дорогой друг.

Вернер зажег маленькую сигару. Потом сказал:

– Сейчас так много говорят о хобби. Знаешь, что это такое – хобби?

– Знаю, у человека должно быть какое-то увлечение.

– Ну да, собирают всякие штуки, – продолжал Вернер. – По-моему, это глупо. Я бы хотел не собирать, а делать что-нибудь своими руками, понимаешь, но я не слишком-то ловок.

– Ты можешь что-нибудь выращивать.

– И ты туда же! – воскликнул Вернер. – Ты говоришь совсем как они: посади что-нибудь и наблюдай, как растет. Я бы, может, так и сделал, если бы они мне об этом не твердили.

– Тут ты совершенно прав, – сказала бабушка. – Нужно выбрать самому.

Они принесли его корзину и куртку и стали прощаться. Бабушка предложила рюмочку хереса на дорогу, но Вернер сознался, что этот напиток он никогда не любил и покупает его только потому, что он связан с их общими воспоминаниями, которые ему очень дороги.

– Мне тоже, – искренне сказала бабушка. – Бери курс на Хестхеллер, там всю дорогу глубоко. И попытайся найти способ их обмануть.

Вернер ответил:

– Попытаюсь. Обещаю тебе.

Он завел мотор и взял прямой курс.

– Кого он должен обмануть? – спросила София.

– Родственников, – ответила бабушка. – Надоедливых родственников. Они все время диктуют, что ему следует делать, не спросив, хочется ему этого или нет, и поэтому он потерял всякую охоту к чему бы то ни было.

– Это ужасно! – воскликнула София. – У нас так никогда не будет!

– Нет. Никогда! – ответила бабушка.

Черви и другие

В одно лето София совершенно неожиданно стала бояться всякой мелкой живности, причем чем меньше была какая-нибудь козявка, тем больше она ее боялась. Раньше с Софией такого никогда не случалось. С того самого момента, когда она поймала своего первого паука и посадила его в спичечный коробок, чтобы приручить, все летние месяцы напролет она возилась с гусеницами, головастиками, червяками, летучими мышами и прочими не поддающимися дрессировке тварями, обхаживая их, как только можно, и в конце концов выпуская на свободу. Теперь все было не так. София осторожно и боязливо ступала по земле, высматривая всяких ползучих козявок. Она боялась всего: кустов, прибрежной травы, дождевой воды – эти бесчисленные существа кишели всюду, они попадались даже между страницами книги, сплющенные и бездыханные. Живые или уже мертвые, растерзанные или раздавленные, они преследуют человека всю жизнь. Бабушка попробовала было поговорить с Софией, но не добилась от нее ничего вразумительного. А когда не понимаешь, в чем дело, очень трудно помочь.

Однажды утром на остров привезли луковицы новых цветов, их должны были посадить под окном бабушкиной комнаты. София воткнула лопату в землю, чтобы вырыть ямку, и острым краем рассекла червяка как раз посередине: обе половины извивались на черной земле. София бросила лопату, попятилась к стене дома и громко заплакала.

– Они вырастут снова, – сказала бабушка. – Правда. Они вырастут снова. В этом нет ничего страшного, поверь мне.

Сажая луковицы, бабушка продолжала рассказывать о червях, София успокоилась, но все еще была очень бледна. Она молча села на крыльцо, подтянув колени к подбородку.

– Мне кажется, – сказала бабушка, – мне кажется, что никто еще по-настоящему не интересовался червями. Потому что если бы они действительно были кому-нибудь интересны, то о них написали бы книгу.

Вечером София спросила у бабушки, как пишется слово «червяк» – через «и» или через «е».

– Через «е», – ответила бабушка.

– Ничего не получится с этой книгой, – сердито сказала София. – Невозможно сосредоточиться, когда то и дело спотыкаешься о правописание, из-за этого я успеваю забыть, о чем пишу, чепуха какая-то!

Книга была толстая, сделанная из множества сложенных и сшитых листов бумаги. София бросила ее на пол.

– Как она будет называться? – спросила бабушка.

– Трактат о червяках, разрезанных надвое! Только ее не будет.

– Сядь где-нибудь и диктуй, – сказала бабушка. – Ты будешь диктовать, а я записывать. Времени у нас достаточно. Куда опять запропастились мои очки?

Был как раз очень подходящий вечер для того, чтобы начать трактат. Бабушка открыла книгу, в окно заглянул луч заходящего солнца и осветил первую страницу – на ней уже была нарисована виньетка в виде червяка, разрезанного надвое. В комнате было тихо и прохладно, за стеной стучала папина машинка.

– Хорошо, когда папа работает, – заметила София. – Тогда я знаю, что он у меня есть. Прочти, что я написала.

– «Глава первая, – прочла бабушка. – Некоторые удят рыбу на червяка».

– Пиши дальше: «Даже не хочу говорить, как называются такие люди. Папа никогда этого не делает. Если представить себе червяка, который чем-то напуган, то мы увидим, что он сжимается до…» До чего он сжимается?

– Например, до одной шестой части своей длины.

– «…Например, до одной шестой части своей длины и становится маленьким и толстым, тогда его легко проткнуть тонким прутом, и он об этом не подумал. Но если представить себе умного червяка, то он, наоборот, вытянется во всю длину и станет таким тоненьким, что никаким прутом его не проткнешь, но тогда он рвется. Науке еще неизвестно, просто так он рвется или потому, что хитрый, ведь никогда не знаешь…»

– Минутку, – сказала бабушка. – Могу я написать так: «Неизвестно, нечаянно он это делает или специально»?

– Пиши как хочешь, – нетерпеливо сказала София. – Только чтобы было понятно. И не перебивай меня. Давай дальше. «Ему хорошо известно, что если он разорвется, то обе его части будут расти, каждая по отдельности. Но насколько это больно, мы не знаем. Кроме того, мы не знаем, страшно ли червяку, когда его должны разрубить. Во всяком случае, он чувствует, как что-то острое приближается к нему все ближе и ближе. Это называется инстинкт. Кроме того, я считаю, нельзя говорить, что червяку не больно, потому что он такой маленький и внутри у него ничего нет, кроме кишки. Я уверена, что ему все-таки больно, но, может быть, только в первую секунду. Наверное, умному червяку, который сначала вытянулся во всю длину, а потом разорвался посередине, больно не больше, чем нам, когда вырывают молочный зуб. Успокоившись, червяк, конечно, сразу замечает, что стал короче и что вторая половина лежит тут же рядом. Проще говоря, обе половины, извиваясь, ползут каждая в свою сторону. Они не могут снова срастись, потому что так взволнованы, что ничего не соображают. К тому же они знают, что постепенно сами вырастут и станут настоящими червями. Быть может, они смотрят друг на друга и думают: „Фу, какой некрасивый!“ – и поскорее уползают в разные стороны. Всякие мысли не дают им покоя. Они понимают, что у них теперь началась новая жизнь, но как, каким образом она сложится – неизвестно».

София легла на кровать и задумалась. В комнате стало сумрачно, бабушка встала, чтобы зажечь лампу.

– Не надо, – сказала София. – Не включай свет. Возьми фонарик. Послушай, это и называется жизненными испытаниями?

– Вполне возможно, – ответила бабушка.

Она положила зажженный фонарик на ночной столик и приготовилась писать дальше.

– «Скорее всего, жизненные испытания теперь тоже разделились пополам; и вообще, жить стало легче, потому что не чувствуешь себя ни в чем виноватым. Можно сваливать все друг на друга или говорить, что после такого происшествия ты – это уже не ты. Только одна вещь портит дело – между задней частью и передней есть все-таки большая разница. Червяк, он никогда не ползает задом наперед, поэтому-то у него и нет головы сзади. Но раз Бог создал червяка таким образом, что он может делиться надвое и снова вырастать, значит в его задней части есть что-то, чем тоже можно думать. Иначе задней части одной не справиться. Но в ней очень мало ума. И она старается вспомнить, как поступала другая половина, которая всегда была впереди и принимала все решения. А теперь, – продолжала София, сев на кровати, – заднюю часть мучают вопросы: сколько нужно расти? И что отращивать – хвост или голову? И как лучше: ползти позади и увиливать от решения важных вопросов или все решать самому, пока снова не разорвешься? Это было бы здорово. Но может случиться, что червяк привык быть хвостом и уже не хочет ничего менять». Ты все записала?

– Все в точности, – сказала бабушка.

– Закончим главу так: «Иногда передняя часть довольна, что ей не надо никого тащить за собой, хотя тут не скажешь наверняка. Ничего нельзя сказать наверняка о существах, которые в любую минуту могут разорваться на две части. Но как бы ты к этому ни относился, перестань удить рыбу на червяка».

– Вот так, – сказала бабушка. – Трактат окончен, и бумага тоже кончилась.

– Нет, это еще не все, – сказала София. – Дальше идет вторая глава, но к ней мы приступим завтра. Как, по-твоему, звучит первая глава?

– Очень убедительно.

– Я тоже так думаю, – сказала София. – Может быть, люди научатся чему-нибудь из моей книги.

В следующий вечер они начали новую главу под названием «Прочая несчастная мелюзга».

– «С этой мелюзгой хлопот не оберешься. Лучше бы Бог вообще не создавал ее или сделал так, чтобы она могла разговаривать или хотя бы как-нибудь по-другому выражать свои чувства. Возьмем, к примеру, ночных бабочек. Они летят и летят на лампу и сгорают, а потом другие снова летят. И это не инстинкт, потому что инстинкт такой не бывает. Просто они не понимают, что делают. А потом лежат на спине и дергают всеми своими лапками, а потом умирают». Ты успела записать? Ну, как звучит?

– Очень хорошо, – сказала бабушка.

София встала и продолжала диктовать, сорвавшись на крик:

– Напиши вот что, напиши, что я ненавижу всех, кто медленно умирает! Напиши, что я ненавижу всех, кому никак нельзя помочь! Ты записала это?

– Записала.

– «Теперь о долгоножках. Я много думала о них. Когда помогаешь им выбраться из паутины, обязательно выдерешь нечаянно пару ножек». Нет, напиши «три ножки». «Почему они не прячут их? Бывает, что маленькие дети кусают зубного врача за руку, но выдирает-то он, а не они». Подожди немного.

София задумалась, закрыв лицо руками.

– Пиши: «Рыбы, – сказала она. – Маленькие рыбки умирают медленнее, чем большие, а люди все равно обращаются с ними хуже. Их выбрасывают на берег, они лежат и ловят ртом воздух, это все равно что держать человека под водой. А еще кошки, – продолжала София. – Кто сказал, что они всегда начинают есть рыбу с головы? Почему не убить рыбу как следует? А если кошке надоест или плотва ей покажется невкусной, а она начала есть с хвоста, что тогда? Тогда я ужасно плачу! Еще я плачу, когда живую рыбу солят или бросают в горячую воду, а она выпрыгивает оттуда! Я не ем такую рыбу, и вы так не делайте!»

– Ты слишком быстро диктуешь, – сказала бабушка. – Писать «и вы так не делайте»?

– Нет, – сказала София. – Это же трактат. Закончи на «выпрыгивает оттуда».

Она помолчала с минуту.

– Глава третья. «Я ем раков, но не смотрю, как они варятся, потому что в это время они противные, и нужно быть очень осторожным».

– Это точно, – сказала бабушка и фыркнула.

– Не смейся! – возмутилась София. – Это же серьезные вещи! Молчи. Пиши: «Я ненавижу полевых мышей». Нет, не так. «Я ненавижу полевых мышей, но не люблю, когда они умирают. Конечно, они роют проходы в земле и грызут луковицы папиных цветов. И детей своих учат рыть проходы и грызть луковицы. А по ночам они спят, прижавшись друг к другу, и никому не придет в голову, что это тоже несчастные малютки». Хорошо сказано?

– Очень, – подтвердила бабушка, едва успевая записывать.

– «А потом они съедают отравленную кукурузу или попадаются задними лапками в ловушку. Может быть, это справедливо, что они отравляются кукурузой и попадают в ловушки. Но как быть?» Пиши: «Как быть в том случае, если наказанная мышка ничего плохого не сделала? А назад не вернешь. Это очень сложный вопрос. Дети у них рождаются через каждые двадцать минут».

– Каждые двадцать дней, – пробормотала бабушка.

– «И они их обучают тому же. Я говорю сейчас не только про мышей, но и про других мелких зверюшек. Они быстро плодятся и воспитывают своих детей, и все неправильно. А с насекомыми еще хуже: они снуют повсюду, а сами такие маленькие, что замечаешь их только потом, когда наступишь. А иногда и потом не замечаешь, но все равно совесть мучает. Как ни старайся, тут ничего не поделаешь, так что лучше об этом вообще не думать». Конец. Осталось место для виньетки?

– Осталось.

– Тогда нарисуй ее, – сказала София. – Ну, как тебе всё вместе?

– Прочесть вслух?

– Нет, – ответила София. – Не надо. У меня сейчас нет времени. Но сбереги трактат для моих детей.

Софиин шторм

В каком году было это лето, никто уже не мог сказать, оно запомнилось только как лето, когда разразился ужасный шторм. С незапамятных времен не бушевали в Финском заливе такие волны, несущиеся с востока, сила ветра достигла девяти баллов, но огромные валы вздымались так высоко, что можно было дать десять, а то и, как утверждали некоторые, все одиннадцать баллов. Это случилось в конце недели, по радио предсказали слабый переменный ветер, поэтому хозяева лодок ожидали хорошей погоды. Как никто не погиб – известно одному Богу, ибо шторм зародился за полчаса и быстро достиг своего апогея. Позже над побережьем кружили спасательные вертолеты, подбирая людей, мертвой хваткой державшихся за скалистые выступы или перевернутые лодки. Вертолетчики спускались на каждую шхеру, где были видны хоть какая-нибудь жалкая лачуга или другие следы жизни, и аккуратно заносили в свой список названия всех шхер и имена их обитателей. Если знать заранее, что обойдется без жертв, то таким штормом можно любоваться и восхищаться! Долго еще потом жители побережья рассказывали друг другу, где они находились и что делали, когда начался шторм.

День был жарким, побережье окутала желтая дымка, на море стояла едва заметная мертвая зыбь. Впоследствии много говорили об этой желтой дымке и мертвой зыби, вспоминая описание тайфунов из книг, прочитанных еще в детстве. Поверхность воды была в тот день необычайно блестящей, а уровень опустился намного ниже обычного.

Бабушка упаковала в корзину сок и бутерброды, и к полудню они уже подходили к Северной Серой шхере. Папа положил две сети на левую сторону, а бабушка пересела к нему. Серая шхера несла на себе печать глубокой грусти и одиночества, но они любили туда приезжать.

На берегу стояла опустевшая сторожка лоцмана, вытянутая постройка с низкими потолками и каменным полом, застланным досками от угольных ящиков. Она была прикреплена к скале железными скобами. Кровля из дранки прохудилась с одной стороны, но маленькая четырехугольная башенка посередине хорошо сохранилась. Над домом с пронзительным криком носились сотни ласточек, на двери висел большой ржавый замок, но ключа под крыльцом не было. Рядом живой стеной росла крапива.

Папа устроился на берегу поработать. Было очень жарко. Зыбь на море чуть увеличилась, яркий желтый свет слепил глаза. Папа привалился к скале и заснул.

– Мне кажется, что в воздухе пахнет грозой, – сказала бабушка. – А здешний колодец совсем протух.

– В нем полно всякой дряни, – подтвердила София.

Они заглянули в небольшую дыру колодца, уходившего цементными кругами вниз, в темноту. Бабушка с Софией всегда нюхали колодцы. Потом они осмотрели помойку невдалеке от сторожки.

– А где папа?

– Спит.

– Это неплохая идея, – сказала бабушка. – Разбуди меня, если будет что-нибудь интересное.

Она легла на песке между кустами можжевельника.

– А есть? А купаться? – спросила София. – А гулять по острову? Мы будем чем-нибудь заниматься или вы способны только спать?

Было жарко, тихо и пустынно. Сторожка стояла на берегу, похожая на зверя, прильнувшего к земле, а над нею с резким криком сновали черные ласточки, словно ножи рассекая воздух. София прошлась по берегу и вернулась: на всем острове не было ничего, кроме горы, поросшей можжевельником, да гальки, да песка с клоками высохшей травы. Небо и море заво-

локло желтым туманом, который слепил глаза сильней, чем солнечные лучи, на поверхности воды вздымались пологие холмы волн, прибой пенился у берега. Море не унималось.

– Господи, сделай так, чтобы что-нибудь произошло, – молилась София. – Всемогущий Боже, я умираю от скуки. Аминь.

Может быть, первым знаком перемены было то, что замолкли ласточки. Мерцающее небо опустело, птицы куда-то скрылись. София ждала. Кажется, ее молитва услышана. Напряженно вглядываясь в море, она заметила, что горизонт начал чернеть. Чернота ширилась и нарастала, а море зарокотало в предчувствии надвигающегося шторма. Оно подступало все ближе. Вдруг на остров со свистом налетел порыв ветра, и снова все стихло. Он пригладил прибрежную траву, словно шерсть какого-нибудь зверя. София ждала. Над водой повис черный сгусток, все предвещало большой шторм! Она бросилась ему навстречу. Разгоряченная, подгоняемая холодным ветром, София бежала со всех ног, громко крича:

– Началось! Началось!

Уровень моря поднялся. Невиданный шторм был ниспослан ей Богом, в своей безграничной щедрости Он сгребал огромные массы воды и швырял их на скалы, траву и мох, с треском ломая кусты можжевельника. София носилась по берегу, молотя землю крепкими босыми ногами, и, ликуя, восхваляла Господа Бога. Вот теперь было здорово, вот теперь было весело, наконец что-то произошло!

Папа проснулся и вспомнил про сети. Лодку било бортом о берег, весла, громыхая, перекатывались по дну, мотор опутали водоросли. Папа отцепил трос и, налегая на весла, направил лодку против волн. С подветренной стороны море вздыбилось и напоминало покоробившуюся скалу, а наверху, на безоблачных небесах, излучавших желтое сияние, сидел Господь Бог, внявший мольбам Софии о шторме, и на всем побережье царили растерянность и суматоха.

Сквозь глубокий сон до бабушки донесся рокот накатывающих на берег бурунов, она села и прислушалась.

София упала на песок рядом с ней и закричала:

– Это мой шторм! Это я попросила Бога, чтобы Он послал нам шторм, и Он послал!

– Замечательно, – сказала бабушка. – Но у нас же сети расставлены.

Одному и в тихую погоду трудно справиться с сетями, а уж когда дует ветер, это почти невозможно.

Папа перевел мотор на малую скорость, поставил лодку штевнем поперек волн и начал выбирать сети. Первая благополучно вышла из рифов, но вторая зацепилась за дно. Папа переключил мотор на холостой ход и стал кружить на одном месте, пытаясь освободить сеть. Сетная подбора лопнула. Тогда он начал просто тянуть сеть, и наконец она вышла, разодранная, с рыбой и водорослями на дне. София и бабушка стояли и смотрели, как лодка, которую то и дело захлестывали волны, подплыла к острову, папа выпрыгнул из нее и, тут же ухватившись за борт, потащил ее к берегу. Широкий вал накатил на мыс и затопил корму, а когда она вновь показалась из воды, лодка уже лежала на суше. Папа пришвартовался, подхватил сети и, сгибаясь от ветра, пошел вглубь острова. София с бабушкой последовали за ним, стараясь держаться поближе друг к другу, их глаза горели, а на губах ощущался привкус соли. Бабушка шла, широко расставляя ноги и тяжело опираясь на палку. Ветер подхватил хлам, сваленный у колодца и обреченный долгие годы истлевать, превращаясь в прах, и разметал его по всему острову; пенящиеся буруны смывали в штормовое море лоцманское старье, колодезную вонь и гнетущую скуку бесконечных летних дней.

– Тебе нравится? – кричала София. – Это мой шторм! Скажи, тебе весело?

– Очень весело, – ответила бабушка, моргая: брызги соленой воды попадали ей в глаза.

Папа швырнул сети у крыльца, где, словно серое покрывало, лежала поваленная ветром крапива. Потом он пошел на мыс, чтобы посмотреть на волны. Он очень торопился. Бабушка стала выбирать рыбу, из носа у нее текло, а волосы растрепались.

– Странно, – сказала София. – Мне всегда так хорошо, когда шторм.

– Вот как? Может быть… – отозвалась бабушка.

«Хорошо… – подумала она. – Нет, я бы не сказала, что мне хорошо. В лучшем случае мне интересно».

Она достала из сети окуня и бросила его на землю.

Папа сбил большим камнем замок с двери сторожки: семье было необходимо убежище.

Они оказались в узком темном коридорчике, который разделял две комнаты. На полу валялись мертвые птицы. Много лет назад они залетели в этот полуразвалившийся дом и уже не смогли выбраться. Пахло тряпьем и соленой рыбой. Здесь, внутри, всепроникающий голос шторма был другим, в нем все отчетливее звучала угроза. Они заняли западную комнату, в которой был цел потолок. В маленькой комнатке стояли две голые железные кровати и побеленная печь с кожухом, а посередине – стол с двумя стульями. Обои на стенах были очень красивые. Папа поставил корзину на стол, они выпили сока и съели бутерброды. Потом он сел работать. Бабушка расположилась на полу и продолжала выбирать рыбу из сети. От мощного гула, доносившегося с моря, стены сторожки непрерывно дрожали, сильно похолодало. Морская пена стекала с оконных стекол, а иногда попадала внутрь, на пол. Время от времени папа выходил, чтобы взглянуть на лодку.

Буруны, пенясь, росли у крутого обрыва, огромные белые волны, одна за другой, поднимались на головокружительную высоту и с шипением хлестали по скале, плотная завеса из падающей с неба воды двигалась над островом к западу. Это был океанский шторм! Папа снова пошел посмотреть на лодку и привязал покрепче канат, а вернувшись, полез на чердак, чтобы поискать топлива для печи. Печь сильно отсырела, но, когда ее все-таки удалось растопить, огонь яростно заполыхал. Комната согрелась, и они перестали мерзнуть. Перед печкой папа постелил старую сеть для салаки – на тот случай, если кто-нибудь захочет спать. Сеть была такая ветхая, что расползалась у него в руках. Потом он зажег свою трубку и снова сел за работу.

София поднялась в башенку, тесную, с четырьмя окошками, по одному на каждую сторону. Отсюда было видно, что остров сжался и стал ужасно маленьким, почти незаметное пятнышко из камней и бесцветной земли. Зато море, белое с желто-серым, казалось огромным, так что взгляд не достигал горизонта. Больше не существовало ни материка, ни других островов, только этот маленький клочок суши, окруженный водой, безнадежно отрезанный грозным штормом от остального мира и забытый всеми, кроме Бога, выполняющего просьбы.

– Господи, – серьезно сказала София, – я и не знала, что я такая важная персона. Ты очень любезен, большое спасибо, аминь.

Наступал вечер, закатное солнце покраснело. В печи горел огонь. Западное окошко зарделось, и обои показались еще красивее. С подтеками, порванные в некоторых местах, они хранили еще голубой и розовый узор из тщательно вырисованных лоз. Бабушка сварила рыбу в жестяной банке; ко всеобщей радости, нашлась соль. После ужина папа опять вышел проверить лодку.

– Я собираюсь не спать всю ночь, – сказала София. – Подумай, как было бы ужасно, если бы мы сидели дома, когда начался шторм!

– Угу, – откликнулась бабушка. – Но я немного беспокоюсь за нашу резиновую лодку. И не помню, закрыли ли мы окна.

– Наша резиновая лодка, – прошептала София.

– Ну да. И теплицы. И гладиолусы у нас не подвязаны. И кастрюли остались на берегу.

– Молчи! – закричала София.

Но бабушка задумчиво продолжала:

– И кроме того, я думаю обо всех тех, кто сейчас в море… Обо всех лодках, которые разобьются.

София закричала, вытаращив глаза:

– Как ты можешь так говорить, когда знаешь, что это моя вина! Ведь это я просила о шторме, вот он и начался!

Она громко заплакала, в ее воображении с ужасающей отчетливостью картины сменялись одна за другой: разбитые лодки и окна, сломанные гладиолусы, растерянные люди, кастрюли, катающиеся по морскому дну, и поваленная мачта с вымпелом, не выдержавшая порывов ветра и непогоды.

– О боже мой, – растерянно выдохнула София, – все погибло!

– Резиновую-то лодку мы точно затащили на берег, – сказала бабушка.

Но София обхватила голову руками, оплакивая катастрофу во всем Восточном Нюланде.

– Это не твоя вина, – попыталась ее успокоить бабушка. – Послушай, что я скажу. Шторм все равно бы начался.

– Но не такой большой! – плакала София. – Это Бог и я все устроили!

Солнце зашло, в комнате сразу стало темно. В печи горел огонь. Ветер не стихал.

– Бог и ты, – повторила бабушка раздосадованно. – Почему ты решила, что Он послушал именно тебя, когда, может быть, не меньше десятка человек просили его о ясной погоде? А наверняка так и было.

– Но я попросила первая, – сказала София. – И ты же сама видишь, что никакой ясной погоды нет!

– Да у Бога столько дел, что Он и не слышал тебя.

Вернулся папа и подложил дров, он дал Софии с бабушкой затхлое одеяло и снова вышел, чтобы посмотреть на волны, пока совсем не стемнело.

– Ты же сама говорила, что Он все слышит, – сказала София ледяным голосом. – Все, о чем бы Его ни попросили.

Бабушка легла на сеть для салаки и сказала:

– Конечно, но, видишь ли, я попросила Его раньше.

– Как это раньше?

– Раньше тебя.

– Когда? – растерянно спросила София.

– Сегодня утром.

– Тогда почему, – взорвалась София, – тогда почему ты взяла с собой так мало еды и одежды? Ты что, Ему не доверяешь?

– Ну… я подумала, что, может быть, так будет интереснее…

София вздохнула.

– Да, – сказала она. – Это на тебя похоже. Лекарства ты с собой взяла?

– Взяла.

– Это хорошо. Тогда спи и не думай о том, что ты натворила. Я никому не скажу.

– Очень мило с твоей стороны, – ответила бабушка.

На следующий день, к трем часам, шторм стих настолько, что можно было плыть домой.

Резиновая лодка лежала перевернутая у веранды, настил, весла и ковш уцелели. Окна были закрыты. И все же кое-что Богу спасти не удалось, – вероятно, бабушка попросила Его об этом слишком поздно. Но когда переменился ветер, море выбросило кастрюли обратно на берег. И к ним на остров тоже прилетел вертолет, и их имена занесли в специальный список.

Опасный день

К полудню, в жаркий день, над самой высокой на острове сосной начинают танцевать мотыльки. Они, в отличие от мошкары, танцуют, объединившись в продолговатое облачко, миллионы и даже миллиарды микроскопических мотыльков ритмично движутся вверх-вниз, в идеальной согласованности друг с другом, и тоненько поют.

– Свадебный танец, – сказала бабушка и попробовала посмотреть наверх, не потеряв при этом равновесия. – Моя бабушка говорила, – продолжала она, – что, когда накануне полнолуния танцуют мотыльки, нужно быть осторожным.

– Что? – не поняла София.

– В день, когда у них свадебный праздник, все может случиться. Поэтому нельзя искушать судьбу. Не рассыпать соль, не разбивать зеркало, а если дом покинули ласточки, то лучше переехать до наступления вечера. Все это очень хлопотно.

– Как же твоя бабушка могла придумывать такие глупости? – удивилась София.

– Она была суеверной.

– А что значит быть суеверной?

Бабушка задумалась и ответила, что это значит не пытаться найти разумные причины непонятных событий. Например, верить в силу зелья, сваренного в полнолуние. Ее бабушка была замужем за пастором, он не был суеверным. Если он заболевал или маялся от тоски, она тайком варила ему целебные отвары. А когда они помогали и дедушка выздоравливал, бедняжке приходилось говорить, что все дело в каплях Иноземцева. И так все время.

София с бабушкой присели на берегу, чтобы продолжить разговор. Был прекрасный безветренный день, на море стояла мертвая зыбь. Как раз в такие дни, в «гнилой месяц»[9], случается, что лодки сами уплывают от берега. Море, сонно поднимающееся и так же сонно опускающееся, выбрасывает на берег большие диковинные предметы, киснет молоко, и отчаянно пляшут стрекозы. Ящерицы перестают быть пугливыми. Когда всходит луна, выползают и спариваются красные пауки на необитаемых шхерах, и тогда все скалы покрываются красным ковром, сплетенным из множества крохотных застывших насекомых.

– Может быть, стоит предупредить папу, – сказала София.

– Я не думаю, что он суеверный, – ответила бабушка. – К тому же суеверия устарели, так что лучше верить в своего папу.

– Само собой, – ответила София.

Посреди мертвой зыби торчала верхушка дерева. Согнутые ветви напоминали какого-то гигантского зверя, медленно поднимающегося с морского дна. Воздух был неподвижен и только высоко над горою чуть дрожал от зноя.

– И она никогда не боялась? – спросила София.

– Никогда. Бабушка любила пугать других. Например, за завтраком сообщала, что кто-то, должно быть, умрет, прежде чем зайдет луна, потому что ножи лежат крест-накрест. Или потому, что ей приснились черные птицы.

– А мне сегодня ночью приснилась морская свинка, – сказала София. – Обещаешь мне быть осторожной и не переломать ног, пока не зайдет луна?

Бабушка обещала.

Удивительно, но молоко действительно скисло. А в сети им попался бычок-подкаменщик. Черная бабочка залетела к ним в дом и села на зеркало. А под вечер София увидела, что на папином столе лежат скрещенные нож и ручка! Девочка немедля отодвинула их подальше

---

[9] *«Гнилой месяц»* – так в Финляндии называется самое жаркое время (с 23 июля по 23 августа), когда быстро портятся продукты.

друг от друга, но что было, того не вернешь, она побежала к бабушкиной комнате и забарабанила в дверь обеими руками. Бабушка сразу же открыла.

– Знаешь, что случилось, – прошептала София, – нож с ручкой лежали крест-накрест на папином столе. Только не говори ничего, ты все равно меня не утешишь.

– Неужели ты не понимаешь, что это все суеверные выдумки моей бабушки? Она сочиняла их от скуки и чтобы попугать свою семью!

– Молчи, – приказала София. – Ничего не говори. Ничего мне не говори.

И, оставив дверь открытой, она ушла. Спустилась первая вечерняя прохлада, и пляшущие мотыльки исчезли. Запели свои серенады лягушки, а стрекозы наконец замерли. Блеснул последний красный луч, превратив желтое облако в оранжевое. Лес был полон примет и предзнаменований, всюду угадывались тайные письмена, но как найти то, что может помочь папе? София то и дело натыкалась на знаки, мимо которых нельзя было пройти спокойно, – то ей попадались на глаза скрещенные ветки, то на зеленом еще черничном кусте горела одна красная ягода. Взошла луна и запрыгала в верхушках можжевельника. Сейчас, должно быть, уплывают от берега лодки. Большие таинственные рыбины делали на воде круги, и красные пауки спаривались на сговоренных местах. За горизонтом притаилась неумолимая судьба. София искала целебную траву, чтобы приготовить отвар для папы, но ей попадалась только самая обыкновенная. К тому же она точно не знала, как выглядит целебная трава. Наверное, она очень маленькая, с мягкими бледными стебельками, скорее всего покрытая плесенью, и растет где-нибудь на болоте. Кто знает? Луна поднялась выше, совершая свой неизбежный путь.

София закричала через дверь:

– Из чего она варила отвары, эта бабка?

– Я позабыла, – ответила бабушка.

София вошла в комнату.

– Позабыла, – повторила она сквозь зубы, – позабыла? Как можно такое забыть! Что прикажешь теперь мне делать, раз ты позабыла? Как, скажи на милость, я спасу его, пока не зашла луна?

Бабушка отложила книгу и сняла очки.

– Я тоже суеверная, – сказала София. – Я еще суеверней, чем твоя бабушка. Сделай что-нибудь!

Бабушка встала и начала одеваться.

– Не надевай чулки, – нетерпеливо подгоняла София. – И не зашнуровывайся, у нас мало времени!

– Но если мы даже найдем сейчас эту травку, – сказала бабушка, – если даже мы ее сейчас найдем и сделаем отвар, все равно он не захочет выпить его.

– Это так, – согласилась София. – Может быть, влить отвар ему в ухо?

Бабушка надела сапоги и задумалась. Вдруг София заплакала. Она увидела, как луна повисла над морем, и кто ее знает, когда она вздумает закатиться, это может случиться внезапно, в любую минуту. Бабушка открыла дверь и сказала:

– Теперь нельзя произносить ни слова. Нельзя ныть, плакать или чихать, ни разочка, пока мы не добудем того, что нам требуется. Потом мы сложим все в надежное место и сделаем так, чтобы снадобье подействовало на расстоянии. В данном случае это как раз то, что нам нужно.

Остров был залит лунным светом, ночь стояла очень теплая. София смотрела, как бабушка сорвала цветок гвоздики, потом подняла два камешка и клок засохших водорослей и сунула все это в карман. Они пошли дальше. В лесу бабушка подобрала кусочек мха, листок папоротника и мертвого мотылька. София молча шла за ней. С каждым разом, когда бабушка опускала что-нибудь себе в карман, на душе у Софии становилось спокойнее. Луна приобрела красноватый оттенок и была почти такой же бледной, как небо, от нее тянулась дорожка прямо к берегу. Бабушка и София продолжали свой путь через весь остров, бабушка то и дело наги-

балась, найдя что-нибудь важное. Опираясь на палку, она шагала на своих негнущихся ногах прямо посредине лунной дорожки, ее темный силуэт казался все больше и больше. Луч освещал бабушкину шляпу и плечи, судьба была в ее руках. София не сомневалась, что бабушка отыщет, что требуется, чтобы отвести несчастье и смерть. Все помещалось в ее кармане. София шла следом за бабушкой, наблюдая, как та несет луну на голове. Ночь была очень тихая. Когда они вернулись к дому, бабушка сказала, что теперь снова можно разговаривать.

– Лучше не надо! – зашептала София. – Молчи! Чтобы не потревожить их там, в кармане.

– Хорошо, – согласилась бабушка.

Она отковырнула маленький кусочек трухлявой ступеньки и тоже сунула его в карман, потом вошла в комнату и легла. Луна опустилась в море, но оснований для беспокойства не было.

После этого дня бабушка стала носить сигареты и спички в левом кармане, и все счастливо прожили на острове оставшуюся часть лета. Осенью бабушкин плащ сдали в химчистку, и почти тотчас же папа вывихнул ногу.

В августе

В такое время года быстро темнеет. Сидишь так августовским вечером у крыльца, занимаясь каким-нибудь делом, и вдруг, в одно мгновение, становится темным-темно, и черная теплая тишина обволакивает дом. На дворе лето, но оно уже отжило свое, хотя листва не начала желтеть и осень еще не готова вступить в свои права. На черном небе не видно ни единой звезды. Бидон с керосином переносят из подвала в прихожую, а на крючок у двери вешают карманный фонарик.

День за днем, мало-помалу, послушно следуя годовому ритму, вещи неуклонно перемещаются поближе к дому. Папа заносит внутрь палатку и насос. Он отсоединяет буй и затаскивает его вместе с цепью на берег. А когда уже и лодка поднята лебедкой наверх и резиновая шлюпка раскачивается от ветра на стене – значит точно пришла осень. Днем позже выкапывают картофель и закатывают со двора в дом бочку для дождевой воды. Убирают ведра и инструменты, прячут до следующего сезона раскрашенные поделки из жестяных банок, бабушкин зонт и другие радующие глаз летние вещи. На веранде стоят огнетушитель, топор, лом и лопата для снега. В эти же дни меняется и окружающая природа.

Бабушка любила эту пору перемен, неотвратимо повторявшихся из года в год, когда каждый предмет занимает свое, только ему отведенное место. Постепенно исчезают все следы человека, и остров, насколько это возможно, предстает в первозданном виде. Усталые грядки закрывают охапками фукуса. Долгие дожди очищают и выравнивают землю. Кое-где поверх фукуса еще бросаются в глаза яркие красные и желтые пятна последних цветов, а в лесу распускается на прощанье роскошная белая роза.

Из-за сырости у бабушки разболелись ноги, и, как бы ей этого ни хотелось, она уже не могла совершать больших прогулок по острову. И все же каждый день до наступления темноты она выходила и собирала мусор, уничтожая всякое напоминание о присутствии человека. Она поднимала гвозди, кусочки бумаги, ткани или пластика, обломки перепачканных мазутом досок и разные жестянки. Потом бабушка спускалась на берег и разводила костер, предавая огню все, что могло гореть. Она замечала, что, очищаясь, остров делался все более отдаленным и чужим.

«Он выталкивает нас, – думала бабушка. – И скоро будет необитаемым. Почти».

А ночи становились все темнее и темнее. Вдоль горизонта мерцала прерывистая цепочка маяков. И слышалось, как по фарватеру проплывали мимо большие корабли. На море был полный штиль.

В самые последние дни перед отъездом папа выкрасил болты красным суриком и в теплую сухую погоду пропитал веранду тюленьим жиром. Он смазал инструменты и дверные петли маслом «Каррамба» и вычистил дымоход. Занес в дом сеть. Потом сложил дрова у печки к следующей весне, а также для тех, кому, может быть, придется пережидать здесь шторм, и крепко-накрепко привязал канатом дровяной сарай, чтобы его не снесло в море.

– Нужно убрать колышки для цветов, – сказала бабушка. – Они портят пейзаж.

Но папа оставил их на месте, потому что иначе весной не узнаешь, где что посажено.

Бабушка волновалась из-за всякого пустяка.

– Представь, – говорила бабушка, – представь себе, что кто-нибудь приедет, ведь всегда кто-нибудь приезжает. Они же не знают, что соль хранится в подполе, к тому же крышка от подпола может разбухнуть, и тогда ее не поднимешь. Нет, надо принести соль в дом и надписать, чтобы было ясно, что это соль, а не сахар. И надо вывесить побольше штанов – хуже всего, когда ходишь в промокших штанах. А если они станут развешивать свою сеть над цветочными грядками и вытопчут их? Всего никогда не предусмотришь.

Через минуту бабушка стала беспокоиться из-за дымохода. Она повесила на нем плакат: «Не закрывайте вьюшку, приржавеет».

– Может быть, птицы совьют гнездо у нас в дымоходе, – сказала она сыну, – весной, я имею в виду.

– Но ведь весной мы уже будем здесь жить, – удивился папа.

– Никогда не знаешь, чего ждать от птиц, – ответила бабушка.

На неделю раньше обычного она сняла занавески, заклеила окна, выходящие на юг и восток, большими листами бумаги и написала на них: «Не срывайте, иначе перелетные птицы могут удариться о стекло. Пользуйтесь всем, но позаботьтесь о дровах… Инструменты под верстаком. С дружеским приветом».

– Почему ты так спешишь? – спросила София.

И бабушка ответила ей, что лучше всего браться за дело, когда чувствуешь, что пришел срок. Она положила на видное место сигареты и свечи, на случай если не зажжется лампа, и убрала барометр, спальный мешок и шкатулку с нитками под кровать. Подумав, она снова вынула барометр. Резные фигурки бабушка никогда не прятала. Все равно на них никто не позарится, а немножко приобщиться к прекрасному всегда полезно. Половики она тоже оставила, чтобы зимой было уютней.

Два заклеенных окна придавали комнате незнакомый таинственный и осиротелый вид. Бабушка надраила дверную ручку и вычистила помойное ведро. На следующий день она выстирала всю свою одежду и, уставшая, пошла к себе. В осеннюю пору в комнате было тесно: сюда складывали вещи – и те, которые еще понадобятся следующей весной, и просто хлам. Бабушка любила чувствовать себя затерянной в этом хаосе и, прежде чем заснуть, подолгу разглядывала все, что окружало ее: сеть, ящики с гвоздями, мотки стальной проволоки и веревки, мешки с торфом и другие нужные предметы, но с не меньшей нежностью рассматривала она таблички с названиями давно разбившихся кораблей, старые оповещения о приближающемся шторме, сведения об отстрелянных норках и убитых тюленях и, конечно же, любимую картину с отшельником посреди пустыни и стерегущим львом на заднем плане.

«Как же я оставлю эту комнату?» – подумалось бабушке.

Она с трудом вошла и разделась, раскрыла окно, и комната наполнилась ночной свежестью. Бабушка наконец легла и с наслаждением вытянула ноги. Она погасила свет, было слышно, как по ту сторону стены папа с Софией тоже укладываются спать. Пахло смолой, сырой шерстью и, может быть, немного скипидаром, море молчало. Засыпая, она вспомнила о горшке, стоявшем под кроватью, этом ненавистном признаке беспомощности. Она согласилась взять его, чтобы не вступать в лишние споры. Горшок может пригодиться в шторм или в дождь, но на следующий день его приходится украдкой выносить в море, а все, что делается украдкой, тяготит душу.

Проснувшись, бабушка еще долго лежала, раздумывая, выходить ей или нет. Снаружи подкарауливала непроглядная тьма, а ноги болели. Крыльцо было неудобным – слишком высокие и узкие ступеньки, а еще спуск к уборной и обратный путь. И лучше не зажигать свет: от этого только теряешь ориентацию, когда выйдешь во двор, и кажется, что кругом еще темнее. Сначала нужно свесить ноги с кровати и подождать, пока перестанет кружиться голова. А после сделать четыре шага к двери, снять крючок и снова подождать, потом осилить пять ступенек, держась за перила. Она не боялась упасть или оступиться, хотя знала, что вокруг кромешная тьма, и хорошо представляла себе, что чувствуешь, когда рука теряет опору и ухватиться не за что.

– Ничего страшного, – пробормотала про себя бабушка, – я и так знаю, как тут все выглядит, так что видеть мне необязательно.

Она спустила ноги с кровати и подождала немного, потом на ощупь сделала четыре шага к двери и сняла крючок. Ночь была черная, приятный колючий холодок пронизал бабушку.

Очень медленно она спустилась по ступенькам и заковыляла от дома. Все оказалось не таким трудным, как представлялось. Дойдя до поленницы, она хорошо знала, в какой стороне дом, а в какой море и лес. Далеко в море тарахтел мотор плывущего по фарватеру катера, но огней не было видно.

Бабушка присела на поленницу и подождала, пока пройдет головокружение. Оно прошло скоро, но бабушка не вставала. На восток, по направлению к Котке, проплыла баржа, постепенно звук дизельного мотора растаял, и ночь снова стала тихой, как прежде. В воздухе пахло осенью. К острову приближалась еще одна лодка, по-видимому маленькая, на керосинном ходу. Должно быть, рыбачья, с автомобильным мотором, непонятно только, почему так поздно, обычно они выходят сразу после захода солнца. Во всяком случае, она не плывет по фарватеру, а уходит прямо в море. Тяжело стуча, лодка миновала остров и стала удаляться, пульсирующие удары раздавались все дальше и дальше, но никак не стихали.

– Чудно́, – вслух произнесла бабушка. – Да это же разрыв сердца, совершенно ясно, а никакая не лодка.

Она замерла в нерешительности: пойти прилечь или посидеть; наверное, лучше посидеть еще немного.

Город Солнца
Перевод Л. Брауде

Солнечные города – это удивительные, преисполненные мира обиталища, где мы гарантируем вечное сияние солнца, рай на земле, оживляющий подобно старому вину…
Из американской брошюры

1

В Сент-Питерсберге[10], в штате Флорида, где всегда тепло, эспланады с пальмами окаймляют берег синего моря, улицы прямы и широки, а дома отгорожены изгородью из кудрявых деревьев и кустов. В респектабельной и тихой части города дома в основном деревянные, зачастую белые, с открытыми верандами, где кресла-качалки круглый год стоят длинными рядами, теснясь друг подле друга.

По утрам там очень спокойно, а улицы, залитые вечным солнечным светом, пусты. Но вот мало-помалу постояльцы выходят на веранды, спускаются вниз по ступенькам и медленно бредут к кафе под названием «Сад» или в другие красивые места с самообслуживанием; частенько они движутся мелкими группками или по двое. Чуть позднее они садятся в свои кресла-качалки или же совершают небольшую прогулку.

В Сент-Питерсберге парикмахеров гораздо больше, чем в каком-либо другом городе, и специализируются они на мелких воздушных кудельках из седых волос. Сотни пожилых дам с седыми кудрявыми головами бродят под пальмами; господ мужчин, напротив, не так уж и много.

В пансионатах у каждого своя отдельная комната или комната на двоих, у некоторых – лишь ненадолго в этом ровном благотворном климате, однако у большинства – на все предстоящее им время… Никто не болен, то есть в собственном смысле этого слова никто не лежит в постели; подобное улаживается невероятно быстро с помощью санитарных машин, которые никогда не пользуются сиренами. Среди деревьев здесь обитает множество белок, не говоря уже о птицах, и зверьки эти совершенно ручные – вплоть до наглости. Магазины всегда держат наготове слуховые аппараты и прочие вспомогательные средства, яркие веселые краски объявлений в каждом квартале возвещают о возможности немедленно измерить кровяное давление, а также дают любую информацию, какая только может понадобиться: к примеру, сведения о пенсиях, кремации и юридические советы. Кроме того, в городе чрезвычайно заботятся о наличии разнообразных запасов шерсти и узоров для вязания, о всевозможных играх, материалах для изготовления брошек и всяких штучек-дрючек в этом роде. И будьте уверены: в этих магазинах вас ждет радушный прием и полная готовность помочь. Тот, кто гуляет вдоль эспланад, или спускается вниз к морю, или же поднимается наверх в городской парк и церковь, не встретит ни детей, ни хиппи, ни собак. Только в конце недели на пирсе и вдоль набережных полным-полно людей, приехавших в этот красивый город, чтобы посмотреть на корабль «Баунти».

Пансионат «Батлер армс» – в трех кварталах к северу от Второй авеню – дом двухэтажный, где из окна угловой комнаты последнего этажа можно видеть кусочек моря и парусную оснастку судна «Баунти», освещенного по вечерам. Веранда пансионата красивее большинства других в городе и украшена резными перилами: она производит приятное и даже несколько интимное впечатление благодаря тому, что кресел-качалок здесь всего восемь. Вообще-то, можно упомянуть, что дом очень стар, ему почти семьдесят пять лет.

Два раза в день Баунти-Джо проносится по авеню на своем мотоцикле: чуть раньше одиннадцати утра, когда открывается касса, и в сумерки, когда корабль освещен, а он с бешеной скоростью проезжает с открытым лицом и, поворачивая на углу улицы Палмера, сбрасывает ногу с педали и заставляет подошву своего сапога скользить по асфальту. Потом все снова стихает. Баунти-Джо любит Линду – уборщицу в пансионате «Батлер армс».

---

[10] *Сент-Питерсберг* – портовый город на берегу Мексиканского залива. Основан в 1882 г. русским эмигрантом Петром Дементьевым. Пользуется славой «города пенсионеров». Мягкий климат юга Флориды и сравнительно недорогой уровень жизни привлекают сюда старых людей с начала XX в. Американский тезка принял участие в праздновании 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга, с ним установлены экономические и культурные связи.

Место миссис Элизабет Моррис из Небраски (семьдесят семь лет) – на веранде, в кресле-качалке возле большой магнолии, почти у самых перил. Ближе всех к магнолии сидел мистер Томпсон, притворявшийся глухим, а по другую сторону – мисс Пибоди, чрезвычайно застенчивая; таким образом, миссис Моррис могла спокойно предаваться своим мыслям. Она прибыла в Сент-Питерсберг на несколько недель раньше, ее никто не сопровождал, горло у нее болело, а в пансионате «Батлер армс» голос и вовсе исчез. На одной из страниц своей записной книжки миссис Моррис указала свое имя, имущественное положение, а также несколько предметов антикварной мебели, которым дóлжно прибыть позднее. Тишина в доме избавила ее от опрометчивой возможности, грозящей обернуться опасностью, довериться кому-либо после длительного и одинокого путешествия. Когда же к ней вернулся голос, опасный момент доверительности миновал; постояльцы привыкли к ее молчаливости и к тому, что она не задавала вопросов.

Элизабет Моррис была женщиной крепкого телосложения, к тому же необычайно статной. Единственная косметика, которой она пользовалась, была нанесена на ее могучие брови, красиво очерченные и линией своей напоминавшие вольный взмах птичьего крыла. Эти царственные брови, темно-синие под сенью седых волос, придавали ее взгляду ясное испытующее выражение, но видеть кому-либо ее глаза доводилось крайне редко.

Наклонившись вперед, мисс Пибоди спросила:

– У вас столько разных темных очков?

– Трое, – ответила миссис Моррис. – Я делаю улицу синей, коричневой или розовой. Синяя улица – лучше всего.

Баунти-Джо проехал мимо на своем мотоцикле; взревев на крутом повороте, машина устремилась прямо к берегу. На заднике мотоцикла Джо нарисовал большой белый крест.

– Мотор скрипит хуже, чем я, – сказал Томпсон.

Они ожидали почту. Каждое утро мисс Фрей, то в зеленых, а то и в розовых лосинах, появлялась на веранде с почтой. Старая тощая ящерица шестидесяти пяти лет в лосинах, которые были ей непомерно велики.

«Женщины!» – думал Томпсон и, деревенея на своем стуле, словно палка, издал одним лишь уголком рта долгий стонущий звук.

Пибоди, крепко вцепившись в руку миссис Моррис, закричала:

– Это приступ, приступ, сделайте что-нибудь!

Элизабет Моррис отдернула руку так, словно ее укусили. Сидевшая чуть поодаль на веранде миссис Рубинстайн заметила, что театрализованное представление Томпсона в качестве генеральной репетиции потерпело фиаско. Мисс Пибоди подняла глаза, шепча извинения. У нее были мелкие передние зубы, и она чрезвычайно напоминала бурозубку, поедающую насекомых. Миссис Моррис должна понять, что с ней, с мисс Пибоди, всегда было так: она слишком импульсивна и ее слишком легко обмануть, это вовсе не ее вина…

Утро стояло прохладное и свежее, пахло травой, а запах травы был таким, словно только что подстригали лужайку…

«Мне не следовало отдергивать руку, – подумала Элизабет Моррис, – так бывает всякий раз, когда кто-то притрагивается ко мне, а сейчас я ранила мышку».

Кресла-качалки стояли слишком близко одно к другому. Но качалась в кресле одна лишь Ханна Хиггинс, она непрерывно качалась взад-вперед, медленно и мирно; она достала клетку для яиц, ножницы, ручку и начала весьма проворно одну за другой вырезать лилии с высоким венчиком и четырьмя выпуклыми цветочными лепестками. Эти лилии обычно каждую Пасху стояли на пианино, к Рождеству же миссис Хиггинс вырезала шестиугольные звездочки и другие образчики разных переменчивых форм снежного кристалла. Удивительно, сколько всего можно сотворить с помощью «сборных селянок»! Ее близорукие глаза за толстыми стеклами очков тщательно следили за движениями ножниц, ее широкое лицо было покрыто тысячей

микроскопических морщинок, аккуратно распределенных, словно на гофрированной бумаге. В июне ей должно исполниться семьдесят восемь лет.

Миссис Моррис давно заметила: чтобы помешать креслу качаться, требуется известное внимание, ибо малейшее движение пускает его в ход. Она быстро освоилась, но всякий раз, вставая с этого благословенного кресла-качалки, чувствовала, как одеревенели ее ноги от сдерживаемого напряжения. Иногда она задумывалась, ощущают ли то же самое другие постояльцы…

Выходя из вестибюля, обычно мисс Фрей говорила всем: «Привет! Солнце светит снова!» Она произносила это каждое утро, но сегодня, устав, выговорила эти слова чуть более резко. Крайне неосторожно, будто влекомая демонами, двинулась она напрямик к миссис Рубинстайн. Она подошла к ней совсем близко и тоном, которым обычно разговаривают то ли с совсем крохотными собачонками, то ли с чужими детьми сказала:

– Письмецо! Вам – маленькое письмецо по почте!

Громадная черноглазая женщина, медленно повернувшись на пол-оборота в своем кресле, вперила взор в мисс Фрей, в ее размалеванное, измученное лицо под париком. Затем столь же медленно опустила глаза и, не беря письма в руки, стала разглядывать его. Все знали, что сейчас она снова поведет себя неподобающе непристойно.

Рука мисс Фрей начала дрожать, и наконец миссис Рубинстайн заговорила, с уничтожающей любезностью заявив:

– Моя дорогая мисс Фрей! Ваше собственное маленькое письмецо вместе с вашей собственной маленькой брошюркой, которую вы всем предлагаете, можно использовать как туалетную бумагу… Лишь моя скромность, мисс Фрей, лишь моя застенчивость запрещают мне говорить о том, что вы можете сделать с этим письмом.

И она издала краткий хриплый смешок, явственно намекавший на то, каким именно образом мисс Фрей может употребить это письмо. Томпсон, приподнявшись в своем кресле, спросил:

– Что она сказала? Опять что-то неприличное?

– Ничего серьезного, – ответила миссис Моррис.

Мисс Фрей покраснела и, игриво хлопнув миссис Рубинстайн по плечу, воскликнула:

– Фи, до чего грубо! – и, уронив почту на пол, удалилась.

– Что она сказала? – повторил Томпсон.

Сквозь стекла затемненных очков миссис Моррис лужайка стала синей, пустота улицы – отдаленной, словно на Луне, а синий Томпсон приобрел необычайно болезненный вид. И она успокаивающе произнесла:

– Ничего серьезного. Миссис Рубинстайн пыталась позабавиться.

– Но что она сказала, что сказала?! – упорствовал Томпсон.

Приподнявшись снова, он выбрался из кресла, придвинул свое маленькое, перекошенное личико прямо к ней и заорал, что вот так всегда и бывает со всеми, со всеми женщинами, никогда ничего интересного и забавного не узнаешь! Хоть умри! Хоть возьми и умри, кто б ты ни был!

Он продолжал, уже стоя, ждать, положив руку за ухо; на веранде все безмолвствовали.

Миссис Моррис сняла очки: поскольку Томпсон не казался ей больше синеватым, он теперь выглядел мало-мальски нормально. Она холодно ответила, что миссис Рубинстайн, по всей вероятности, намекала: мисс Фрей-де может использовать это письмо как туалетную бумагу. Томпсон внимательно выслушал и снова уселся в кресло-качалку.

– Очень забавно! – сказал он и устремил взгляд на улицу. – Мои милые дамы, – продолжил он, – вы необычайно веселы!

«Вероятно, расположение кресел-качалок параллельно друг другу – единственная с практической точки зрения возможность. Пожалуй, – думала миссис Моррис, – трудно располо-

жить их группками, качающимися, стало быть, друг против друга, это требует большего пространства, да и вскоре станет страшно утомительным. В сущности, самая трезвая идея – одно кресло, которое качается в комнате, во всем остальном статичной».

– Мне надо идти, – сказала мисс Пибоди, – у меня постирушка в комнате.

Расплакавшись, она, всхлипывая, спешно покинула веранду. Миссис Хиггинс заметила, что она, эта маленькая бедняжка, верна самой себе. А миссис Рубинстайн закурила новую сигарету и ответила, что во все времена все на свете Пибоди, сохраняя верность самим себе, убегают в свои комнаты. Они необычайно сострадательны, и их самих постоянно надо утешать. Развернув газету, она принялась читать о том, что происходит в мире, читать презрительно, со знанием дела. Это ее четвертая сигарета до ланча. Ребекке Рубинстайн был восемьдесят один год. Ее волосы напоминали белую тиару, а щеки под опущенными веками, отягощенные ровными складками, все еще походили по своему насыщенному цвету на какой-то перезрелый фрукт.

«С таким же успехом можно быть мертвым!» – думала Элизабет Моррис, притворяясь спящей под своими очками. Томпсон пустил в ход свой главный козырь. Игра не была честной, но ведь старому черту необходимо чем-то позабавиться. «Я не верю, – серьезно подумала она, – не верю, что и у меня остается так уж много существенных представлений о страхе, о том, как пугать людей. Разве что Небраска и доверие, кое-какая музыка, но никак не смерть. Во всяком случае, не о том, как можно произвести впечатление, и не о смерти».

Она забыла упомянуть страх перед комнатой, которую забыли запереть, но это мелкое упущение. Такие приметы и свойства старости надо скрывать, все эти неэстетические мелочи, которые забываешь, всю эту конструкцию, которая поддерживает твою беспомощность, такую неприметную и такую явную. Сама миссис Моррис старательно скрывала все это, она пыталась восстановить понятие о ценности вещей и передумала все возможности того, каким бы образом каждый день предоставлять Линде пустую безликую комнату. Когда миссис Моррис, уже одетая, покидала свою комнату, она чувствовала себя усталой, но никогда не осмеливалась заснуть на веранде. Можно захрапеть, у тебя может открыться рот… со вставными зубами.

Пылесос Линды гудел, разъезжая взад-вперед в вестибюле, иногда он ударялся о стены и снова продолжал гудеть. Миссис Моррис спокойно засыпала, голова ее клонилась в сторону, и она беззвучно спала…

На другом конце веранды обе фрёкен Пихалга, одновременно поднявшись, забрав свои книги, медленно побрели вниз к морю. Если сестры Пихалга погружались в чтение, они абсолютно отрешались от всего происходившего вокруг. А читали они почти всегда.

Когда Эвелин Пибоди, делая один шажок за другим, медленно поднималась вверх по лестнице, она несла с собой свое великое сострадание, которое лишь набухало и становилось все тяжелее и все неудобнее с каждым разом, когда она не осмеливалась защитить то, что любила.

Слово зá слово и шаг за шагом перебирала она ту недостойную, да и вовсе ненужную недавнюю беседу на веранде. О, эти люди, что сорят словами, словно кидают камни и выбрасывают мусор!.. Бедный старый мистер Томпсон, который вне всего этого! Что, если бы он в самом деле умер! А она… убежала и снова солгала, ведь никакая постирушка в комнате ее не ждала… Как так получается, что тому, кто любит правду, приходится столь часто лгать, а тому, кто ищет справедливость, так трудно за нее сражаться?! Что, если бы он в самом деле умер! Ужасно! Но он имел право задавать вопросы. Мужчина восьмидесяти лет справлялся с жизнью гораздо дольше, чем следовало бы.

Ей было семьдесят четыре, абсолютно ничтожный возраст для дамы! Конечно, он тоже беден… живет в этом доме из милости, судя по всему, за спиной у него долгая чепуховая жизнь… Так бывает по неосторожности!

Мисс Пибоди твердо решила проявлять доброту к Томпсону и выказывать ему всевозможную симпатию, ей следовало это делать, хотя он – по большому счету – неприятный и злобный старик!

Исключительно правдоподобия ради выполоскала она шейный платок, вытащила свое длинное серое платье и начала переставлять пуговицы на спине. Ведь со временем все больше съеживаешься и худеешь. Да и когда шьешь, мысли успокаиваются. Всю свою жизнь шила Эвелин Пибоди платья, перешивала старые, перелицовывала их, ушивала и выпускала длину. Чтобы скрыть изношенность, неудачный покрой и, наоборот, подчеркнуть то, что красиво, требовалось умение, искусство – да и терпение тоже. Правда, позднее, когда она уже работала в салоне, ткани были новые, но искусство скрывать недостатки и подчеркивать достоинства было необходимо по-прежнему.

Она шила быстро и уверенно. Но теперь глаза ее выдерживали всего лишь полчаса работы, и мисс Пибоди никогда больше не шила никому, кроме себя самой. С молниеносной быстротой прокалывая иголкой ткань и делая без конца один мелкий стежок за другим – длинные ряды стежков, она постоянно думала о дамах, желавших пользоваться подмышниками, дамах, никогда потом не узнававших ее, потому что они смотрели исключительно в зеркало… А надумавшись о них досыта, она мысленно возвращалась к тому сказочному утру, когда она, Эвелин Пибоди, выиграла по лотерейному билету.

Никто из портных в то утро не работал… А мисс Арунделль воскликнула:

– Боже мой, она – единственная из всех людей!.. Поглядите на нее, она аж побледнела от радости!..

Они спрашивали ее:

– Что ты купишь?

А она лишь восклицала:

– Солнечный свет! Солнце! Солнечный свет! Отдельную комнату для себя самой!

Так она отвечала, не тратя ни минуты на раздумье. У нее было маленькое, холодное тельце, она собственноручно выиграла по своему личному лотерейному билету, по собственному лотерейному номеру, и справедливость наконец-то восторжествовала!

Когда Линда вошла к ней со свежими полотенцами, мисс Пибоди встала. Она всегда поднималась, когда к ней входила Линда. Таков был ритуал! Каждый раз ее пленяла столь невыразимо прекрасная, спокойная и ослепительная улыбка девушки, и она, прикрыв рукой губы, улыбалась в ответ. Линда неспешно вошла в ванную. Она всегда была в черном, и черные волосы искрящимся узлом спускались ей на спину. Ее совершенной красоты лицо выглядело бледным. Его осеняли лишь легкие, на удивление спокойные тени печали. Линда – мексиканское имя, оно означает «прелестная», «восхитительная».

На веранде Ханна Хиггинс продолжала вырезать цветы, держа свою «сборную селянку» перед самым носом и выстраивая в ряд у себя на коленях одну лилию за другой. Она рассказывала, что в этом году гибкой металлической проволоки, покрытой желтой шерстью, что служит для прочистки курительных трубок, нет и пестики придется сделать зелеными. По давней привычке миссис Рубинстайн раздумывала, не стоит ли ей ляпнуть какую-нибудь непристойность о пестиках, но, утратив желание говорить, заставила свои тяжелые веки опуститься под грузом снедавшего ее величайшего презрения. Она презирала пасхальные украшения веранды, мягкий климат и вообще все, что только бывает уместно презирать в один прекрасный, ничем не заполненный день в Сент-Питерсберге штата Флорида.

Томпсон спал.

– А скоро, – сказала миссис Хиггинс, – скоро будет весенний бал, и что касается меня, я намереваюсь пойти туда в черном. Это самый подходящий цвет для старых женщин, во всяком случае там, откуда я приехала, и если ты при этом не слишком толстая.

Внезапно она выпустила из рук работу и, откинув голову, засмеялась удивительно звонким и чуть ли не простодушным смехом:

– Томпсон был бы мне неплохим кавалером – одна не видит, а другой не слышит! Ну не забавно ли это?

Миссис Рубинстайн рассеянно слушала, она разглядывала свои красивые старческие руки и украшавшие их перстни. Кольцо, подаренное Абрашей, было самым крупным, и, несмотря на вульгарность этого перстня, она носила его не снимая. Ежемесячное письмо сына запоздало уже на четыре дня. А тут «сборные селянки»! Пасхальные лилии! Хозяйка крестьянского дома в черном!

Она обратила свое массивное лицо с выступающим вперед носом в сторону улицы, к пансионату «Приют дружбы», расположенному напротив. Обитатели этого пансионата уже вернулись с завтрака, и все кресла-качалки были заняты. «Дюжина белых лиц со взглядом, устремленным вперед, дюжина старых задниц – каждая в своем кресле, – думала миссис Рубинстайн. – А скоро они будут изо всех сил вертеть ими на весеннем балу в „Клубе пожилых“».

И добавила тихо и презрительно:

– *Gojim Naches*, что в переводе с идиш означает «их радости».

Мисс Пибоди ждала, стоя за пальмой. Незадолго до двенадцати Томпсон имел обыкновение посещать бар Палмера на углу и выпивать там кружку пива. Поговаривали, будто тем самым он выказывал пренебрежение к постояльцам, ходившим на ланч. Но возможно, это зависело еще и от того, что у него не хватало средств и на пиво, и на ланч, и он выбирал то, что любил больше.

Но вот появилась его трость, стук трости раздавался все ближе и ближе, и мисс Пибоди, перебежав наискосок улицу прямо перед ним, сказала довольно громко, что было бы приятно выпить кружечку пива.

– Пива, – ответил, волоча ноги мимо, Томпсон. – А что мешает вам выпить кружку пива?

Здесь, на близком расстоянии, чувствовалось, что он моется не так часто, как должно бы, и было видно, что он – злобный старик. Друг за другом поднимались они молча в бар Палмера, он – впереди, она – позади, а на углу им навстречу показалась миссис Моррис, замкнутая в своей собственной уединенности. Пибоди, дернув ее за полу плаща, пылко зашептала:

– Разрешите пригласить вас на кружечку пива?

– Едва ли, – ответила миссис Моррис.

Но сбитая с толку Пибоди настаивала на своем и пыталась запутанно объяснить, что, разумеется, он – неприятный старый господин, но сейчас необходимо утешить его, ведь нужно делать все, что в твоих силах, а в каждом человеке есть что-то хорошее…

– Успокойтесь, – сказала миссис Моррис. – Зачем столько объяснений?

Они вошли в бар Палмера, и у нее молнией мелькнула мысль: какое великое сострадание возникает из чувства вины и порождает презрение… Готовые расхожие добродетели казались ей заурядными, а мисс Пибоди ей не нравилась.

В баре было пусто. Они сели у стойки. Томпсон с краю, он заказал три кружки пива и бутерброд. Помещение было довольно темным, длинным и узким – в одном конце дверь. Совершенно обычный бар, где полки уставлены рядами бутылок и той случайной ненужной дребеденью, какой перегружают каждую полку в каждом баре. Зеркальная стена и их собственные полусумрачные затуманенные лица, такие же случайные и безымянные, как и все прочее в этом месте. Бармен молчал, повернувшись к ним спиной.

– Здесь уютно, – прошептала Пибоди. – Миссис Моррис, вы не поверите, я никогда не бывала в настоящем баре.

У пива был горький вкус.

Она положила руки на стойку и почувствовала, как удобно стало ее спине. Столы всегда должны быть высокими. Это создает впечатление покоя и надежности. А нарядные полки перед зеркалом внушали ощущение какого-то огромного чужеродного мира, весьма далекого от Сент-Питерсберга. Томпсон ел свой бутерброд и не произносил ни слова. Не привлекал к себе внимания. Пибоди достала пятерку и держала ее, скомкав в руке. Может, было еще слишком рано отдавать деньги Томпсону, это может рассердить его. Скоро весенний бал… А миссис Моррис записалась в «Клуб пожилых»? Это необходимо сделать, там столько возможностей провести время: зал для тех, у кого есть хобби, там и бридж, и гимнастика, и уроки пения! Необходимо только, чтобы тебе исполнилось шестьдесят!..

– Действительно? – спросила миссис Моррис.

– Да, там столько всего делается для пенсионеров. Поверьте мне, нигде во всем мире нет такого места, где делается столько для нас! Тут всегда лето, а кругом одно лишь море!

Миссис Моррис заметила, что все эти вещи, возможно, вполне естественны, а Томпсон сказал:

– Еще кружку пива. Да побыстрее!

– Миссис Моррис, – продолжала Пибоди, – можете себе представить, я никогда раньше не бывала в настоящем баре!

– Да, вы говорили об этом…

– Разве? – неопределенно уронила Пибоди. – Может статься.

Немного помолчав, она упомянула, что весенний бал так же важен, как и осенний. Каждый танцует под свою собственную ответственность, а прожектор вращается при звуках танго и вальса. В бальном зале нельзя ни курить, ни пить хмельное. Платья – просто фантастика! Многие дамы принимают участие в конкурсе на самую красивую шляпу в Сент-Питерсберге. А миссис Рубинстайн всякий раз выигрывает…

– Чипсы! – приказал Томпсон. – И музыку! Первый вальс у Палмера.

Бармен включил музыкальный автомат-юксбоксен, и помещение наполнилось громкими протяжными звуками ковбойского блюза. Миссис Моррис содрогнулась, но ничего не сказала, она должна привыкнуть, она должна, музыка здесь повсюду, и от нее никогда никуда не денешься.

Но вот на углу взвыл мотор, красивый юноша с «Баунти», хлопнув дверью, вошел в бар и приблизился к стойке.

– Привет! – поздоровался он. – Мне ничего нет?

– Нет! – ответил бармен.

– Никакого письма, ничего? Ничего из Майами?

Бармен ответил:

– Вообще ничего!

Джо, не глядя на них, снова вышел из бара, и мотоцикл затрещал, удаляясь вниз по авеню.

– А если хочешь танцевать, – продолжала Пибоди, – как я уже говорила, если хочешь танцевать, то лучше всего сидеть на скамьях поближе. Тогда они знают, чего ты хочешь!

– Кто – они?

– Господа мужчины!

– А где тут мужчины? – спросила миссис Моррис.

– Они циркулируют, их не так много…

– Они вымерли, – объяснил Томпсон.

Он все слышал.

Пибоди, стремительно повернувшись к нему, положила ладонь на его руку, но миссис Моррис зашипела: «Ш-ш-ш!»

Тогда Пибоди отдернула руку.

Граммофонная пластинка подошла к концу, пустой юксбоксен издал царапающий звук и захватил новую пластинку, на этот раз зазвучал рок. Быть может, Томпсон любил рок, так как он опустил голову на руку. Возможно также, что он пытался защитить свои уши или попросту устал. Как можно неприметней сунула Пибоди свою пятерку под его локоть, а он тотчас спрятал деньги.

– Еще три кружки! – заказал он.

– Две! – поправила его миссис Моррис. – Вам нравится пиво, мисс Пибоди?

«Возможно не очень; собственно говоря, нет…» Ей нравился бар. Мысли ее были легки и беззаботны, перелетая все время с одного на другое… Не желает ли миссис Моррис узнать, чем она, Пибоди, занималась раньше, прежде чем появиться в Сент-Питерсберге?

Но миссис Моррис не ответила, лишь глаза ее смутно улыбнулись за стеклами очков. Тогда, повернувшись к зеркалу, Пибоди подумала: «Ну и что? Ей никогда не понять, как это было. Она говорит: „Портниха? В самом деле? Выиграла в лотерею? Как приятно!“ Я рассказываю, что у нас была огромная семья, а сейчас я – единственная, кто от нее остался. „Как жаль!“ – отвечает она, и мы сидим здесь, и так ничего и не было сказано. А она со своими синими бровями и как будто без глаз!..»

Томпсон снова застонал, а голова его стала медленно покачиваться взад-вперед, взад-вперед.

«Ну да, – рассерженно подумала Пибоди. – Поступай, если можешь, как лучше. Мне, пожалуй, мне единственной, вовсе ни к чему быть доброй!»

– Прекрасная музыкальная пьеса! – внезапно произнес Томпсон.

– Если уж музыка, так чтоб музыка – настоящая, да и такт они в порядке исключения соблюдают! Пибоди, суньте побольше денег в музыкальную шкатулку, у меня нет мелочи.

Миссис Моррис энергично бросила монеты в аппарат, но с места не двинулась. Раз им нужна музыка, пусть будет музыка… Да и голова у нее уже заболела… где-то в самом низу затылка. Стиснув зубы, она ждала, когда они наконец выпьют свое пиво.

Вернувшись назад в «Батлер армс», Томпсон, придержав перед ними дверь, с галантным презрением сказал:

– Мои дамы!..

Пибоди, стало быть, ее имя – Пибоди! Испуганная, занятая самой собой женщина-мышка, без подбородка, с седыми клочьями волос на голове! Но она, разумеется, могла бы быть еще хуже!

Вечером, в перерыве между прибывавшими автобусами с туристами, Джо снова прикатил в бар Палмера, чтобы снова услышать: почты ему нет. Он объяснил: возможно, речь идет вовсе не о письме, а лишь об открытке с красным крестом и адресом. Если там появится бумажка с крестом на его имя, он будет знать, что ему делать дальше.

– Крест, да, крест! – проворчал бармен, раскладывая на стойке оплаченные счета, все до единого перечеркнутые крестами. – Чего ты ждешь?

Джо ответил, что ждет лишь сигнала, чтоб отправиться в Майами или куда-нибудь в другое место, – это очень важно. Шофер из Лас-Уласа[11] высказал как свое личное мнение, что речь идет о контрабанде. Кое-кто мог бы разнообразия ради отправиться к своей старой бабке в Тампу[12].

– Я заболею из-за вас, – сказал Джо.

А бармен ответил:

---

[11] *Лас-Улас* – город-порт в штате Флорида. Круглосуточный морской курорт в пригороде Майами-Бич.

[12] *Тампа* – портовый и курортный город на западном побережье штата Флорида.

– Боже ты мой! Нынче средь вас – будь то древний старец или новорожденный младенец – ни одного нормального не найдешь!

Тогда юноша, облокотившись на стойку, воскликнул:

– Ничего-то ты о Господе Иисусе не знаешь!

И, выскочив за дверь, с бешеной скоростью помчался вниз по улице.

Один из завсегдатаев, ухмыльнувшись, произнес:

– Неужто вы не понимаете, он из тех детей Господа[13], что бегают кругом по здешним улицам и заставляют государство заботиться о себе! У них разбит какой-то там лагерь в Майами. Они бредят Иисусом, а заразились этим с севера…

– Они – кто? Хиппи? – спросил бармен.

– Нет, теперь уже не хиппи. Это нечто иное.

– Буза и трепотня, – заявил бармен. – Та же самая буза, только по-другому.

[13] *Дети Господа* – направление в евангелизме, возникшее в начале 1970-х гг. среди некоторых слоев молодежи, особенно бывших наркоманов и хиппи. Большинство последователей этого направления посвятили себя уличным проповедям и жизни в коммунах. Наиболее ортодоксальная секта – «Дети Господа Иисуса Христа». Возможно, речь идет о «Чудаках Христовых».

2

Среди дня Линда располагала двумя свободными часами и тогда обычно уходила к себе в комнату. Комната была мала и красива, вся от пола до потолка побелена и защищена от жары тенью густой зеленой поросли с заднего двора. Над кроватью Джо устроил алтарь и основательно набил полку всякой всячиной, так, чтоб она висела прямо. А к лампаде над Богоматерью, там, где она стояла с букетом пластмассовых цветов и сахарными черепами из Гватемалы, он протянул электрический провод. Джо чтил Мадонну, хотя интересовался больше Иисусом. Они с Линдой редко беседовали о ком-либо из них, да и зачем говорить о вещах само собой разумеющихся – таких, как солнце и луна? Мадонна постоянно улыбалась. Под полкой висели колокольчик, подаренный мисс Фрей, и ключи от дома.

Линда разделась догола и в абсолютном мире и спокойствии лежала в кровати, подперев рукой щеку. Кровать была хорошая, с прочными пружинами. Прекрасные картины скользили пред взором Линды, одна прекраснее другой. Первой явилась к ней мама, а потом – Джо. Мама была крупной и спокойной и много работала, и ей вовсе не следовало тревожиться о дочери, которая так хорошо устроена! Взад и вперед бродила мама в Гвадалахаре в неизменном черном платье и с корзиной на голове, то скрываясь в базарной тени, то снова выходя на солнце; она заботилась о своей семье. Джо был устроен тоже хорошо, имел постоянную должность с большим жалованьем.

Когда Линда думала о них обоих, Силвер-Спринг[14] почему-то становился ей ближе. Она никогда не видела Силвер-Спринга. Там, в джунглях, течет река с водой, прозрачной, как кристалл, а маленькие обезьянки прыгают на берегу. За один доллар можно подняться на борт речного пароходика со стеклянным днищем и рассматривать рыб, вечно снующих над белым песком дна. Заросли низко склоняются по обоим берегам реки. Это мягкая зеленая крыша, которая раскинулась, протянувшись на сотни заповедных, защищенных законом государства миль вглубь Америки. И там нет ни змей, ни скорпионов!

– Дорогая Мадонна, – прошептала Линда. – Дозволь мне предаваться любви с Джо в джунглях на берегу реки. Потом, по милости твоей, мы будем брести по колено в воде, затем медленно поплывем вместе все дальше и дальше.

И, протянув руку, она зажгла лампаду, но вовсе не для того, чтобы в комнате стало светлее, а чтобы почтить Мадонну. После чего, положив руки на свой прекрасный живот, заснула.

Баунти-Джо вскоре пришел к ней. Стоя в открытом окне, выходящем во двор, он крикнул в комнату:

– Эй, привет! Они забыли меня, они ничего не ответили!

Линда тихо лежала, глядя на возлюбленного, потом сказала, что надо сохранять терпение, ведь, чтобы найти дом, за который не надо платить, требуется долгое время, а в домах, что подлежат сносу, жить нельзя. Полиция в Майами – опасна.

Он вошел в комнату и, отвернув лицо от Линды, сел на край кровати.

– Я не могу больше ждать и не знать, где они. Они могут быть где угодно, сюда они никогда не придут, сюда никто и ничто не приходит. Никаких писем нет. Возможно, они нашли какое-то место, лагерь или сарай, откуда мне знать! Они нашли его давным-давно, а написать забыли. И знаешь, – строго продолжил он, – ты знаешь, как только я о них услышу, я уеду отсюда, время не терпит, и, поедешь ли ты со мной или нет, я все равно удеру!

– Знаю, – ответила Линда.

– А ты останешься здесь.

---

[14] *Силвер-Спринг* – город в центральной части штата Мэриленд, пригород Вашингтона.

– У меня хорошее место, – ответила она. – И со мной подписали бумагу до самых рождественских праздников.

– До рождественских праздников! – воскликнул Джо. – Смешно! Ведь Он явится в любую минуту, а ты говоришь о Рождестве и о контракте! Дьявольщиной попахивает, когда ты так говоришь. У тебя есть шанс уехать со мной, а ты, глазом не моргнув, упускаешь его. Ты могла бы уехать со мной, чтобы встретиться с Ним.

– А если теперь Он явится снова, – сказала Линда, – если Он теперь вернется, откуда тебе знать, что Он не явится сюда вместо Майами? Когда мир так велик, с таким же успехом, что и Майами, это может быть и Сент-Питерсберг?!

Джо встал и начал мерить шагами комнату взад-вперед, взад-вперед, объясняя, что основная проблема – это всем держаться вместе, чтобы всех было много и чтобы имелось нечто надежное, во что можно верить. Надо торопиться, сказал Джо. Он может вернуться через неделю… они бы вычислили: это может случиться именно сейчас, поэтому именно сейчас важно знать, в чем вопрос, и ждать именно всем вместе. Они играют все время. В ожидании Его они играют и бегают друг за другом и танцуют. Ждать в одиночестве – нельзя!

– Да, – ответила Линда. – Я понимаю, это важно. Тебе надо только опасаться полицейских в Майами. Они появляются на пляже в черных автомобилях, съезжают по долине вниз на прибрежный песок, а там забирают всех, кому негде жить.

Он ответил:

– Ты не понимаешь! Тысячи таких людей ждут на берегу. Они – словно одна семья. Они делятся друг с другом всем, что имеют.

Задрав полу пиджака, он показал ей на изнанке знак Иисуса – слова, сложенные из букв красного, фиолетового и оранжевого цвета: «Иисус любит тебя».

– Красиво! – похвалила она. – Но лучше бы этот знак был не внутри, а снаружи.

– Так оно и будет! У меня он будет повсюду! На кофте, и на плавках, и везде-везде, только бы получить весточку. Ты что, не видела красный крест на мотоцикле? Разве ты не понимаешь, что происходит?!

Трудно понять, почему Иисус Христос заставлял Джо пребывать вне себя от волнения! Возможно, Господь и в самом деле явится, и тогда, естественно, Его следует встретить с величайшим гостеприимством: прихотливый и избалованный, Он никогда не извещал о себе заранее. Мадонна же не давала никаких сомнительных обещаний, она просто была, и из ее распростертых рук постоянно, вечно и непрерывно являлись чудеса.

– Мой любимый, мой Джо, – сказала Линда, – не сердись на меня. Я очень надеюсь, что Он явится! Запасись терпением! Они, пожалуй, напишут, как только узнают, где Он высадился на берег.

Джо разглядывал ее лицо, всегда такое спокойное… Но внезапно эта ее смиренная уверенность показалась ему ужасной. И он спросил:

– Почему ты всегда улыбаешься?

– Потому что смотрю на тебя! – ответила Линда. – Думаешь, мы успеем поехать в Силвер-Спринг, прежде чем Он явится?

Томпсон питал большую слабость к Линде. Она никогда не говорила о его коробке под кроватью, той самой картонной коробке, что вмещала его книги, коньяк, корзинку с чесноком и жестянку для окурков сигарет.

Курить в комнате было запрещено! Комната же Томпсона пропиталась насквозь застарелым запахом табака, смешанного с чесноком, и, в какой-то степени, с запахом нестираной одежды.

Линда ничего не говорила. Казалось, она находила естественным, что скатанный коврик лежал у стены. Она понимала, что комната постепенно приобретет вид, соответствующий

образу жизни ее обитателя. Абсолютно легко, чрезвычайно старательно убирала она его жилье, не нарушая установленных им порядков. Это помещение, это до крайности уютное и дурно пахнущее место, последнее укрепление Томпсона, его последний оплот, защищавший его в борьбе со всем миром, было самой дешевой комнатенкой в пансионате «Батлер армс». Всего лишь узкий прямоугольник, встроенный прямо под лестницей и обставленный мебелью, что осталась от других комнат. Через весь прямоугольник от стены к стене Томпсон повесил покрывало с кровати и жил, по существу, в той части комнаты, где находилось окно. Когда он входил сюда и закрывал за собой дверь, комната погружалась во мрак. Мрак отграничивал его вынужденную жизнь от той, что была сознательной и частной. В состоянии полного покоя ожидал он, когда же придет забвение и вожделенное умиротворение. Видения и лица исчезали, а высказанные слова стихали. Он молча ждал. Мало-помалу дневной свет начинал обрисовываться вокруг покрывала – обрисовываться совсем слабо. Тогда он подходил к покрывалу и, отодвинув мрак в сторону, вступал в свое собственное значимое пространство, занятое кроватью, лампой и стулом.

Никто не знал, что мистер Томпсон бывает счастлив… факт, который он тщательнейшим образом держал в тайне. Женщины пугали его, те самые женщины, которые попадались повсюду и умирали слишком поздно. В потоке времени они высказали ему все самое важное так, как обычно делают женщины, они создали, они сотворили его молчание.

Сейчас, войдя в свою комнату – святая святых, он положил деньги Пибоди в жестянку для личных нужд. Сев за стол, обращенный к окну, Томпсон стал смотреть на ту же картину, на просвечиваемую солнцем зелень, что затеняла и сон Линды. Они с Линдой – оба – жили в первобытном лесу, отгороженные, защищенные от всего на свете. Он свернул свою первую в этот день сигарету. Табак был крупный, грубый, плохо поддавался его усилиям, и несколько крошек упали на пол. Он сдвинул в сторону остатки ботинком, чтобы позднее обратить на них внимание, снова лизнул закрутку и зажег сигарету. Курение доставляло мистеру Томпсону в его одиночестве удовлетворение, к которому никогда не примешивалась радость мщения. Ни одна из этих женщин с веранды, этих дам, ни одна из этих леди, теток и желанных фемин, не знала, что он курил. Он не доверял им свою тайную радость, он наказывал их, куря лишь в одиночестве.

Поскольку мистер Томпсон был женоненавистником, он частенько думал о женщинах. Его друг из Сан-Франциско Йеремия Спеннерт никогда добровольно о женщинах не говорил, но, если кто-то упоминал их, он качал головой и горестно улыбался. Тем самым он, по всей вероятности, показывал, что они-де не ведают, что творят, и благодаря этому не могут быть призваны к ответу.

Вопрос, избранный Томпсоном для размышлений нынешнего дня, касался эпитета, который подходил бы женщинам. Ради Йеремии Спеннерта он хотел бы найти точное определение, одновременно выражавшее бы и то достойное, и то пленительное, что было в них. Теперь он спокойно проходил мимо тех почтительных наименований, что, благодаря табу и бесконечным эпитетам – плодам символизма, неприменимы при реальной оценке этих существ. Например, «мать», «королева-мать», «мадонна» или совсем просто – «супруга». Слова эти являются эвфемистическим описанием фру в литературной или вообще какой-то другой, фальшивой, ненатуральной связи.

Томпсон отбросил в сторону поэтические арабески, которые сбивают с толку и которых в действительности не найдешь, как то: «нимфа», «муза», «дриада» и многие другие… Он засомневался на миг на прекрасном слове «любовница» и позволил ему уйти тем же путем. Он отбросил исключительно все – все, что носит следы небрежности или непристойности, и где-то посреди размышлений его угораздило оказаться жертвой «сестер», «теток по отцу», «теток по матери», «тещей», «свекровей» и тому подобного, но обрисовал он их почти комически при выяснении такого вопроса, как этот. Новые женские прозвища теснились, наступая на

него, их было слишком много, до невероятности слишком… И Томпсон быстро решил, что желанными объектами любви могут быть только «леди» и «юнгфру»[15], впрочем, пока это была только рабочая гипотеза. Он отворил окно, чтобы впустить свежий воздух, и задумался. Вскоре он отбросил и «леди», и «юнгфру»…

Единственной истинной женщиной была Линда. Принадлежность к женскому полу ее не испортила. Чудесным, необъяснимым образом Линда спаслась…

Слабый аромат цветов проник в комнату Томпсона.

Солнце придвинулось к веранде, но все еще мешкало на заднем дворе среди зеленых ветвей, большие листья, неподвижные на всепоглощающей жаре, просвечивали насквозь, образуя красивый узор из света и тени. Предполуденное время представляло для него наибольший интерес. Всякий раз, когда он заговаривал о смерти, это бывало вызвано кем-то из тех фру, что вели себя недоступно пониманию. Томпсон с радостью вспомнил тех двух фру, что пили в его обществе пиво у Палмера. Ту крупную, молчаливую, и маленькую, неуверенную в себе, ту, что без подбородка, – Пибоди. Он хотел бы, чтобы Рубинстайн[16] тоже была там, именно ее имя он произносил проникновенно и неумолимо. Рубинстайн благоденствовала и плыла в этой молчаливой тишине, сидя наискосок от него и шепча лишь о самых незначительных вещах. Она, с этим ее исполненным презрения голосом, довольным, даже самодовольным, голосом глупой женщины…

На заднем дворе стояла тишина. Гараж Юхансона просматривался среди кустов вместе с частью сарая, где хранились его инструменты, но самого Юхансона не было видно.

«Он боится меня, – думал Томпсон. – Крестный отец Юхансон очень боится меня!»

Вторая сигарета этого дня выкурена, а окурок спрятан в жестянке-пепельнице под кроватью. Настало время казни критикой. Книга называлась «Новые космические пространства». С внутренней стороны обложки книги, выданной на дом публичной библиотекой, был изображен типичный мартовский ландшафт. Томпсон открыл книгу на странице, где остановился в прошлый раз, и продолжил чтение, делая микроскопические заметки на полях. Его почерк при помощи красивой шариковой ручки был крайне мелок, словно какое-то насекомое окунало свои ножки в чернила и быстро и смешно бегало по бумаге.

«Ошибка! – написал Томпсон. – На странице 60 говорится об отсутствии кислорода. Здесь разыгрывается, ничтоже сумняшеся (вообще-то, по-идиотски), любовная сцена. Слова „трепещущая жара“ употреблены три раза на последних четырех страницах».

Он продолжал читать, подчеркивая слова «мрачнеющее космическое пространство».

«Этот писака, – отметил Томпсон на полях, – болезненно влюблен в мрачнеющее, мерцающее (в известной степени в пылающее), а также в сумерки. Все герои мужеского пола ухмыляются, у них спокойные глаза, а высказываются они либо издевательски, сухо, либо со сдержанным гневом. Женщины, когда не орут, главным образом тяжело дышат и шепчут».

Комментарии мистера Томпсона нашли для себя самую благоприятную почву в жанре научной фантастики. В более молодые годы (когда ему было около пятидесяти) он погрузился в поэзию, но счел эту форму выражения беззащитной и, собственно говоря, не требующей комментариев. Прочитав восемь страниц книги «Новые космические пространства», Томпсон прекратил свою предполуденную игру и вытащил книгу, полученную от друга – Йеремии Спеннерта. Иногда, в минуту удрученности, он имел обыкновение читать какой-либо отрывок из этого обстоятельного труда Гегеля только ради того, чтобы вспомнить и почтить своего друга из Сан-Франциско.

---

[15] Дева, незамужняя девица *(швед.)*.

[16] Рубиновый камень *(нем.)*.

3

Это надолго засело в тот день у мисс Фрей в голове: она не могла забыть свое поражение на веранде, весь этот детский, чуждый ее стилю скандал, и глаза миссис Рубинстайн, и ее преисполненный презрения голос, и свое бегство в вестибюль – в свою стеклянную клетку. Стеклянную клетку для ведения бухгалтерских книг, забытую всеми. Но она все же продолжала свою работу, тщательно вписывая в свои книги последние цифры и сверяя их, связывая в пачки квитанции на оплату, пока все не становилось таким, как должно…

Со счетами за эту неделю отправилась она в комнату мисс Рутермер-Беркли. Она не спускала глаз с двери Томпсона под лестницей, как раз в том самом месте, где коридор заворачивал за угол. Там он обычно стоял, этот старый негодяй, за самой дверью, и прислушивался. Он узнавал звуки ее шагов и совершенно неожиданно выскакивал, выкрикивая какие-то безликие слова, только чтобы напугать ее, и всякий раз она точно так же боялась снова.

«Я живу в детской комнате, – думала мисс Фрей. – Ни один человек не знает, какая жестокость скрывается в детской!»

Дверь Томпсона приближалась, мисс Фрей тщательно наблюдала за ней, она не спускала бдительного ока с замочной скважины и с яростной быстротой повторяла себе все то, что можно высказать злому старикану, высказать высокомерно, сокрушающе и независимо. Но дверь оставалась закрытой, и ничего на этот раз не произошло.

Мисс Фрей прошла дальше по коридору в угловую комнату и в приступе внезапно овладевшей ею слабости прислонилась лбом к стене и немного переждала. Затем постучала в дверь, и высокий тонкий голос ответил ей из комнаты – любезный, старческий голос мисс Рутермер-Беркли.

Ее угловая комната всегда покоилась в приглушенном освещении, дневной свет опускался в комнату, проникая через плотное белое кружево гардины, совершенно лишенной какой-либо тени. Под хрустальной люстрой овальный стол окружали обитые бархатом стулья с прямыми спинками, их было пять.

Мисс Фрей быстро подошла к столу и объяснила, что принесла недельный расчет, выполненный в той степени, в какой ей удалось его составить, все должно было соответствовать: возможно, не каждая квитанция расположена в хронологическом порядке.

– Да, дорогая мисс Фрей! – ответила владелица «Батлер армс». Понимаю, вы снова здесь со своими бумагами. Как мило!

Каждую неделю старая дама просматривала бумаги мисс Фрей. С ее стороны это была почти галантная формальность. Цифры утомляли хозяйку, они больше ничего ей не говорили, и мисс Фрей это знала. В полном молчании открывалась папка. Очень маленькие высохшие ладони, тонкие, как листочки, поднимали одну бумагу за другой, чрезвычайно медленно переворачивали одну страницу за другой и снова опускали их на стол.

«Она только делает вид, – думала мисс Фрей, – но в любом случае она должна просмотреть расчет, должна…»

Ручки мисс Рутермер-Беркли все время медленно дрожали. Ей – девяносто три года! Как можно так ссохнуться и стать такой маленькой! Мертвые птички точно так же ссыхаются и белеют. Все становится хрупким, сосредоточенным на внутренних, частных проблемах, далеких от импульсов внешнего мира…

Мисс Фрей думала, что красивая угловая комната состарилась с такой же иссушающей душу чувствительностью, а старая мебель на ее тоненьких ножках… да еще столько накрахмаленных кружев и истертого шелка… все краски здесь поблекли, а все белое пожелтело.

– Вполне безупречно, – сказала мисс Рутермер-Беркли. – Мисс Фрей, вы разрешите предложить вам стаканчик шерри?

Но мисс Фрей не хотела шерри. Не лежало ли у нее еще что-нибудь на сердце? Быть может, он – Томпсон – по-прежнему не платит за наем? А миссис Рубинстайн курит в гостиной?

Мисс Рутермер-Беркли, вздохнув, сказала:

– Давайте расслабимся хоть на мгновение. Возможно, нам необходима чашка чая, да, это самый полезный напиток, дабы сохранить спокойствие и предаться размышлениям. Линда принесет нам по чашечке чая.

Они молча сидели в ожидании. Налив им обеим чай, Линда остановилась на пороге и одарила их своей долгой сияющей улыбкой, а затем чрезвычайно тихо закрыла за собой дверь.

Мисс Рутермер-Беркли поведала мисс Фрей, что сначала была абсолютно сбита с толку улыбкой Линды. Ей казалось, будто эта ошеломляющая манера улыбаться – пролог какой-то особого рода доверительности, что эта улыбка – подготовка какого-то сюрприза – сообщения или радостной вести. Теперь же, между прочим, она поняла: улыбка Линды была попросту феноменом, говорила о пристрастии к наслаждению и выражала интерес к наблюдению за окружающим, была примерно тем же, что потрясающей красоты ландшафт.

Это, впрочем, никоим образом не отменяло чувства ожидания.

– Ожидание, мисс Фрей, становится со временем редким качеством, которое дóлжно заботливо лелеять.

– Да, – ответила мисс Фрей. – Разумеется!

Ее работа для «Батлер армс» была бессмысленна, если никто ее не видел, и не понимал, и даже не интересовался ею, никогда не критиковал, никогда не хвалил ее, наконец, никогда ни о чем не расспрашивал. Точно так же было в банке: она – безликая банковская барышня за служебным окошком, она никогда не ошибалась, никогда не допустила ни единой ошибки.

– Возьмите печенье, – предложила мисс Рутермер-Беркли.

– Да, так вот: я смотрю на Линду, словно любуюсь красивым ландшафтом, что приносит умиротворение глазу.

– Да-да, – согласилась мисс Рутермер-Беркли, – она красива. Она встречается с охранником с «Баунти», его зовут Джо. Я видела, как он иногда рано утром выходит из «Батлер армс». «Баунти»! – задумчиво повторила старая дама и продолжила: – Охранник с «Баунти»? Неужели они нуждаются в охраннике в нынешние времена?

– Из-за туристов! – раздраженно воскликнула мисс Фрей. – «Баунти»… Вы помните этот исторический бунт на «Баунти», а теперь он стал еще и кораблем из фильма, и им необходим красивый парень на борту. Кто-то написал еще книгу об этом. А парня зовут Джо!

– Книга написана мистером Нордхоффом и мистером Холлом, – вежливо и предупредительно сообщила мисс Рутермер-Беркли. – Прошу вас запомнить, что книгу «Мятеж на „Баунти“» написали два господина. Вы устали, мисс Фрей, и, боюсь, вы слишком серьезно относитесь к своим обязанностям. Не следует ли вам взять небольшой отпуск?

Кэтрин Фрей заплакала, облокотившись о стол. Она плакала, закрыв лицо руками, и вдруг так же внезапно, как начала плакать, перестала.

– Это господин Томпсон докучает вам больше всех? – спросила старая женщина.

Кэтрин ответила:

– Не знаю. Все!..

Мисс Рутермер-Беркли осторожно поднялась и, опираясь на свою мебель, добралась до углового шкафа.

– То, в чем вы сейчас нуждаетесь, – сказала она, – это немного пилюль. Эту коробочку я получила в молодости от одного кавалера, изучавшего медицину. Насколько я помню, я использовала как-то всего лишь одну пилюлю. Бóльшую часть я раздала, когда это было необходимо, но четыре еще остались. Их я даю вам, мисс Фрей. И предлагаю провести послеполуденное время с комфортом для себя.

Когда мисс Фрей ушла, мисс Рутермер-Беркли открыла свои учебники французского языка; ей предстоял длинный, никакими заботами не нарушаемый вечер. *«Qu'est-ce que vous voulez?*[17] – ласково пробормотала она. – *Jamais, jamais de ma vie. Toujours*[18]. Как это красиво звучит! Как, должно быть, прекрасна Франция!»

Только когда ей исполнилось девяносто, мисс Рутермер-Беркли начала спрашивать себя, не прошла ли ее долгая жизнь мимо того, что в стародавние времена именовалось «сердечной радостью»? Чересчур суровое воспитание, возможно, внесло свою лепту в случившееся, но главным образом, и она сознавала это, во всем была лишь ее собственная вина. Очертя голову, да и вопреки собственному разуму, стремилась она к совершенству и, таким образом, жила в постоянном страхе: не оставила ли она вчера незаконченными свои повседневные дела, поступки, беседы; и не уходил ли страх перед завтрашним днем, который дóлжно было сформировать так, как она того желала и требовала от самой себя. Затерявшись в будущем и прошлом, она не могла жить в своем настоящем, в своем личном мгновении. Собственно говоря, очень жаль… Да и это, несомненно, упущение, которое не обрадовало бы ни единого человека. Меж тем все они умерли, да и едва ли у нее оставалось время горевать о содеянной ошибке, что стала к тому же до такой степени старой, наивной и старой…

Мисс Рутермер-Беркли начала вспоминать свою отринутую радость и с удовольствием заметила, что та все еще свежа и не растрачена, хотя возможности активной деятельности для нее и ограниченны. Уроки французского чрезвычайно развлекали владелицу «Батлер армс». Вообще-то, сама идея радости сосредоточилась для нее ныне в абсолютных мелочах, порой исключающих друг друга… например, в отказе от старой привычки или же просто дозволении самой себе иметь возможность оставить что-то недоделанным или нерешенным, а то и позволить себе настоящую роскошь – отменить ненужный и неприятный ход мыслей.

Мисс Рутермер-Беркли развила уже в свои девяносто лет весьма разнообразную, изобилующую нюансами способность направлять по совершенно другому руслу ход своих наблюдений и воспоминаний. Благодаря сложной системе шлюзов, которая частично управлялась ее подсознанием, она являла на свет только отмеченные радостью события и то, что почитала годным к употреблению… Она навечно заблокировала большой, воспаленный воображением участок мозга – дельту. Она практиковала ныне совершенно новые иррациональные мысли. И естественно, хозяйка «Батлер армс» признавала вместе с тем очень многие из тех явлений, что, видимо, сохраняют значение в силу своей преходящей ценности. Другими словами, то было нагромождение банальных выводов, которых придерживались ее предки, влача их через всю свою жизнь, ибо никогда не могли придумать ничего лучшего.

Как бы там ни было – она радовалась, что поспешности и страху в ее жизни пришел конец!

Самым прохладным местом в доме был вестибюль, где в дальнем углу ютилась стеклянная клетка мисс Фрей. Вестибюль почти всегда бывал пуст, его посещали лишь обе фрёкен Пихалга, обычно сидевшие рядом за колонной. В этом длинном помещении было полным-полно четырехгранных белых колонн, возведенных, дабы проходить меж ними, направляясь на второй этаж в гостиную и на веранду.

На веранде все было белым: плетеная мебель, пасхальные лилии миссис Хиггинс и рамки, украшавшие загадочные групповые снимки со смотрящими прямо перед собой белыми лицами стоящих, сидящих и лежащих рядами людей. Пенсионеры в диковинных шляпах, сгрудившиеся для группового снимка. Справа и слева от этих боязливых, тесно сжатых групп фотограф оставлял довольно заметные поля неопределенно-серого фона.

---

[17] Что вы хотите? *(фр.)*

[18] Никогда, никогда в жизни. Всегда *(фр.)*.

– Эта комната спокойна и красива, – сказала фрёкен Пихалга.

Ее сестра, не прекращая чтения, только кивнула в ответ: на какой-то краткий миг их руки соприкоснулись.

Мисс Фрей они были не по душе. Всякий раз, отрывая взгляд от своих бумаг, она видела их – ужасно тощих, и у каждой – свой собственный ястребиный профиль, склоненный над книгами. Никто не знал, чтó они читали. Никто не знал больше того, что некогда, в двадцатые годы, они прибыли с Балтики в Европу. Они всегда перебирались в вестибюль, когда на веранде становилось слишком жарко.

«Старые вороны, – думала мисс Фрей, – неудачницы с вытянутыми лицами. Боже, какое здесь кладбище!»

Поскольку у сестер Пихалга были одни и те же воспоминания, те же самые мнения и недуги, они нечасто беседовали друг с другом. То, что они говорили, носило скорее интимный характер, своего рода спокойное узнавание, концентрацию близости и прав на тебя другой сестры. Читали они постоянно. Порой, когда одной из них встречалась какая-либо занятная формулировка или интересное высказывание, она тихонько притрагивалась к руке сестры, а та опускала свою книгу на колени, дабы прочитать указываемые ей строки. Затем они, придвинув стулья совсем близко друг к другу, продолжали свое занятие. Их кроткая, медленно текущая, тихая совместная старость была, возможно, той наградой, которой они считали себя удостоенными после жизни, полной непредвиденных, непрерывных перемен, вечных отъездов, постоянных встреч с новыми людьми, которые хотя и оказывались совсем рядом, но отнюдь не становились им близкими.

Сомнительно, чтобы постояльцы пансиона «Батлер армс» уважали окончательно сложившийся образ жизни сестер Пихалга или же просто-напросто думали: «Обе фрёкен скучны». Во всяком случае, они оставляли сестер в покое, а их поведение вовсе не комментировали.

Пожалуй, главную роль играло тут некое небольшое опасение, какое-то нежелание, которое нельзя облечь в слова. Фрёкен эти были ужасающе и откровенно стары, и даже не годами, а тем, что они, казалось, не обращали внимания на ход времени и на возможное его для них прекращение. Своим видом и молчаливостью они как бы служили напоминанием…

Никто не спрашивал их, что они читают, хотя обложки книг из библиотеки, выдававшей их на дом, всегда были одинаковы.

«Политика», – думала и миссис Рубинстайн, но произносила вслух это слово, по всей вероятности, только ради того, чтобы удивить других.

«Майами, – подумала мисс Фрей. – Отправиться бы туда. Никаких неудачниц в вестибюле, никакого старого черта в комнате номер четыре, никакой веранды… Теплый песок, оркестр в отеле… я пью бренди на террасе…»

Она поискала гарантийный талон на холодильник и стала вытаскивать один за другим ящики. После небрежных поисков она снова задвинула ящики обратно и начала думать с самого начала: «Нет, вовсе не Майами. Никаких красивых людей, которые танцуют и бросают мяч на пляже, нет – не Майами! Я никуда не поеду».

Она снова вытащила верхний ящик, и там как раз и нашелся гарантийный талон. Она позвонила на фирму. Никто не ответил, и мисс Фрей вспомнила, что сегодня воскресенье. То был день, предназначенный для отдыха и раздумья. Не заперев дверь стеклянной клетки, она поспешила выйти в вестибюль, пересекла задний двор и, войдя без стука к Юхансону, смотревшему телевизор, сказала:

– Холодильник! Он не работает. Вот гарантия, так что вы, Юхансон, можете позвонить на фирму завтра.

– Положите на стол, – ответил он.

Положив гарантийный талон на стол, она, раскаленная до предела, подумала: «Если когда-нибудь мне не придется нести никакой ответственности вообще, я ни в коем случае,

никогда не войду в дом других людей! Никогда не войду в их комнату и не пройду даже мимо этих комнат! Они ужасны и недоступны, когда прячутся в своей дыре со всеми своими вещами».

Она ждала, стоя за его спиной. Через некоторое время она сказала, что лужайка так красиво подстрижена…

– Да, она подстрижена, – не поворачивая головы, ответил Юхансон.

Мисс Фрей вышла. Разумеется, виноват Томпсон. Томпсон снова раздразнил Юхансона и налетел на него, словно злой дух! Она-то знала! Такой добряк, как Юхансон, не становится холодным и грубым из-за того, что сегодня воскресенье!

Задний двор покоился, опаленный жарой, в тиши своих стен; она прошла между кустами прямо под окнами Томпсона. Дерзко и не маскируясь, уставилась она на Томпсона, сидевшего на своем месте с перекошенным лицом после одному лишь Богу известно когда случившегося с ним паралича и с гигантскими бровями, что делало его похожим на обезьяну.

Кэтрин Фрей подошла ближе. Без малейшего предлога, не отворачиваясь, смотрела она прямо на него – так, как смотрит животное на своего врага, и именно в такой момент оно ужасно…

Слабый ветерок шевелил листву, и тени меняли свои очертания. В какой-то миг Томпсону показалось, будто женщина, стоявшая за окном, оскалила зубы. А может, она плакала. Он отодвинул стул подальше в комнату и попытался продолжить чтение. Через некоторое время он, злясь, снова вернулся к окну, но зелень, как обычно, была нетронута и красива.

– Тигрицы и самки из племени шакалов, – самому себе сказал Томпсон. – Я живу в джунглях!

Собственно говоря, Томпсон не очень докучал кому-либо, пока держался в своей комнате, но он нарушал гармонию в «Батлер армс» тем, что никогда не мог сохранять ровные отношения с Юхансоном. Он заставлял Юхансона злиться и, что было общеизвестно, делал это намеренно. Долгими часами, сидя в зеленом полумраке у своего окна и вглядываясь в кусты на заднем дворе, он пристально выслеживал, чем занимается Юхансон.

Среди листвы виднелась лужайка и часть дома Юхансона. Дома со скошенной крышей, склонявшейся к стене со стороны Лас-Уласа, а все вместе это было едва ли больше длинного сарая. Там у Юхансона имелись две комнаты, гараж и открытый сарайчик с его инструментами, садовыми лопатами, с лейками и с корзинами для бутылок.

Юхансон был шведом и однажды переплыл океан прямо из Гётеборга. Сейчас ему шел шестьдесят первый год, и он был весьма доволен тем, что имел и чем занимался. Тихий, не глядя людям в лицо, обихаживал он то, что следовало обихаживать в пансионате. Обремененный всякого рода хлопотами, он справлялся с ними в своем темпе, иногда после краткого совещания с мисс Фрей.

Обе его комнаты были опрятны и безлики, он регулярно и без особой фантазии питался в одной, а в другой спал и смотрел телевизор, не раздражаясь и не удивляясь ничему, что видел на экране. Для пансионата «Батлер армс» было небезразлично то, что там служил Юхансон. Казалось, он утверждал: существование, бытие – обычное дело, которое можно упорядочить. Постояльцы и он сам не имели обыкновения болтать друг с другом, но было приятно просто наблюдать, как он хлопочет вокруг дома, неторопливо бродит туда-сюда, всегда на пути к чему-то, что не в порядке, но вскоре должно функционировать так, чтобы соответствовать вашим ожиданиям.

Гнев, пробуждаемый в Томпсоне Юхансоном, был совершенно непонятен даже ему самому. Сидя много месяцев у своего окна, он следовал вместе с Юхансоном в его неспешных странствиях – в столярную и в сарай с инструментами. Юхансон мирно брел то туда, то обратно – с лопатами, граблями и электропроводами, жестянками с мастикой или краской, с удобре-

нием для растений и крысиным ядом. Но это всегда были исключительно важные и нужные жестянки, которые предназначались для важных дел.

И пока время шло, Томпсон гневался все больше и больше, сам не зная почему.

Позднее он пытался дразнить Юхансона, пытался заставить его разозлиться или шокировать его, но Юхансона было ничем не пронять, даже мерзкими высказываниями о Гётеборге. А позднее, в один злосчастный день, Томпсон обнаружил его слабое место: Юхансон терпеть не мог, когда кто-нибудь брал его вещи. А вещей у него было великое множество. Он любил свои инструменты, образцово содержал и смазывал их маслом, он любил лопаты, грабли и все прочее в этом роде, любил неизменно исправный, обихоженный рабочий инвентарь для своего садика – таинственные жестянки, шланги, электрические провода, машины. Да, машины он любил больше всего, но всем им предпочитал автофургон, стоявший в его гараже. Автофургон был без единого пятнышка, и Юхансон ухаживал за ним, как за ребенком.

Вот так все и начиналось. Юхансон привык бояться Томпсона и утратил покой. Происходило это примерно так: Томпсон подходит, хромая, к нему, взглядывает исподлобья и спрашивает:

– Может, у тебя есть доступ… – и тут он делает садистскую паузу, – может, у тебя есть доступ к стамеске поменьше? К острой?

И Юхансон видит уже свою стамеску уничтоженной в консервной банке, в замке, стамеску, попавшую бог знает в какую ужасную ситуацию… Лицо его искажается от боли, и он проходит мимо…

Постепенно Томпсон становился все более и более изощренным. Он хотел бы одолжить рубанок, точный измерительный прибор, дрель… Он становился все более и более изобретательным, хотя ему ровно ничего не одалживали, однако же вопросы его порождали страх в мире Юхансона. Каждый новый вопрос обрисовывал резко очерченную картину уничтожения его безупречности, совершенства этого мира. И картины этого уничтожения преследовали Юхансона, отравляя его спокойные странствия вокруг пансиона «Батлер армс». «Этот черт, – думал Юхансон, – если б этот старый черт хоть что-то понимал в дрелях, он попросил бы меня одолжить ему мой „Дабл Даймонд“, мой „Стэнли“…»[19] И одна лишь мысль об этом поражала его, словно удар электрического тока по зубам. Томпсон вытягивал шею, сидя в своей комнате у окна под сенью листвы; там, в своем садике, он ходит, словно Крестный отец, занимаясь своими делами, и знает, как всему должно быть, а для всего, что не работает, есть у него свой придуманный им лично специальный инструмент – инструмент, который можно употребить только для одного-единственного благословенного дела. Ох уж этот Крестный отец Юхансон со всеми своими кнопками для звонков и воронками!

Теперь, много позднее, отношения Томпсона с Юхансоном достигли апогея и доставляли множество неприятностей обитателям пансионата. Гибискус[20] в «Батлер армс» стоял в цвету, и однажды ранним утром Томпсон вышел из дома и оборвал все цветы. Найдя в гараже клей, этот «старый черт» залез в автофургон и там на приборной доске принялся накрепко приклеивать цветки гибискуса к каждой кнопке. Чего же он добился и ради чего все это затеял – так и осталось совершенно непонятно.

Юхансон пожаловался мисс Фрей, раньше он никогда не жаловался. Дело дошло и до мисс Рутермер-Беркли. В ответ на требование наказать виновного она возразила:

– Дорогая мисс Фрей, нам не должно проявлять опрометчивость. Подобное поведение нельзя однозначно квалифицировать, равно как и то, что мы называем душевной болезнью.

---

[19] *«Дабл Даймонд»* – одна из моделей дрелей фирмы «Стэнли Бриджес».

[20] *Гибискус* – род растений семейства мальвовых. Вечнозеленые или листопадные деревья и кустарники.

Она рассматривала свои руки, что часто делала, принимая в какой-то момент трудные решения, и объяснила, что грань между просто непостижимым и абсолютным помутнением рассудка определить очень сложно.

– Мы не можем знать, какими неисповедимыми путями движутся мысли и представления старцев. Вполне возможно, что, согласно мыслительным образам Томпсона, существует объяснимая идея в параллели: гибискус – приборная доска автофургона.

Тем самым владелица пансионата никоим образом не желала отрицать, что мистер Томпсон пытался выглядеть отвратительно.

– Но помутнение рассудка, мисс Фрей, – дело серьезное. Это обвинение, которое совесть не позволит нам взять на себя! – произнесла хозяйка.

– Откуда же нам знать! – воскликнула мисс Фрей. – Откуда нам знать, чем кончит один и что начнет вытворять другой! В один прекрасный день он спалит весь дом!

Желая отделаться от нее, мисс Рутермер-Беркли ответила, что абсолютное знание – немыслимая вещь, и с этими ее словами беседа прекратилась.

Потом она подумала, как правильно было твердо настаивать на своем в силу присущего ей возраста и интуиции. Ей хотелось бы защитить тот избыток рационализма, который копится в течение всей долгой жизни. Она полагала, что подобный излишек – естественный продукт пережитого и, стало быть, вполне объясним, так что незачем беспокоиться. На свете есть множество людей, профессия которых состоит исключительно в том, чтобы давать объяснения. Для нее же имело значение лишь следующее:

– Наши постояльцы живут здесь и имеют право претендовать на защиту. За пределами Сент-Питерсберга вырвалось на волю всякого рода злое безумство и дикость… Тут уж ничем не поможешь! Но я возвела дом над тем безумством, что безобидно. И ему должно по-прежнему обитать в мире и покое до тех пор, пока я жива.

4

Над комнатой мисс Рутермер-Беркли жила миссис Моррис. Во время кратких сумерек она имела обыкновение подходить к окну и смотреть, как волшебный корабль «Баунти» зажигает огни. Каждый вечер оснастка корабля освещалась огнями иллюминации. Ах, эти темно-синей глубины теплые вечера, столь далекие от родного штата Небраска!..

Улица, такая же пустая вечером, как и днем, прямая широкая эспланада, освещенная неоновыми лампами, напоминала порой театральную сцену, где только что подняли занавес. Далеко-далеко на заднем плане виднелся пришвартованный у пирса корабль с двойными рядами желтых фонарей на палубах.

Для каждого, кто посетил Сент-Питерсберг, казалось естественным прежде всего подняться на борт «Баунти», и все постояльцы «Батлер армс» давным-давно там побывали. Однако миссис Моррис все еще одолевали сомнения: возможно, «Баунти» красивее всего на расстоянии. Ей хотелось сберечь свое собственное представление об этом огромном спящем корабле.

В Страстную пятницу Элизабет Моррис проснулась в сумерках; ее слегка знобило, и ей показалось, будто настало утро. Поняв, что уже вечер, она совершенно нелепо почувствовала себя удрученной. Причины для грусти не было никакой, теперь ее больше не было, и она это знала. А спать среди бела дня – вовсе не стыдно. Но каждый раз, когда это случалось, на нее нападало одно и то же боязливое ощущение потерянного рабочего времени, муки той же самой нечистой совести, которые долго не проходили.

В доме стояла тишина, но внизу кто-то смотрел едва слышный отсюда телевизор. Миссис Моррис накинула на плечи плащ и подошла к окну: корабль был освещен. «Музыка за кулисами, – здраво подумала она, – прекрасная картина корабля на фоне вечернего неба в самом начале фильма или, возможно, в конце. С моей собственной, принадлежащей мне музыкой. Вообще-то, я сочиняла очень хорошую музыку…»

Пока она разглядывала гирлянды светящихся лампочек, великолепная картина пред ее глазами внезапно утратила свое содержание, утратила очарование всех долгих вечеров – вечеров, походивших один на другой, словно жемчужины, нанизанные на одну нить. И миссис Моррис увидела, что эти светящиеся точки с таким же успехом могли бы висеть и над бензоколонкой.

Она заинтересовалась этим явлением. Лишая корабль его сказочности, вырывая его из юдоли грешной земли, она представила себе Тиволи[21] у моря. Это было легко, стоило только услышать другую музыку. Она подумала: *«Stille Nacht»*[22], мысленно превратив лампочки в рождественскую иллюминацию. Наконец корабль совершенно исчез, театральная кулиса на заднем плане сцены стала совершенно безликой, произвольной. Элизабет Моррис отошла от окна. Взяв свою трость, она стала как можно беззвучнее спускаться по лестнице.

Они сидели в гостиной, шла пасхальная программа, и никто даже головы не повернул, когда миссис Моррис вышла на веранду и проходила мимо. Отдаленные звуки органа, рыдающие и горестные, следовали за ней еще некоторое время, потом же она слышала лишь звуки шагов своих собственных ног, обутых в широкие сапожки, идущих все дальше и дальше по тротуару, да резкий, мерный, с интервалами в три такта, стук трости. С моря дул ветер, и шелестели пальмы; нынешним вечером на улице не было ни души.

Там, где кончался город, пересекла она песчаную прогулочную дорожку на берегу и вышла к набережным. Пирс покоился во мраке, окруженный высокими стенами объявлений,

---

[21] *Тиволи* – парк с аттракционами и ресторанами, место развлечений, театров, чрезвычайно распространенное в Скандинавии.

[22] «Тихая ночь» *(нем.)*.

этими гигантскими дисками, стоявшими на крепких ножках и скрепленными стальными тросами. Моря не было видно.

Миссис Моррис вытянула шею и попыталась расшифровать эти громадные картины и буквы: «Музей цирка в Сарасоте»[23], «Круиз при лунном свете в Тампе…», «Алоха»…[24] «Мечта о Таити – мифический корабль „Баунти“». Корабль был укрыт за частоколом из гладких бревен. В дальнем конце дверь и запертая касса. Перед палисадником качались на ветру ветви больших темных деревьев, шелестели заросли сахарного тростника, а земля была усеяна упавшими цветами.

Высоко наверху колыхались клотиковые огни[25] пришвартованного корабля. Кинокамера могла бы зафиксировать их, пройти мимо пирса, и города, и всего мира, чтобы только произвести съемку этих фонарей и постоянно повторяющихся спокойных движений верхушек мачт на фоне вечернего неба. Символ моря, корабля и приключений, музыка на заднем фоне, *fade out*[26].

Прямо напротив, на другой стороне пирса, находились бензоколонка и «Клуб пожилых» – низкое цементное серое здание. Огромное поле стоянки автомашин было пусто. Разыгравшийся ветер кружил над асфальтом рваные газеты, которые то падали, то снова взлетали. Было холодно.

Можно ли предоставить кинокамере право запечатлевать и отвергать, обрисовывать целые картины красот, а ненужное – оставлять нерешенным? Мыслимо ли это?

«Разумеется, – думала Элизабет Моррис. – Так оно и есть. Но это абсолютно невозможно».

Она начала мерзнуть и тем же путем вернулась в пансионат.

После проведенного вместе субботнего вечера Баунти-Джо и Линда возвращались домой, они шли вместе столь легко и так близко друг от друга, что движения их напоминали сдержанный таинственный танец. Серебряный пояс Джо тяжело свисал на бедра, пряжка пояса представляла собой две большие распростертые руки. Знак Иисуса был изображен на изнанке пиджака Джо, он был там – он существовал лишь для него одного.

Когда Джо с Линдой ходили на танцы, они никогда не пользовались мотоциклом, она боялась ездить на такой опасной машине. Теперь она снова заговорила о Силвер-Спринге. Разговоры ее всегда были о Силвер-Спринге, о реке в джунглях и о лодках со стеклянными днищами, о том, чтобы любиться на берегу, а потом плавать в море, о белом песке, о прозрачной воде, о чудесном парке с билетами за один доллар… Когда же они поедут туда?

– Придет время… – обещал Джо, – конечно, придет время, и поедем…

Она спросила:

– А мы успеем до того, как явится Он?

Но Джо не хотел больше говорить о Нем с Линдой, не хотел выслушивать ее разумные утешения, лучше уж просто тосковать в мире и покое…

Она, преуменьшая горе любимого, не облегчала его, а он желал, чтобы все оставалось, как прежде. Во всех окнах было темно, нигде ночь не спит так долго, как в Сент-Питерсберге.

Силвер-Спринг! Его реки не сдерживают своих потоков в пределах города, они бросаются в море! Его купелью был Атлантический океан, а святость его воды столь велика! Все равно что плавательный бассейн с огромной силы напором воды. Там, в Майами, они идут –

---

[23] *«Музей цирка в Сарасоте».* – Речь об американском цирке, расположенном на юго-западе штата Флорида, на побережье Мексиканского залива. Создатели крупнейшего в мире цирка – пятеро братьев Ринглинг.

[24] *«Алоха»* – штат в Гавайях, который называют «Штатом гостеприимства», что связано с развитой инфраструктурой туризма.

[25] *Клот, кло́тик (мор.)* – яблоко, шишка, набалдашник на кончике флагштока. Зд.: огни на кончике флагштока.

[26] Постепенно изменяющаяся четкость изображения или сила звука *(англ.).*

бредут по колено в воде, дабы окреститься. Одни идут медленно, другие бросаются в буруны, словно в объятия, храня свое знание… что никогда больше не будут одиноки! Тысячи людей Иисуса, стоя на берегу, играют на гитарах – их тоже тысячи – в совершенном и свободном ожидании…

Он видел их! Они молча стояли, а ветер развевал их длинные волосы и рваные одежды, и они летали, словно вымпелы… Весь высокий брег салютовал Иисусу! Люди Иисуса обнимали друг друга в воде и, смеясь, взбегали на береговой откос, дабы начать наконец новую жизнь.

Линда подумала: «Теперь он скоро уедет. Он откажется от своей прекрасной работы. Каждый должен решать для себя сам, и тот, кто хочет идти вперед, не должен мешкать. Объятие – милость Мадонны, но вовсе не то, что можно сохранить…»

Они расстались, как обычно, у веранды, она поднялась на крыльцо, а он продолжил путь вниз по улице; на углу он положил руку на перекладину и легким движением перемахнул через забор в сад пансионата.

После полудня, когда небо на западе уже совсем позолотилось, Элизабет Моррис снова вернулась к волшебному кораблю «Баунти». По дороге вниз, в гавань, она увидела миссис Хиггинс, что шла в ту же сторону. У Ханны Хиггинс был с собой небольшой мешочек, и она смотрела на верхушки пальм, нет ли там белок. Сзади ее фигура казалась еще более овальной, чем обычно, по-настоящему черно-овальной, а голова с необычайно крохотным узелком волос выглядела совсем круглой. Она словно сошла с детского рисунка.

Пальмы были также словно нарисованы ребенком. Одни лишь косые, бутылочной формы стволы с неопределенной путаницей наверху. Но вот она зашла за пальму и начала рыться в своем мешочке. Миссис Моррис ускорила шаг и попыталась успеть пройти мимо.

– А, так ты тоже гуляешь на воздухе, – сказала миссис Хиггинс. – Мне немного трудно смотреть ввысь, голова идет кругом. Есть там белки?

– Что-то не вижу, – ответила миссис Моррис, пристально вглядываясь в верхушки пальм.

– Странно! Стоит не взять с собой орешки, как белки повсюду так и скачут. Ты любишь орехи?

– Нет, не особенно.

– Они застревают в зубах?! – как бы соглашаясь с ней, искренне воскликнула миссис Хиггинс. – А оттого, что застревают во вставных зубах, ничуть не лучше!

Она продолжала едва слышными шагами медленно идти вниз по улице и все время без умолку болтала:

– Веселенький этот городок, старики и старухи болтаются тут на каждому шагу, и разве это не отличная идея – собрать нас всех в одном месте? Чтобы нам было хорошо, а мы бы никому не мешали, ни у кого бы не путались под ногами? Здесь немало найдется на что посмотреть, да и все неподалеку! В воскресенье я побывала в городском парке и слушала концерт детского оркестра, который для нас устроили. Ты любишь музыку?

– Иногда, – ответила Элизабет Моррис.

– Да, иногда, это так верно! Музыка – это очень важное дело, и ее ведь все время можно слушать. А красивее всего звучит труба!

– Разве? – удивленно спросила миссис Моррис.

Ханна Хиггинс рассмеялась своим заразительным смехом, что был так неслыханно, не по возрасту молод. И мало-помалу, по-прежнему также шумно и весело стала рассказывать, что ее внук – сын ее сына – трубач! Играй он на саксофоне, самым лучшим в мире был бы саксофон, так уж водится в этой жизни.

У прибрежной прогулочной тропки она остановилась, поглядела налево, потом направо, но ни одного автомобиля не было видно. Она сказала:

– Теперь можно перейти дорогу!

Миссис Моррис ждала, что услышит больше о ее внуке, но миссис Хиггинс сказала только, что небо сегодня золотистое, и спросила, была ли она на борту «Баунти». Если она идет туда впервые, ей лучше пойти одной.

– Я подожду тебя на воздухе, – сказала миссис Хиггинс. – Там есть удобная скамейка и клетка с маленькими обезьянками.

Заплатив за билеты в кассе, они словно бы вошли на остров Таити, напоминающий мечту, – остров маленький, но очень романтичный. В густой субтропической зелени раскинулись хижины, крытые пальмовыми листьями. Там можно было найти все те сувениры из раковин, кораллов, лавы, бамбука или алебастра, каким только может придать форму превратное, но страстное стремление к красоте. И над всем этим пространством витал сладкий, удушающий запах смазанного маслом дерева.

Наполовину скрытые кустами, виднелись домики, где находились туалеты, а также кафе и буфеты, где можно было освежиться, где продавались соки, разные напитки, фрукты и конфеты. Красивая и очень нарядная девушка предлагала сувениры – маленькие пиратские суденышки и пластмассовых русалок.

– Здесь я и сяду, – сказала миссис Хиггинс. – Не экономь время, ведь здесь можно многое посмотреть.

У обезьянок в их клетках были шарообразные белые мордочки с черными глазенками и черным же носиком, маленькие меланхолические черепушки-скелеты. Миссис Моррис пошла дальше, она видела тотемные столбы и аутригер[27], полностью облепленный иглистыми глубоководными раковинами, и остановилась перед фигурами из фанеры: «Я на Южном море»[28] – гласила надпись под одной из них, две другие оказались «таитянцем и таитянкой в натуральную величину». Он – в синем мундире, а она – в юбке из полос лыка. Головы ни у одного из них не было. За пятьдесят центов можно было отдать им свою собственную голову и сфотографироваться.

А теперь, только теперь Элизабет Моррис подняла глаза и стала рассматривать «Баунти». Она ничего не знала о кораблях, но видела, что это судно изумительно красиво. Золотистая и темно-сине-черная, высоко на фоне неба поднималась в невообразимой красоте парусная оснастка корабля. И берег вокруг миссис Моррис исчезал, когда она шла к ожидающему ее «Баунти».

Джо стоял у сходней. На голове у него красовался венок из пластиковых орхидей.

– Привет! Алоха! – сказал он с легкой профессиональной улыбкой и протянул ей искусно сделанный цветок гибискуса. Однако цветок был жесткий и вызывал неприятное ощущение в руках.

– Привет! – поздоровалась миссис Моррис. – Разве не на Гавайях говорят «алоха»? Так же приветствуют и на Таити?

– Не знаю, – ответил Джо. – А что? Это так важно?

Стало быть, это был тот самый Джо с мотоциклом, Джо, которого любила Линда. Миссис Моррис сняла солнцезащитные очки и объяснила, что он абсолютно прав: приветствие имеет ценность само по себе и в переводе не нуждается, после чего она поднялась на борт.

Автобус с туристами из Таллахасси[29] еще не пришел, и она оказалась одна на палубе. Просторная лощеная палуба в ее мирной протяженности и законченное, совершенное соответствие ее частей вызвали восхищение Элизабет Моррис. Наконец-то она увидела вокруг себя планомерность в чистом виде, мир, исполненный окончательного, не подлежащего пересмотру или отмене смысла. Здесь не было ничего случайного и ничего ненужного.

---

[27] *Аутригер* – академическое гоночное судно с уключинами для весел за бортом *(мор.)*.

[28] *Южное море* – устаревшее название Тихого океана.

[29] *Таллахасси* – город на севере штата Флорида, в 40 км от Мексиканского залива.

Испытывая почти благоговейные чувства, миссис Моррис спустилась вниз в трюм. Застывшее низко над горизонтом солнце окрасило кормовую часть судна темно-золотистым сиянием. Нигде, и она это прекрасно понимала, так не обихаживают место, где живешь, как на корабле. Каждая деталь была искусно выточена и отделана, каждая поверхность тщательно отполирована, беспредельно чиста, а медь и дерево отливали цветом меда или коричневого лоснящегося сиропа. Высоченные окна отбрасывали четырехугольный сноп света аж к самым ногам. «А когда умрешь, – с внезапно проснувшимся интересом подумала миссис Моррис, – когда, стало быть, покинешь свою комнату…» Пожалуй, было бы возможно – да, это мысль – оставить им сверкающую пустотой комнату, освобожденную от всяких вещей и чистую, как палуба. Ничего пролитого, никакого беспорядка – признака того, что тянется следом за исполненной усталости жизнью, за привычкой и забвением, этим мусором проведенных дней, позорной слякотью бытия.

Внезапно ей пришли на память слова: «Что-то медленно трещало в корпусе корабля» – предположительно, цитата из какой-то приключенческой книжки, одной из тех, что она так любила читать…

Она прошла дальше в идеально ухоженное помещение и увидела неподвижного и озабоченного капитана, склонившегося над картой. Он опирался руками на стол. Он был из воска.

«Нет», – прошептала Элизабет Моррис.

Повернувшись, она поспешила стыдливо убраться отсюда прочь, прочь от этого странного корабля, где и нашла всех этих корабельщиков, одного за другим застывшими в позе напряженной бдительности, страха или гнева, нашла их всех – давным-давно почивших в бозе и непристойно воплощенных в воске.

Миссис Моррис охватил страх, она хотела поскорее подняться на палубу, но не смогла найти лесенку. Наверху, на потолке, включились громкоговорители – звуки, похожие на гавайскую гитару, размягчающие душу, неотшлифованные звуки, будто падающие на нее сверху…

Она попала в полосу голубоватого света неоновых ламп, и там, в своей каморке, при свете собственного своего прожектора лежал он, умирающий в одиночестве человек с открытыми глазами и разинутым ртом. Одна рука свисала с края койки, желтая, ужасающая, поросшая черным волосом рука. Он уронил свою фляжку, и темная жидкость призрачным иллюзорным потоком выливалась из нее, растекаясь по полу.

Обернувшись, миссис Моррис обнаружила лесенку. Поднявшись вверх на палубу и взявшись за перила, она оперлась лбом о свою руку.

– Алоха! – произнес Баунти-Джо. – С вами все *all right*?[30]

– Да, *all right*, – ответила миссис Моррис.

Она попыталась разглядеть Ханну Хиггинс и скамейку возле обезьяньей клетки, но с пирса струился поток людей, мешавших ей видеть.

– Старой даме сделалось худо, – сказал Баунти-Джо. – Она уехала домой. Я раздобыл ей машину.

– Ей было очень плохо?

– Не знаю. Она не захотела, чтоб я ее сопровождал. Я бы охотно проводил ее, я это делаю часто. Такое случается здесь все время, уж поверьте мне!

– Абсолютно верно, – согласилась миссис Моррис. – Алоха!

На обратном пути ей попалось множество белок. А на веранде почти все места были заняты.

– Никакой опасности, – заверила ее мисс Фрей. – Ханне Хиггинс лучше, у нее есть все необходимое. Но долгие прогулки неразумны… я ведь говорила, что вам надо отправиться в парк, а не на берег, это слишком далеко.

---

[30] В порядке *(англ.)*.

Миссис Моррис поднялась вверх по лестнице и, постучавшись, сказала:

– Это всего лишь я!

– Войдите, войдите! – ответила Ханна Хиггинс.

Она лежала под покрывалом. А виновниками белых кругов под ее глазами были лишь пальмы.

– Ведь смотреть вверх нельзя, это вредно. Я знаю, что это вредно. Но сейчас меня немного вырвало, и стало легче. Ну как тебе кабинет восковых фигур?

– Он сделан очень искусно!

Миссис Хиггинс устроилась поудобней в кровати и стала смотреть в потолок.

– Странные дыры… – сказала она. – Мне не очень по душе кабинет восковых фигур, но корабль нравится.

Миссис Моррис медленно ходила по комнате… сколько тут фотографий и разных безделушек! Слишком много свидетельств о путешествиях и видов тропических красот… А на самой середине стены – большое бархатное панно с изображением дельфинов на фоне солнечного заката: они были забрызганы каким-то жиром.

При виде всего этого трудно было поверить, что миссис Хиггинс собственноручно выбирала предметы убранства. У нее ведь был внук, игравший на трубе; возможно, имелся и другой – моряк…

– У меня четырнадцать внуков, – произнесла со своей кровати миссис Хиггинс. – Вот здесь их фотографии, а вот там фотографии их родителей. Но тебе эти фото не так уж много скажут, если я не объясню, кто есть кто. Они все нормальные ребята. – И добавила: – А моряк выучится на капитана.

Миссис Моррис переходила от одной картины к другой и наконец, подойдя к кровати, спросила, какую музыку любит и играет внук Ханны – трубач.

– Рок, – устало ответила миссис Хиггинс. – Противный рок! – Она закрыла глаза.

Немного погодя Элизабет Моррис отправилась в свою комнату и там вновь наложила слой синей краски на брови, слой еще более синий, чем раньше.

5

Миссис Рубинстайн сушила высоко поднятые в сложную корону седые волосы у своей парикмахерши. Заполнившая собой весь стул и утончавшаяся снизу вверх, словно кит, она, с ее округлой спиной, которую обретаешь в процессе долгой жизни, выглядела все же очень статной. Мысли ее – великие и мрачные – были обращены в прошлое и вращались, как всегда, вокруг собственной семьи, ее громадной и далекой ныне семьи.

Миссис Рубинстайн была женщиной сильной и властвовала над своими близкими во втором и даже в третьем поколениях. Но все ее близкие жили уже самостоятельно и, казалось, справлялись с жизнью, поскольку она так редко слышала о них в последнее время. Или же они, возможно, помалкивали, потому как дела у них шли плохо. Однако, как бы там ни было, она постоянно воспринимала их всех лишь как сгусток бестолковой энергии на мрачном фоне, напоминавшем гравюры из Библии, гравюры, преисполненные ночных и могучих световых контрастов, изображающих детей Израиля, бредущих по пустыне, или танцующих вокруг золотого тельца, или радующихся на земле Ханаанской.

Она думала о том очень длительном времени, когда ее воля и интеллект формировали новехоньких Рубинстайнов, а также тех, на ком они женились, а также за кого выходили замуж или с кем разводились. Оценивая таким образом свое время, когда она блистала и ощущала свое влияние, дававшее цепную реакцию вкупе со склонностью своих родичей отправляться в иноземные страны, все более и более чуждые и отдаленные, и там продолжать посеянное ею, миссис Рубинстайн казалось, будто она несет с собой, как тяжкое бремя своего семени, весь земной шар.

Чудесно, что ход времени свел мелкие детали в единое целое. События, лица и слова, скользя все больше и больше, сливались воедино в огромное ползущее скопище потомков, заполонившее всю землю. Один только сын ее – Абраша – был абсолютно ясен. Детство Абраши, его юность и средний возраст – они никогда не меркли в ее памяти.

– Слишком жарко, – заметила миссис Рубинстайн, и парикмахерша, ослабив горячий поток воздуха из сушилки для волос, выложила перед ней стопку еженедельных журналов. На обложке была изображена прыгающая в волну купальщица с длинными черными волосами, множеством белых зубов и маленьким круглым животиком, что со временем мог и увеличиться… Возможно, там поселится новый Рубинстайн: подумала старая женщина, ведь они так и кишат повсюду.

Она закурила сигарету и с немалой горечью прищурила глаза, оценивающе разглядывая себя сквозь струйки дыма в зеркале.

Вечером пошел дождик, совсем тихий, медленный, но решительный и окутавший плотной завесой все вокруг, – настоящий весенний дождик, который, возможно, продлится всю ночь. Воздух стал чистым и сладостным, а сад вовсю благоухал. Вдоль авеню зажглись на верандах огни, все обитатели пансионата вышли из комнат, расселись в своих креслах-качалках и смотрели, как льется дождь. Вдалеке гремела гроза, а над «Баунти» сверкнуло несколько молний.

Эвелин Пибоди сидела, сложив бездействующие руки на коленях. Она отдыхала. Запах мокрой травы и шум дождя увели ее в далекое прошлое и в воспоминания, уже не причинявшие боли. Как всегда, думала она о своем отце. Она любила его. По воскресеньям он водил всю семью гулять. Энергичный и возбужденный, он слишком много болтал. Одержимый идеей эмиграции, он не мог даже ничего предпринять.

«Нас было слишком много, – думала Пибоди, – и мы были слишком малы, а мама все время боялась, что нам встретятся змеи или клещи или может начаться ненастье… Папа

бегал вокруг нас, устраивая всех поудобней. Однажды в непогоду он нашел нам сарай, чтобы укрыться от ветра. А однажды пытался даже построить хижину из еловых ветвей, но так и не справился с этим…

– Дорогая моя семья! – говорил он. – Теперь мы – на лоне природы! Садитесь в траву, под зеленую сень деревьев! – Обычно он говорил именно так, когда мы устраивали пикник. – Дорогие детки, я всегда искал настоящий лесной родник, это самое прекрасное. Что доставило бы мне радость – так это показать вам… Но до сих пор, к моему величайшему горю, такого родника я не нашел. Простите ли вы меня?

Но тут начинал накрапывать дождь. Он собирал нас всех под высоким деревом, а мама говорила:

– Если разразится гроза, большие деревья – самые опасные на свете!

А однажды я попыталась объяснить ей, чтó именно мы, дети, думаем об опасности, но, кажется, она меня не слышала. По дороге домой папа часто пребывал в меланхолии. Как могло случиться, что они все до одного умерли?»

Сестры Пихалга, выйдя на веранду, принялись за чтение. Мисс Фрей вынесла свою шкатулку с бисером и стала нанизывать бисеринки одну за другой – голубую, белую, две розовых…

«…Но вот однажды папа раздобыл подвесной лодочный двигатель, совсем маленький, и он почти никогда не работал, – вернулась к своим воспоминаниям Эвелин Пибоди. – Предполагалось, что мы совершим путешествие по реке на плоскодонке, совсем маленькой, но она так и не тронулась с места.

– Будем грести, – сказал он. – Во всяком случае, гребля – гораздо большее проявление личности.

Мама сочла, что, если есть мотор, грести смешно, и тогда папа вытащил двигатель из лодки, и тот упал на дно реки.

– Сколько денег выброшено зря, – возмутилась мама.

– Да, – ответил папа и, расхохотавшись во весь рот, сказал: – Теперь он лежит на дне реки, а мы можем грести сколько угодно!»

Острая боль потери совершенно неожиданно пронзила сердце мисс Пибоди, и она, сжав руки на коленях, склонилась в кресле-качалке.

– Вам нехорошо? – спросила миссис Моррис.

– О нет, со мной ничего дурного… – ответила, отстраняя ее, Пибоди и снова выпрямилась в своем кресле.

«Еще она тут! Носится со своими синими бровями, но никогда не осмеливается показать глаза! Та, что боится музыки!»

Миссис Моррис спросила:

– Не правда ли, дождь приносит уют?

Но «маленькая мышка» снова молча принялась за свое занятие. Тогда миссис Моррис спросила, что за изделие она готовит, но ответа не получила.

«Я опять была слишком молчалива», – подумала Элизабет Моррис, закрыв глаза и прислушиваясь к шуму дождя.

Сидевший рядом с другой стороны Томпсон издал ужасающе непристойный звук.

– Это хороший знак, – заметила Ханна Хиггинс.

Последнюю неделю он, по словам Линды, страдал запором и не желал принимать пилюли.

– Думаю, перемена погоды нам всем на пользу.

Гроза подкатила ближе, и мисс Фрей перешла на тему тайфунов, в особенности того из них, что бесчинствовал в шестьдесят девятом году, что сорвал кроны пальм вдоль половины прибрежной прогулочной тропы. Так пальмы и остались торчать там, словно жалкие огрызки, когда речные волны отступили, а ведь известно, сколько потребуется времени, прежде чем пальмы обретут свой привычный вид!

– Это правда! – качаясь в своем кресле, произнесла миссис Хиггинс. – А бедный отель! Как пострадал…

– Клиентов-то заблаговременно предупредили?

– Да-да, их предупредили!

– А после того, как вода отступила!..

Миссис Хиггинс прекратила качаться и застыла в скорбном ожидании.

– А после того!.. Она ведь проникла еще дальше на прибрежье! Пенсионеров находили там в безжизненном состоянии, да еще на деревьях…

– Они что, распались на куски? – спросил Томпсон. – Они что, разбились или сохранились целиком? Как могли они застрять на пальмах?

– Они были мертвы, – очень кратко ответила мисс Фрей.

– Дождь, – внезапно разразилась Пибоди, – дождь – это дурной знак, тайфун может нагрянуть к нам в любую минуту!

Она говорила очень быстро.

– Да-да, миссис Моррис, мы ведь ничего не знаем о Флориде, а это, право, опасное место, если не знаешь, чем оно грозит. Мне ведь пришлось пережить тайфун, и я знаю, о чем идет речь! Однажды я даже бежала с известием о тайфуне в такое место, где не было радио и никто ничего не знал… тридцать человек были таким образом спасены!

– Что такое ты говоришь! – воскликнула мисс Фрей. – Это неправда, ты никогда не рассказывала об этом! Ты не можешь бегать!

– Я ехала на велосипеде! Ты ошибаешься насчет того, что я будто бы рассказала тебе все про свою жизнь. Это было давным-давно, в пятьдесят четвертом году.

– Тогда ты обитала в Теннесси и занималась ажурными строчками и мережкой, – сказала мисс Фрей.

– Девочки, девочки, – останавливала их Ханна Хиггинс, а Томпсон все повторял:

– В каком они были виде? Они развалились на куски? Как они могли застрять на пальмах? А, их прокололо в самой середине туловища! – торжествующе продолжил он. – Я почти представляю себе, какой вид бывает у пенсионера, когда он приколот к пальме, с которой сдуло всю крону. Сплошной сюрреализм!

– Абсолютно феноменально! – изрекла миссис Рубинстайн.

Томпсон, держа руку за ухом, заскулил:

– Что она сказала, что она сказала?

А мисс Фрей вскочила так, что бисеринки рассыпались по всему полу веранды, и воскликнула:

– Феноменально!.. Это вы феноменальны, напоминая нам о смерти! Феноменально то, что, по-вашему, весело, когда люди разваливаются на куски, то, что, по-вашему, трагедия приносит веселье!

Миссис Рубинстайн заметила, что вовсе не это имела в виду, а всего лишь отпустила комплимент в адрес варварского ви́дения искусства Томпсона. Она мысленно взвесила допустимость и мелкой непристойности в связи с обнаженными стволами пальм, со стволами, указующим ввысь, навстречу тучам… но затем раздумала: она промолчит, ведь, пожалуй, именно сейчас не самый подходящий момент для подобного высказывания.

– Там осталась еще белая бисеринка, – сказала миссис Хиггинс. – Они подкатились аж к самому краю веранды.

Пибоди, помогая Фрей собирать бусинки, прошептала:

– Не обращай на него внимания. Зачем тратить нервы на несчастного ветхого старика… Надо сохранять разумное понимание.

– Нервы… – прошипела Фрей. – Разумное понимание… Ты – дружок всех на свете, разве это не так?

Дождь лил по-прежнему, и все они один за другим ушли в дом. Лишь сестры Пихалга остались на веранде и продолжали читать при слабом свете.

Поздней ночью Томпсон, стоя перед дверью Линды, кричал:

– Линда? Джо у тебя?

– Да, – ответила Линда.

– Тогда я не войду к тебе, – сказал Томпсон. – Я хотел только сообщить, что принял эту пилюлю и все прошло блестяще! Как раз совсем недавно!

– Как приятно, – обрадовалась Линда. – Мистер Томпсон, это радостная новость.

– Да, – согласился он. – Я так и думал, что ты обрадуешься. Привет, Джо!

И он снова отправился в свою комнату.

Следующий день был необычайно красив. Стоило лишь солнцу взойти на небе, как дождь задержался в зелени среди домов и ни малейший порыв ветра не стряхнул дождевые капли с деревьев.

Когда Фрей отперла свою стеклянную клетку, Пибоди поспешила туда с деньгами на оплату комнаты в руке, восклицая:

– Привет! Ну как? Нынче у тебя настроение получше?

Обнажив в мимолетной легкой улыбочке передние зубы, что всякий раз заставляло Фрей вспомнить какой-либо мультик, Пибоди протянула сложенные банкноты в окошко кассы.

– Ну и смех, разве не забавно, что я всегда первая плачу за комнату, я никогда об этом не забываю! Никто бы в это не поверил!

И пока Фрей выдвигала свои ящики и выписывала квитанцию, Пибоди начала быстренько, почти не переводя дыхания, описывать, как все было, как произошло и какие чувства она испытывала в тот раз, когда выиграла в лотерею большие деньги, и не могла поверить, неужто это все вправду, и звонила на радио, и все снова и снова – раз за разом – задавала вопросы, и плакала от счастья…

– О, Кэтрин, я не верила, покуда не получила подтверждение выигрыша и не держала деньги в руках! Но тогда, разумеется, папа уже давным-давно умер, а все остальные – тоже.

Ее глаза, что всегда были на мокром месте и столь легко поддавались плачу, снова наполнились слезами, и Фрей сказала:

– Прекрасно! Я знаю! Вот твоя квитанция!

– Ты сердишься на меня? – спросила Пибоди, пытаясь заглянуть в окошко стеклянной клетки.

– Нет-нет! Это все замечательно! Просто фантастично!

– Да, фантастично! – поразмыслив, согласилась с ней Пибоди. – Кэтрин! Что ты хотела сказать вчера, когда мы беседовали? Разве я что-то произнесла и тебе не… Я имею в виду: что такого я сказала? Я часами не спала из-за этого, просто часами!

– Не знаю, – ответила Фрей. – Ничего такого ты не говорила.

– Ты уверена?

– Ну просто ничегошеньки!

– В самом деле? Не будь так уверена.

Пибоди, облокотившись о стойку, думала о том, что называется выбором, игрой случая. Через некоторое время она пришла к выводу, что лучше всего было обуявшее ее чувство торжества справедливости. Да будут первыми последние! Вот так оно и бывает, разве нет?

Она, обретя вновь свой жалобный детский голосок, когда Фрей не ответила ей, повторила:

– Разве нет? Разве это не так? Да будут первыми последние?!

– Милая Эвелин, – сказала Фрей, – в жизни бывает и так и этак, но сейчас мне необходимо сделать этот расчет…

Пибоди смолкла, но в конце концов, не удержавшись, сказала:

– Кэтрин! У тебя нездоровый вид. Тебе надо обследоваться. Это абсолютно нормально в твоем возрасте, тебе следовало бы побольше думать о себе самой. Уже многие заметили, что ты плоха, и я часто беспокоюсь о тебе!

– В самом деле? Беспокоишься обо мне? Просыпаешься по ночам, лежишь и думаешь: «Бедный мой дружок Кэтрин, если б я только могла помочь ей, защитить ее!»?

Побагровев, Пибоди сказала:

– Брось свою иронию, я и так защищаю тебя чаще, чем ты думаешь! Я всегда лояльна и говорю, что ты – о'кей, а это всего лишь нервы, говорю я, я защищаю тебя от них всех!

Маленькое мышиное личико было приплюснуто к стеклу окошка, и некоторое время спустя детский голосок продолжил свою речь:

– Это истинная правда, я хочу, чтобы ты наконец узнала правду, ты имеешь право знать ее!

– Что они говорили? – прошептала Кэтрин Фрей. – Что они говорили? И кто это сказал?

– А вот об этом я говорить не вправе! Я не могу выдавать их, ты должна это понять. Я только думаю, что ты должна узнать истину.

– Не вправе!.. – воскликнула мисс Фрей и поднялась. – Истина! А кто, черт возьми, дал тебе право говорить об этом?!

Пибоди, зажав рот руками, кинулась в вестибюль. Приблизившись к колонне, она в испуге, путаясь в направлении, помчалась дальше к лестнице. Слезы снова хлынули у нее из глаз, а прекрасный день померк с самого начала.

На своей кровати, наедине со своими любимыми фотографиями, она попыталась простить и понять… Ей было очень жаль Кэтрин Фрей. Недоверие – яд, заставляющий сердце человека сжиматься и терять связь с жизнью тех, кто обитает на земле.

6

В понедельник снова написал Абраша. Он был педантом, и каждое письмо отсылалось в один из первых трех дней месяца, в зависимости от того, какой день принес ему свободное время в делах. Каждое письмо сопровождалось рисунком, сделанным ручонкой самого одаренного из ее внуков или внучек. Миссис Рубинстайн сомневалась в их одаренности – во всяком случае, с точки зрения артистизма. Она не хранила эти рисунки, и даже письма сына. Они все походили одно на другое. Либанонна брала уроки музыки. Дела вышли из кризиса, и Абраша полон надежд на то или другое, погода стояла такая или этакая; они в ожидании визита, конференции, праздника… Или же у них уже состоялся визит, конференция, праздник… «С наитеплейшим приветом от преданного тебе…» И неизменно отосланное в один из первых дней месяца письмо…

Но миссис Рубинстайн знала, что ее собственные письма были точь-в-точь такими же, почти до противного точь-в-точь такими же. Однажды, когда слабый тайфунчик держал весь Сент-Питерсберг по домам, миссис Рубинстайн охватило страстное желание написать письмо сыну. И она принялась писать…

«Любимый Абраша, мой ужасный сынок, мы очень похожи друг на друга, хотя интеллигентность в широком смысле этого слова не распространилась на тебя и не пустила в тебе свои корни. Во всяком случае, ты после долгой и напряженной, преисполненной наблюдениями совместной жизни со своей матерью, вероятно, узнал, что я ненавижу банальные новости паче умалчивания, а полусердечные безликие комментарии – куда больше жестоких истин… Тебе никогда не приходило в голову, что эти уроки музыки, эти запланированные деловые конференции и эти экскурсии и обеды с влиятельными персонами, как ты даешь понять, для меня, твоей матери, Ребекки Рубинстайн, все равно что пыль на ветру? Предоставь мне доказательство того, что мой внук или внучка – гений, а не кудрявое дитя, которое истязает гостей своими не представляющими никакого интереса артистическими успехами. Напиши ясно и отчетливо и подкрепи цифрами, какую работу ты провел, расскажи абсолютно откровенно о том, кого тебе удалось обмануть, и о том, кто обманул тебя, не надо мне никаких намеков, схожих с бесцветными воскресными историями! Влиятельные персоны… могу себе представить! Кто, какие именно? Почему ты с ними встречаешься? Неужели у тебя нет никакой фантазии, а если она у тебя и есть, почему ты ее растрачиваешь попусту? Почему никогда не упоминаешь о жене, выбранной мной для тебя? Есть ли кто-нибудь на свете, кто может так понять, так оценить тебя, как я, твоя мать? Тебе неприятно это слышать, но никто на всем земном шаре не может чувствовать сполна и знать все нюансы жизни, которой ты живешь, твои упущения и твои успехи, как я. Тебе трудно простить? Если я создала тебе чрезмерно реальные возможности в жизни, тебе не простить мне того урожая, который ты пожинаешь с посеянного мной?.. А вообще-то, тебе хоть повезло? Тебе улыбнулась удача? Я ведь ничего не знаю. Ты называешь имена – имена ничего не значащих родичей. Чем дальше удаляются они от первоисточника, тем более блеклыми становятся. Зачем ты рассказываешь мне, как они утрачивают краски, как становятся все более и более бесцветными? Не напоминай мне о фатальном, об этом вечном недостатке жизнеспособности, молчание – куда лучше! Выбирай новые слова, выказывая заботу о моем здоровье, и сократи количество определений до формата, который доступен тебе… Мой любимый сынок, тоска – редкостный дар, мы не благословленны этой болью.

Абраша, подумай о том, что это я обустроила вашу жизнь, сознавая то, что я – одна-единственная, знавшая, куда ее направить. Почему же мне не дано знать, как вы развиваетесь, как движетесь дальше? А вы, вообще-то, движетесь?..

Шалом! Никогда не пиши только потому, что настал день писать письмо!

Твоя любимая мать Ребекка Рубинстайн».

Внимательно прочитав письмо, расставив кое-где запятые, она одобрительно кивнула самой себе и разорвала письмо на такие мельчайшие клочки, какие только возможно.

7

Элизабет Моррис не вернулась снова на корабль, однако по вечерам она наблюдала за освещенной оснасткой «Баунти» в окно своей комнаты. Новые впечатления, развлекательные игры забавляли и успокаивали ее. Надо заменить беседы письменным словом. В разгар тишины и молчания надо заменять сообщения записью на листке.

Передача такого высказывания уже сама по себе содержит своего рода уважение, подобное поклону японца, подчеркивающее, что к очертанным кругам других людей ты приближаешься со всем вниманием. Слово человека может быть пугающе назойливым, абсолютно невзвешенным, необдуманным, требующим немедленного ответа. Должна же быть, ведь должна же иметься возможность для раздумья. Время, необходимое для написания, – это немое сообщение, оно помогает осознать то, что ты пишешь.

Почти все, что мы говорим друг другу, отмечено торопливостью и бездумием – привычкой, робостью и потребностью производить впечатление. Сколько ненужной банальности, преувеличения и повторов, какое множество недостойного недопонимания!..

Поглядев на корабль, миссис Моррис продолжила игру. Рубрика. Беседа на веранде. План. Напряжение, предусмотрительность и стиль. Точь-в-точь как в шахматной партии, но при этом гораздо больше места для непредсказуемого. Она ничего не имела против сильных эмоций до тех пор, пока они не найдут своего оправдания в словах в конечном счете. А назавтра можно без зазрения совести встречаться с другими людьми.

Вообще-то, кто мешает нам писать, писать совсем простые слова: «Смотри, идет дождь!» Или: «У меня нет желания болтать». Или: «Чепуха все это!»

Единственным достойным партнером в подобной игре миссис Моррис могла представить себе миссис Рубинстайн, эту даму с софистическим изысканным уклоном мышления, занимавшую меж тем место на противоположной стороне веранды и тем самым – недостижимую.

Перемена кресла-качалки – непростительное оскорбление в Сент-Питерсберге. Тот, кто появляется там впервые, не знает, как важны кресла-качалки; ведь место, которое тебе предоставляют, оно окончательное… Постепенно ты следуешь правилам, обучаешься невысказанным гостиничным законам, и одна только смерть – да и та лишь чисто фактически – может заставить передвинуть кресла-качалки в Сент-Питерсберге.

Миссис Моррис представила себе, что ее место могло бы оказаться рядом с Ханной Хиггинс. Мысль об этом была весьма притягательна, но в таком случае, естественно, новая игра стала бы абсолютно ненужной. Жаль, что в голову не пришла мысль о Томпсоне. Они так никогда и не открыли для себя, какую суровую радость могли бы доставить друг другу.

Ныне, в пасхальные дни, Элизабет Моррис одолевало беспокойство. Неугомонная, она ушла из пансионата и распространила свои прогулки до отдаленных, чужих и незнакомых частей города. Ноги у нее были сильные, а своею тростью она пользовалась, главным образом размахивая ею вперед и вверх, словно бы кокетства ради и ритмически в такт своей походке. Трость являлась скорее каким-то вызовом, который никогда не был обращен к кому-либо. Миссис Моррис выбирала улицы с шумным движением транспорта, а время суток – когда народ спешит домой с работы. Люди шли ей навстречу, они сторонились, а потом обходили ее; казалось, будто проходишь сквозь струи водопада. Иногда она выбирала только одну улицу. Переходы через дорогу были затруднительны, затормозившие на красный свет машины стояли, готовые рвануться вперед, прежде чем успеешь перейти дорогу… Их она боялась. С глазами, устремленными на светофор, перебиралась она на другую сторону улицы, свет сменялся слишком быстро, зеленый почти тотчас становился желтым. И всякий раз она, ранимая в душе и обезумевшая, успевала вскочить на тротуар со своей тростью, скребущей улицу. Словно трусливая курица с беспорядочно торчащими перьями хвоста. Пока она брела по чужим улицам,

отовсюду доносилась музыка живущего своей жизнью города. Ведь людей постоянно сопровождала музыка. Они обрушивали ее звуки как водопад, они несли музыку с собой; звук транзистора в чьей-то руке разносился вниз по улице и встречался с другим, раздающимся почти рядом. Иногда транзисторы как бы играли в унисон, иногда начинался хаос, автомобильное радио выскакивало на улицу, и звуки его растворялись в реве гудков, когда машинам удавалось рвануться навстречу зеленому свету! Из открытых окон, из автоматов с граммофонными пластинками, из громкоговорителей универмагов – отовсюду струились потоки музыки, внося свое слово в буйство звуков улицы.

Головная боль нагрянула неожиданно, чуть позднее обычного. В затылке немилосердно стучало – чем дольше, тем сильнее, – и она, невзирая на боль, пошла дальше сквозь бурю безумной и неуправляемой музыки – бурю, сквозь которую дóлжно было пройти. Иногда она уставала. Здесь не было ни скамеек, ни парков, и она садилась на ступеньки лестниц или на тротуар. Никто не обращал на нее внимания.

Целую неделю миссис Моррис прислушивалась к звукам музыки, она ожидала ее с терпением, которое уравновешивалось любопытством. А потом отыскала камнедробилки на еще не застроенных окраинах города вдоль длинного прибрежья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.